

**СОБОРНАЯ УЛИЦА
СОБОРНАЯ УЛИЦА**

1.2012

**Миколаївський
літературно-художній журнал
«СОБОРНА ВУЛИЦЯ»**

Головний редактор:
Дмитро КРЕМІНЬ

Редакційна колегія:
Євген МІРОШНИЧЕНКО
Володимир ПУЧКОВ
Ілля СТАРИКОВ
Олексій ТОРХОВ
(видавничий редактор)

Редакційна рада:
Таміла БУГАЄНКО
Олександр ГЛУШКО
В'ячеслав КАЧУРІН
Сергій ПІСКУРЬОВ
Олександр ПРОНКЕВИЧ
Сергій РОСЛЯКОВ
Олександр СИЗОНЕНКО
Олена СИМОНЕНКО
Світлана СКИБА
Тетяна ФАБРИКОВА
Олександр ХАЄЦЬКИЙ

Художник:
Юрій КОРНЮКОВ

Засновник і видавець:
Редакція газети «Рідне Прибужжя»

Свідоцтво про реєстрацію:
серія МК № 846-342 /Р від 4 травня 2012 р.

Адреса редакції та видавця:
54001, м. Миколаїв, вул. Нікольська, 46

E-mail: s-street.red@yandex.ru

Журнал видається з червня 2012 р.
російською та українською мовами
за участю обласних організацій
Національної спілки письменників України,
Конгресу літераторів України,
Спілки письменників Росії

Періодичність - один раз на квартал
Розповсюджується безкоштовно

Віддруковано:
СПД Румянцева Г.В.
54001, м. Миколаїв, вул. Садова, 1.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
МК № 11 від 26.01.07 р.

Формат 60x841/8
Умовн. друк. арк. 13,95
Замовлення №130-07
Тираж 500 прим.

**Видано в рамках обласної
Програми підтримки
вітчизняного книговидавництва,
книгорозповсюдження та популяризації
української книги в Миколаївській
області на 2011-2015 роки**

СОБОРНАЯ УЛИЦА СОБОРНА ВУЛИЦЯ

**Николаевский
литературно-художественный
журнал**

**1
2012**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Дмитро КРЕМІНЬ: «Дорогий читачу, браво!» 3

БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА: СЕРДЦЕ ГОРОДА

Евгений МИРОНОВ: «Дикий Сад» – памятник тысячелетий 4

Александр СМИРНОВ: На сакральном месте 11

Наталья КУХАР-ОНЫШКО: Краеведческий музей во времени и пространстве 13

Зоя ШАТАЛОВА: Сохраним ли живую память? 19

ПОЭЗИЯ

Микола ВІНГРАНОВСЬКИЙ: Лиманський Гайявата 21

Вячеслав КАЧУРИН: Дорога по белому свету 27

Аркадий СУРОВ: Ангел 37

Валерій БОЙЧЕНКО: Ще одна таємна буття 53

Олег ДОРОШ: Так буває щотихої літньої ночі... 67

Евгений ПИВЕНЬ: Спиральное солнце детства 71

Валерія БОГУСЛАВСЬКА: Переклади російськомовних миколаївських авторів 78

ПРОЗА

Ілля СТАРИКОВ: Заручини Тараса Шевченка 32

Алексей ТОРХОВ: Сине-жёлтая субмарина (из романа в рассказах) 43

Олександр ГЛУШКО: Ольвійська спокусниця 58

КУЛЬТУРНЫЙ КАНОН

Александр ПРОНКЕВИЧ: Николаевские Дон Кихоты 74

ПУБЛИЦИСТИКА

Ирина ГРИБАНОВА: Учением своим просветившие 85

Игорь ПОХ: Николаев. Зазеркалье?.. 88

МАСТЕРСКАЯ

Анатолий МАЛЯРОВ: Вечная история 90

Екатерина НАТОЧА: Два художника – отец и сын 92

АРХИВ

Евгений ЗАМЯТИН: «Пошёл по Соборной...» 96

НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА

Обзор новинок местных издателей 116

ЭКСЛИБРИС

Этот загадочный книжный знак 118

РЕПЛИКА

Почему «Соборная улица», а не «Флотский бульвар»? 120

ДОРОГИЙ ЧИТАЧУ, БРАВО!

Нарешті ми з тобою – на Соборній. Так довго ми чекали на цю зустріч на знаменитій у Миколаєві, знаній у світі вулиці, що вже й не вірили про її здійснення. Потреба у першому часопису була ще тоді, коли на берегах Інгулу поставали стапелі та еллінги, коли у флотських друкарнях артикули з'являлися регулярно, як перемоги Потьомкіна і Суворова, Сидора Білого і Петра Скаржинського над експедиціями Османської Порти. Під Очаковом гвардії рядовий Гавриїл Державін обдумував рядки знаменитої «Осени осади в Очакове», а козацький літописець Григорій Грабянка заносив у свій тестамент аннали знаменитих вікторій імперії та жалобну пісню о часі погибелі козацької Спарти – Запорозької Січі. Така історія. Новітня історія цієї землі починалася наприкінці XVIII, а вже годинники б'ють у XXI столітті...

Втім, література – це вищий пілотаж у мистецтві Слова, яке було першим і яке було божеством іще до народження Месії. Було золотою стрілою, що відбивалася в очах Анахарсіса, скіфського царевича і поета, інженера й філософа, і жив наш пра-пра-пра-земляк іще в VII ст. до н.е. Велика Скфія, греки-елліни, колоністи Північного Причорномор'я: як їм жилося тут, можна дізнатися і з екскурсії до Національного заповідника «Ольвія» на околиці сучасного села Парутино... Нині, в час неймовірних усесвітніх тектонічних зламів і падіння духовних вавилонських веж, – о, з якою ностальгією ми прагнемо до гармонії та осяяння, до істинної дороги до істинного храму.

Ми не випадково назвали часопис саме так: ідея громадянської єдності, полікультурного єднання саме тепер для України страшенно важлива. Тільки тонісінський шар культури вкриває варварську шерсть та ікла новопосталого дикуна. Тому всесвітня культурна ностальгія стане для нас порятунком, адже віртуальною соборною рікою пливають до нас із давніх і недавніх епох осяйні люди-епохи, й одна із них – епоха літературна. Придивіться до вечірніх тіней на перехресті Соборної та Великої Морської: он із глибини Каштанового скверу два мармурових леви ведуть за собою сивочолого, вусатого Миколу Аркаса. Як на цифрографічному зображенні, сяє срібною головою Еміль Январьов, а на розі вулиці Тараса Шевченка й Соборної – молодий Олександр Пушкін у крилатці сходить із дорожньої коляски. Не так і далеко звідсіля – Альоша Пешков у лікарні обдумує свої перші оповідання про мандрівних циганів, і за століття піде в небо табір із екрана кінотеатру при самому перехресті Соборної з вулицею самого адмірала Степана Макарова.

Ціла літературна епоха – 20-ті рр. XX ст., коли головою Миколаївського окрвиконкому працює Микола Куліш, драматург світового рівня та сакральної сили. Юрій Яновський. Іван Микитенко. Навіть Остап Вишня присвятив Миколаєву безсмертну «вишеньку»...

А як не привітатись на цій вулиці з Ісааком Бабелем або Едуардом Багрицьким? Із Марком Лисянським і Яковом Цейтліним-Цветовим, останнім адресантом Сергія Єсеніна? І як забути легендарні вечори в губернському містечку, цитаделі імператорського флоту, бунтарів-футуристів – Давида Бурлюка, Володимира Маяковського та Василя Каменського? А як забути світлі лики недавніх наших співрозмовників, кого до нас принесе течія пам'яті: цією вулицею йдуть Адріан Топоров і Леонід Воронін, Іван Григурко та Валер'ян Юр'єв, Анатолій Ластовецький і Юрій Миронов, Михайло Божаткін і Віктор Подольський... Імена, імена, імена...

Читайте поезію та прозу першого номера першого літературно-художнього журналу.

Все це – про вас і для вас. На головній вулиці життя.

Дмитро КРЕМІНЬ

Головний редактор
Дмитро КРЕМІНЬ

Евгений МИРОНОВ

«ДИКИЙ САД» – ПАМЯТНИК ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

*Мачту поставив и снасти наладивши все, в корабле мы
Сели. Его направлял только ветер попутный да кормчий.
Были весь день паруса путеводным дыханием полны.
Солнце тем временем село, и тенью покрылись дороги.
Мы, наконец, Океан переплыли глубоко текущий.
Там страна и город мужей киммерийских...*

(Гомер “Одиссея” /XI, 10–20/, перевод В.В. Вересаева).

Уникальный общественный проект, получивший название «Сердце города», ставит задачу преобразования инфраструктуры исторического центра Николаева, реконструкции объектов культуры, создания новых парков и спортивных площадок. Самое непосредственное отношение к этому проекту имеют историки, археологи, краеведы. Учёные говорят: на левом берегу Ингула, там, где он сливается с Южным Бугом, расположена территория археологического памятника «Дикий Сад», укрепленного поселения XIII–XI веков до н.э. Спустя более полувека николаевские археологи завершили значительный этап исследований древнего городища. Наш корреспондент побеседовал с директором научно-исследовательского центра «Лукоморье», старшим преподавателем кафедры археологии, древней и средневековой истории Института истории и права ННУ им. В. Сухомлинского Кириллом Владимировичем Горбенко.

– У нас нет никаких сомнений относительно времени существования исторического памятника. Это время укладывается в диапазон 1250-900 гг. до н.э. Николаевцы всегда называли городской район между Флотским бульваром и Лагерным полем – Дикий Сад. В начале XIX века возле дома главного командира Черноморского флота и военного губернатора Николаева был разбит сад фруктовых и декоративных деревьев. Отсюда открывается широкая панорама реки Южный Буг и впадающей в неё реки Ингул, а также судостроительного завода имени 61 Коммунара – верфи, с которой, собственно, и начинался город Святого Николая.

Следуя исторической топонимике, исследователи сохранили название городища – «Дикий Сад». Сегодня вряд ли найдётся достопримечательность лучше, которая могла бы сравниться с этим памятником археологии. Головокружительная бездна открывается, когда осознаёшь: за три тысячи лет до нас на высоком обрывистом берегу Ингула, где ныне самый центр Николаева, существовало большое поселение, древний город-порт.

– Что представляло собой то время?

– Эпоха бронзового века (III-II тыс. до н.э.) в истории была переломной для человечества в целом и народов Надчерноморья в частности. Это, в первую очередь, развитие комплексного хозяйства (земледелия и скотоводства), развитие металлургического дела, демографический взрыв, постепенная дифференциация социально-экономических отношений, усиление расслоения общества, укрепление института вождей, трансформация религиозных и идеологических представлений. Особенно процессы трансформации общества стали ощутимыми на заключительном этапе эпохи бронзы (BrD – XII-X вв. до н.э.), когда революционные изменения в обществе стали необратимыми.

Завершала эпоху бронзы на юге современной Украины – белозёрская археологическая культура. Памятники этой культуры раскинулись в степях Надчерноморья и Надазовья, они состоят из поселений, курганов, грунтовых могильников, мастерских литейщиков и кладов (более 160 поселений и свыше 800 захоронений), которые охватывают территорию от Дуная до Дона. Белозёрская культура, с одной стороны, завершает бронзовый век, а с другой – даёт толчок новой эпохе раннего железного века, когда в нашем регионе появились первые письменные народы – киммерийцы и скифы, когда стали возникать первые политические общества, государственные структуры и греческие города-государства.

– Какие факторы легли в обоснование научной концепции существования города столь длительный период?

– Северное Причерноморье – это древнейший регион земли, где тысячи лет жили люди, принадлежавшие к разным народам. Здесь не было не освоенного человеком пространства. В малых пределах будущих государств и империй на берегах Буга и Ингула пересекались народы и культуры, люди строили жилища и храмы, выращивали злаки и домашних животных, охотились на степных зверей и ловили рыбу, хоронили умерших.

Основными причинами возникновения городища стали: субъективно-географическая – это самая северная точка Черноморского побережья с выходом на широкие степные просторы и объективная – поиск удобных путей к Волынским и Балтийским месторождениям янтаря. Удобная перевалочная база сухопутно-морского пути. Перекрёсток путей.

В геополитическом плане укреплённое поселение «Дикий Сад» замыкало самую северную точку Черноморского пути и контролировало основные сухопутные пути по водоразделам: на север – в Лесостепь; на северо-запад – в Центральную и Северную Европу, а также переправу через Южный Буг – пути в Балкано-Подунавье. И с Запада, и с Востока гидрографическая сеть для пути на Север сухоходом настолько запутана и сложна, что этот водораздел использовался с эпохи неолита до средневековья. По нему сарматы проникали в Центральную Европу (Венгрию), а готы – в Северное Причерноморье и Крым. Возможно, в районе Дикого Сада осуществлялась перегрузка с морских на речные суда с передвижением до Бугских порогов, где более удобный выход на водораздел Буга-Днестра к пути в северо-западном (Балтийском и Центральноевропейском) направлении. С экономической точки зрения варианты пути на север почти равнозначны. Сушей путь длиннее, а водный – неудобен, т.к. приходилось плыть хоть и против незначительного, но течения. А вот на обратном пути, который шёл с севера, особенно при максимальной загрузке, водный вариант давал значительную экономию по затратам времени и сил. Весь маршрут от Южного Буга до верховьев Западного Буга и Яблонецкого перевала не имеет ни одной переправы и является наиболее коротким. Таким образом, важное стратегическое положение городища несомненно.

– **Сегодня есть смысл вспомнить об исследователях древнего поселения.**

– Первооткрывателем городища можно считать известного николаевского археолога и краеведа Феодосия Тимофеевича Каминского (1888-1978), который с 1923 по 1929 годы возглавлял Николаевский историко-археологический музей. На протяжении многих лет он собирал и изучал материалы древних поселений, занимался историей и культурой родного края. Ф.Т. Каминский начал собирать подъёмный материал с территории и окрестностей с 15 августа 1927 года, именно эту дату можно считать датой открытия Дикого Сада. Название городище получило от названия урочища в современном городе. Наиболее значимой находкой того времени стал большой бронзовый котёл, он хранится в Николаевском областном краеведческом музее.

Второй этап исследований городища связан с работой в нашей области Причерноморской археологической экспедиции Киевского государственного университета имени Т.Г. Шевченко. Руководил экспедицией заведующий кафедрой археологии Л.М. Славин, а раскопками руководил А.М. Малёванный. Экспедиция зафиксировала остатки каменных фундаментов первых помещений в северо-восточной части городища.

Одно из помещений древнего городища.

По периметру - хозяйственные ямы

В середине 1950-х годов сбор материалов с территории Дикого Сада возобновил и Феодосий Каминский (третий этап исследований городища). Эти сборы подъёмного материала были последними исследованиями на территории городища в первой половине XX века. Ничего нового к вопросу о характере памятника они не добавили. Впоследствии за Диким Садам закрепилась репутация второстепенного, практически полностью уничтоженного природной эрозией поселения.

С начала 1990-х годов наступил четвёртый этап исследований городища, связанный с именем Ю.С. Гребенникова. Представле-

ние о памятнике постепенно менялось. Новые артефакты позволили пересмотреть культурную принадлежность памятника (Дикий Сад стали относить к белозёрской археологической культуре), его структуру и характер. Были открыты новые жилые, хозяйственные и культовые объекты, значительно пополнилась и разнообразилась коллекция материальных предметов.

С 1994 г. участие в раскопках начал принимать я, а в 1998-м мне поручили возглавить экспедицию. Это уже был пятый этап археологических исследований на современной территории родного города. На этом этапе были проведены самые крупномасштабные раскопки памятника, они стали самыми сенсационными за всю предыдущую историю исследований городища. Мы обнаружили новые архитектурные сооружения (оборонительные рвы), абсолютно новые предметы – элементы конской узды (псалии), литейные формы, разнообразные бронзовые (кельты) и костяные предметы (такелажный инструмент), провели комплексные анализы материалов раскопок.

– **Что представляло собой древнее городище?**

– Сегодня его площадь измеряется более 3 га, но в древние времена оно занимало гораздо большую территорию.

Конструктивно городище делилось на окружённую рвом цитадель. Мы обнаружили здесь 16 помещений разного назначения; предместье с 20 помещениями и посад за ограждающим внешним рвом. Ров цитадели был заполнен золистым слоем и насыщен керамикой, орудиями труда из камня, костей животных и бронзовыми изделиями. В южной и северной частях рва сохранились каменные фундаменты для деревянных мостов. Архитектурные сооружения располагались рядами вдоль реки Ингул и практически примыкали друг к другу, создавая единый архитектурный комплекс. Суше-

ствовавали і культові приміщення, дозволяють робити висновок про те, що жителі городища совершали різні релігійні ритуали.

За останні 20 років вдалося дослідити більшу частину археологічного пам'ятника. Розкопано більше 40 збережених об'єктів, 36 приміщень з прилеглими дворовими площадками, господарські ями, ритуально-культовий пандус, центральна площа з кількома десятками ям господарського і ритуального призначення, оборонні рови.

Архітектурні споруди розташовувалися рядами вздовж річки Інгул і практично примикали одна до одної, створюючи єдиний архітектурний комплекс. Більшість досліджених приміщень і споруд виникли одночасно і локалізуються на вирівняній площадці. Знаходячись з півночі овраг з дуже широким устьем утворював значущий конус виносу, створюючи природну навігаційну ситуацію – мол – причал, і забезпечував зручний ступінчастий підйом до городища з боку річки. Через річку знаходилася борована піщана тераса, на якій рос змішаний ліс. Він забезпечував жителів Дикого Саду деревиною різних порід (беріза, сосна, граб, дуб, липа, в'яз, ялина, іва, ольха), а також продуктами полювання (кабан, вовк, лисиця, олень благородний, сайгак, заяць), надаючи, крім м'яса і шкур, технологічний продукт – кістки тварин, роги оленів і клыки кабанів.

Крім цього, одним з головних достоїнств місцевості було обилие різних порід риби (сом, судак, щука, осетрові, карпові), для яких місце злиття водних потоків було найкращою кормовою базою, а затоки з невеличкими затоковими луками – нерестилищами. Степова частина території навколо городища була пристосована жителями для пасбищ, які за природних умов дозволяли круглодобово випасати домашню худобу (великий і малий рогатий скот, кінь, свиня). В той час наші степи були злаково-рознотравні (сьогодні типчак-ковилеві). Як і клімат в VIII-VI ст. до н.е. був м'якшим і вологим, жителі городища жили в більш сприятливих екологічних умовах, вони дозволяли вирощувати пшеницю двузернянку, ячмінь, просо. Виходячи з аналізу екологічних умов в топографії регіону – це найкраще місце в Нижньому Побужжі для розвитку комплексного сільськогосподарського господарства (сироводство і землеробство) і промислів (риболовство і полювання).

Таким чином, архітектурна планировка пам'ятника дає можливість визначити його як городище з повним набором соціально-економічної структури. Це розвита система штучної фортифікації рубежа II-I тисячоліть до н.е., вперше досліджується в Степному Причорномор'ї і є прикладом протогородського будівництва, яке виникло тут за 500 років до початку давньогрецької цивілізації.

– Розкажіть про археологічні знахідки.

– Аналіз матеріальних решток дозволяє передбачити основні види діяльності жителів городища, характер їх економічних і культурних зв'язів. Найбільш представителен комплекс керамічної посуду. Археологи виявили корчаги, кубки, горшки, чаші, черпаки, миски, сковороди, жаровні, вивчили орнаментальні мотиви, характерні для археологічних культур Надчорноморської ойкумени.

На місці розкопок знайдені також фрагменти кераміки з рожевим ангобом, особливо внутрішнім, характерним для культур Центральної і Західної Європи. Є також посуд місцевого виробництва, але виготовлений з використанням лекала, знятого явно з імпортованих зразків. Образом такого подражання є незвичайний посуд, швидше за все, погребальна урна, подібна до предметів з ряду культур півночі Європи, але не характерна для керамічних виробів регіону. Подібні форми посуду можна знайти на території Прибалтики і північної Греції. Комплекс металевих виробів налічує 70 предметів. Серед металевих виробів – кинжалы, ножи, ножи-пилки, шилья, два риболовних гачки, фрагмент невеликого долота, булавки, ковані котли, топоры-кельти, наконечник дротика, серйга, браслети, фрагменти пронизей (близько десяти деталей), бронзові бляшки. Безпосередньо з бронзолитевним виробництвом пов'язані знахідки трьох каменних литих форм для лиття наконечника списа, тесла і уздечних кілець, сопла і тигля. Типи виробів і аналіз металу вказують на торгові зв'язки жителів городища з півноччю, західом і сходу напрямками. Бронзові ножи і бляшки мають прямі аналогії в матеріалах Карпатського регіону. Типи кельтів репрезентують східний і західні регіони Надчорномор'я. Крім цього, в окремих житлових приміщеннях були зафіксовані ями-печі з товстими прожареними стінами.

Подобные печи были пригодны для вторичной обработки металла – переплавки мелких предметов, пайки, горячейковки и т.д.

Исследователи обнаружили более 200 предметов изделий из камня. Среди них – молоточки-куранты, растиральники, зернотёрки, наковальни, литейные формы, гирьки для отвесов, песты, поделки из камня. Особое внимание исследователи обратили на средиземноморскую породу камня, которая в более позднее время привозилась в Ольвию в качестве корабельного балласта. Наиболее вероятно, в таком случае, связь с Малой Азией, хеттской Милувандой (позже – греческим Милетом). Следует отметить, что почти отсутствует камень восточного происхождения – Донбасс, Кавказ, Урал и т.д. Кроме этого, анализ каменных предметов позволяет определить назначение орудий производства (орудия для обработки дерева, зерна, металла и другого сырья).

Изделия из кости (более 100 предметов) относятся к местным типам и, вероятнее всего, изготавливались в мастерских городища. Прослежен весь цикл изготовления: от кости, рога-заготовки до готового изделия и определения применения данного предмета (псалии – элементы конской узды, «коньки» – предметы для передвижения по льду, тупики и струги – орудия для обработки кожи и т.д.).

Впервые найден такелажный инструмент – «свайка» – приспособление для кручения канатов. Подобный инструмент применялся всеми навигаторами древней ойкумены.

Проведённый трассологический анализ позволил выявить основные виды ремесленного производства по видам деятельности. На одном из основных мест стоит обработка кости, найдено большое количество не только готовых изделий, но и заготовок, производственного брака. Очень важным производством была обработка дерева: найдено большое количество каменных шаров для плоских горизонтальных подшипников, противовесов-маховиков для вертикальных токарных станков, молоточков-курантов для обработки металла, возможно, для растирания красок. Количество зернотёрок незначительное. В принципе, подобная ремесленная деятельность известна в нашем регионе в предыдущее время (сабашиновская культура), но появление новых типов изделий – псалии, пластина для ременной узды, такелажный инструмент – соответственно, предполагает и появление инноваций в технологиях изготовления. Изготовление псалиев возникло несомненно на местной основе. Об этом свидетельствует полностью выявленный технологический ряд: от рога-заготовки до готового изделия.

Мастерская со столь полным технологическим процессом пока единственная во всем Евразийском регионе. Находки подобных псалиев на просторе от Дуная до Алтая позволяют утверждать о приоритете изготовления подобных изделий в нашем регионе. Можно также говорить о достаточной интенсивности использования средств передвижения (коней) и о постоянном торговом потоке в регионе.

Об определённых связях свидетельствует и ряд других предметов. В первую очередь это камень малоазийского (Эгейского) происхождения, попавший в виде балласта в регион после морских переходов. В этом же ряду стоят кости дельфина и косточки сушёного винограда, остатки пищи моряков во время плавания или дополнительный предмет торговли. Также был привезён череп росомахи, который использовался в вотивных (ритуально-культовых) целях, возможно, самими мигрантами (путешественниками, купцами).

– Как выглядели архитектурные сооружения Дикого Сада?

– Большинство сооружений «цитадели» и «предместья» были углубленными жилыми помещениями. Они имели форму прямоугольника с овальными углами, длинной осью, вытянутые вдоль реки Ингул. В них сохранились каменные кладки (цокольные конструкции и облицовки). Размеры помещений от 5,0–6,0 до 7,0–8,0 м, углубленность от 0,3 до 0,8–1,1 м (жилая площадь составляла от 30 до 56 кв. м). Наземные конструкции использовались как хозяйственные сооружения – загоны для скота, мастерские, хранилища. В некоторых из этих помещений сохранились остатки каменных оснований стен (цокольные конструкции). Стены были сложены из местного известняка в один ряд, от двух до пяти слоёв с элементами перевязки. Крыши одно- или двухскатные. Пол утрамбован, со следами неоднократной глиняной подмазки. На уровне пола этих помещений находились хозяйственные, ритуальные и столбовые ямы, а также открытые очаги.

Существовали культовые комплексы «цитадели» городища – углубленные конструкции с глинобитными стенами и каменными основаниями стен (облицовка и цоколи). Крыши были двухскатные, полы утрамбованы. На уровне полов этих сооружений находились ритуальные ямы. Заполнение ям

содержало в разных сочетаниях человеческие черепа, панцири черепах, кости животных, разные керамические сосуды, камни. Большинство таких ям было перекрыто кострищами. Особенный интерес для археологов представляет ритуально-культурный комплекс, состоящий из овального помещения с двумя большими кострищами по обеим сторонам от входа и специально вырезанным в склоне пандусом шириной около 1,0 м. Угол наклона пандуса составлял около 30°, а его длинная ось была направлена на летний восход солнца (наблюдение 21 июня).

Анализ культовых помещений цитадели городища позволяет сделать вывод о том, что его жители отправляли разные ритуалы, связанные с поклонением солнцу, месяцу и огню (ритуальные ямы, культовый пандус), почитали духов предков и героев (захоронение черепов в специальных ямах), практиковали культ плодородия скотоводческой направленности.

Оборонительные укрепления городища состояли из двух рвов (внешний ров вокруг городища и центральный вокруг «цитадели»). Внешний ров (ширина 2,0 м) проходил по оси юго-запад – северо-восток. Вдоль внутреннего борта рва располагалась каменная гряда. Исходя из расположения камней, можно предположить, что это была облицовка внутренней стенки рва. Возможно также, что эта кладка выполняла функцию фундамента ограды или оборонительной стены.

Ров, ограждавший «цитадель» городища в форме большой дуги, протянулся по оси юго-восток – северо-запад. Ширина рва 5,0 м, глубина 2,5–3,0 м. Заполнение рва насыщено керамикой, орудиями труда из камня, кости и бронзы, костями животных и рыбы, а также черепами и костями людей. В южной части рва располагался каменный фундамент моста (большие известняковые плиты). Фундамент моста был вытянут поперёк рва по линии север – юг и состоял из двух фасадов. Сам мост был деревянным и служил для прохождения на «цитадель». Второй фундамент моста располагался в северной части рва. В отличие от первого, каменный фундамент менее массивен (более мелкие известняковые плиты) и, вероятно, предназначался для более лёгкой конструкции деревянного моста. Второй мост соединял «цитадель» городища с его «предместьем», т.е. выполнял функцию внутренней коммуникации для пешеходного перехода.

За фундаментом второго моста располагался мощный завал камней. Расположение камней позволяет предположить, что это была некая прямоугольная или овальная конструкция, которая могла выполнять роль специального оборонительного сооружения или сторожевого пункта («бастион» или «башня»). Таким образом, сторожевые конструкции маркировали мосты городища и фланкировали ров «цитадели» в целом. При этом функцию оборонительной стены «цитадели» выполняли стены помещений, расположенных вдоль рва и примыкающих друг к другу.

На исследованной площади «предместья» были обнаружены: оборонительный ров с остатками каменной кладки; 20 помещений – наземных, слегка углубленных и углубленных конструкций. Среди этих сооружений выделяются помещения хозяйственного назначения – погребца, хранилища; жилища с глинобитными стенами и остатками каменных сооружений; 3 хозяйственные ямы; хозяйственная площадка с 21 ямой (хозяйственными и ритуально-культурными). Ямы располагались на ровной площадке между жилищами, образуя своеобразную центральную хозяйственную площадь «предместья». В этих ямах были зафиксированы остатки керамической посуды, кости животных и рыбы, остатки обугленных зёрен проса обычного, ячменя, пшеницы двузернянки, культурного винограда и древесного угля.

Таким образом, архитектурная композиция Дикого Сада даёт возможность считать его укрепленным поселением – городищем с полным набором понятий данной социально-экономической структуры. В период расцвета городища (XII–XI вв. до н.э.) в его границах складывается чёткая система планировки – цитадель, ров, предместье, внешний ров, посад, что соответствует классическому определению понятия город – «urbs».

– Можно ли отождествлять существование древнего поселения Причерноморья с «городом мужей киммерийских», упомянутым Гомером в «Одиссее»?

– Исследователи склоняются к этому. Учитывая все вышеизложенные факты, городище «Дикий Сад» можно характеризовать как наиболее яркое явление среди археологических памятников эпохи финальной бронзы южной Украины. Несомненно, поселение являлось важным стратегическим центром конца II тыс. до н.э. в степной полосе междуречья Прута и Дона. По сути это единственный из сохранившихся археологических памятников, который можно считать причерноморским городищем-портом времён легендарной Трои и Троянской войны. Вполне возможно, что городище «Дикий

Сад» выполняло функцию культурно-религиозного и торгово-экономического центра южной части Восточноевропейского региона.

В свете этих фактов очень интересно выглядит единственное упоминание Гомером племени киммерийцев – «Там народ (ἄϊμος) и город (πόλις) людей киммерийских, окутанные мглой и тучами» («Одиссея» /XI, 14-15/, перевод В.В. Латышева). По-видимому, у Гомера речь идёт именно о народе и городе киммерийцев, а, согласно мнению большинства отечественных археологов, племена саба-тиновской и белозёрской археологических культур относились к раннему этапу формирования киммерийского этноса. Опираясь на такого рода свидетельства, правомерно утверждать, что городище «Дикий Сад» может быть как раз этим центром – «градом людей киммерийских», который упоминает Гомер. Доказать или опровергнуть этот тезис помогут только дальнейшие исследования.

Эскиз будущего музея «Дикий Сад»

– В газетах было сообщение о том, что уже существует проект превращения городища «Дикий Сад» в музейный комплекс.

– Да, этот проект поддержали меценаты, ряд городских общественных организаций, представители областных властей, мэр города Николаева. Расположенный в исторической части города музей может включать экспозицию древних архитектурных сооружений. В их состав следует включить археологические объекты, реконструкции жилищ, культовых помещений, смотровую площадку с уникальной панорамой слияния рек Южный Буг и Ингул. Всё это позволит будущему музею стать не только просветительским центром, но и любимым местом отдыха горожан, центром посещений. Однако, кроме желания создать музей, необходимо желание подкрепить его создание финансовыми ресурсами.

Археологический музей под открытым небом «Городище «Дикий Сад» может стать своеобразным ожерельем областного культурно-просветительского проекта «Сердце города».

Александр СМІРНОВ

НА САКРАЛЬНОМ МЕСТЕ

*...Остыли камни древних очагов.
Иных века придумали богов.
Здесь жили люди. Кто теперь расскажет –
Я их потомок или их врагов?*

(На древнем городище. Б. Мозолевский, 1980)

Весной прошлого года газеты распространили сенсационную новость: специалисты Учебно-научного института истории и права Николаевского национального университета им. В.А. Сухомлинского в центре города обнаружили древнее кладбище. Возможно, это некрополь тех самых людей, живших в конце бронзового века на ингульском берегу? Нет, говорят археологи. Этот некрополь моложе городища «Дикий сад», он принадлежит греческому населению и датируется IV веком до н.э. В соответствии с исторической топонимикой некрополь назвали Александровский. Выявленные артефакты позволяют представить то, что происходило много веков назад на сакральном месте городской территории.

Незадолго до заката солнца процессия в несколько десятков жителей прибрежного поселения отправилась к городу мертвых, люди опустили завёрнутое в ткань тело возле погребального камня. В земле уже было готово углубление – прямоугольная яма с закруглёнными углами – ложе, ориентированное на восток. Оно было утрамбовано и выстлано тростником и листьями. Родственники зажгли светильники, заправленные оливковым маслом, разложили бытовые предметы, которые сопровождали усопшего при жизни: любимый нож с костяной рукоятью, керамическую чашку. Бронзовый колокольчик должен был отпугнуть злых духов. Здесь же, рядом с кистью умершего, установили перевернутые вверх дном амфоры с жертвенной пищей. В них было молоко, вино и вода. На маленьком алтаре осталась спиралевидная раковина-улитка, она символизировала идею бессмертия, должна была возродить мёртвого к новой жизни. Участники процессии вложили в руку погребаемого обол – монету, предназначенную Харону для уплаты за перевоз души умершего через подземную реку Стикс. Потом участники захоронения совершили ритуальные действия и магический обряд, благодарили Деметру-Хтонию, Гермеса, Персефону, Геракла и других богов. И стали закрывать, засыпать могилу. После погребения три раза звали душу умершего по имени, желали счастливой жизни под землёй и трижды говорили: «Будь счастлив», добавляя при этом: «Пусть земля тебе будет легка».

Так проходил поминальный обряд. В виртуальной исторической реконструкции были использованы наблюдения Б.В. Фармаковского, одного из самых проникательных исследователей античного мира древней Ольвии.

Почти все летние месяцы мы вели археологические раскопки на улице Набережной. Это почти рядом с учебным корпусом нашего университета. Объект исследования – античный некрополь, принадлежащий к сельскохозяйственной округе древнегреческого города-государства Ольвия. Были обнаружены и исследованы 25 грунтовых могил, более 1000 артефактов: керамика, бронзовые наконечники стрел, железные наконечники копий и пик, пастовые бусинки. У нас нет никаких сомнений:

действительно, в материковом пласте грунта на глубине от 40 см до 1 метра находятся захоронения мужчин, женщин, детей. Погребальные сооружения, как правило, ориентированы на восток, греки верили, что на западе находится страна блаженных, а на востоке – страна богов.

Некрополи античных городов имеют чёткую планировку, она определялась не только топографией, но и социальной, этнической структурой полисов, социальным составом слоёв населения. Мы не обнаружили гробов или саркофагов, следов особого обустройства могил. Большинство из них отмечены нагромождением камней – это одновременно опознавательные знаки, надгробья и обереги. Такое устройство погребений некоторые исследователи отождествляют со скифским влиянием, хотя некрополь, вне всяких сомнений, принадлежит греческому населению. Могилы не имеют дополнительных конструкций, вымосток и перекрытий, какой-либо подстилки, порой инвентаря. Мы не обнаружили ни одной из монет, которые действительно древние греки оставляли в могиле для умершего. Миф и ритуал о Хароне был распространён со второй половины VI в. до н.э., а в IV в. до н.э. уже не был обязательным. Дело в том, что грунтовые или ямные могилы – наиболее ранний тип погребальных сооружений, характерных для эллинистического периода истории древнегреческой гражданской общины. Такой тип «дома умершего» характерен для некрополей Северного Причерноморья и Ольвийской хоры.

Николаевская земля таит в себе ещё множество тайн и открытий.

Смирнов Александр Игоревич. Заместитель директора Научно-исследовательского центра охранно-археологической службы Украины в Николаевской области, старший преподаватель института истории и права Национального университета имени В. Сухомлинского.

Наталья КУХАР-ОНЫШКО

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

1803 год: кабинет редкостей

Официальной датой основания Николаевского краеведческого музея считается декабрь 1913 года. Но эту дату можно передвинуть более чем на сто лет назад. В те годы открывались первые музеи в Украине: в 1811 году – Феодосийский, в 1826-м – Керченский. Первый музей в Николаеве был создан при Черноморском гидрографическом депо карт, открытом в 1803 году. И назывался он кабинетом редкостей. Коллекция кабинета состояла из моделей судов, античных камней, керамики и монет, египетских вещей и железных лат. А начало этому собиранию было положено ещё во времена Г.А. Потёмкина и М.Л. Фалеева, одновременно с открытием заповедной Ольвии. Но вначале лучшие находки отправлялись в Санкт-Петербург. Незадолго до кончины, 15 октября 1792 года, Михаил Леонтьевич Фалеев, соратник основателя г. Николаева светлейшего князя Потёмкина, отправил в столицу секретарю государыни-императрицы В.С.Попову 13 монет, найденных в развалинах древнегреческого города Ольвии.

Весной 1793 года в Николаеве некоторое время находился знаменитый Тмутараканский камень с древнерусской надписью. В 1806 году в кабинете было уже более полутысячи самых разных редкостей. В эти годы гидрографическое депо карт находилось в небольшом доме, стоящем на ул. Адмиральской напротив дома главного командира Черноморского флота. Это здание было построено купцом Иваном Дофине в первые годы существования города, позже продано в казну и осталось в истории с названием второго Дофинеяского дома. Строительство его ещё заканчивалось в 1795 году. Каменное строение было длиною 15 метров с 12 окнами по фасаду. Внутри – семь покоев и одни сени. В этом здании и расположилось гидрографическое депо карт, которое имело типографию, составляло планы и чертежи казённых строений, кораблей, фрегатов и прочих судов. В одной из комнат находился кабинет редкостей.

В 1825 году наш город посетил издатель «Отечественных записок» П.П. Свиньин, который в одном из номеров журнала за 1826 год поместил статью «Обозрение путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 году относительно археологии». В Николаеве его заинтересовала не только археология. Восемь страниц текста посвящены городу на Южном Буге. Первым упоминается гидрографическое депо карт, оно, по словам Павла Петровича, «заслуживает особенного внимания историка и археолога». Далее подробно описывает музей, находящийся при депо. Он со-

стоял из небольшого минц-кабинета, где хранились монеты киммерийские и монеты Ольвии, минералогического кабинета и библиотеки. Было в музее также большое собрание предметов из мрамора.

Хранилось в депо также небольшое собрание физических и астрономических инструментов и уникальный рисунок внутреннего вида кургана, на котором стояло здание Николаевской астрономической обсерватории. Основание кургана было сооружено из толстой каменной стены в виде улитки. Библиотека насчитывала 2000 книг. Коллекция музея включала и собрание моделей судов, построенных на Чёрном море, модели Севастопольских укреплений и некоторых зданий города, а также два глобуса – географический и астрономический – в 9 футов (270 см) в диаметре. Вход в библиотеку и кабинеты был открыт всем желающим.

В 1830-е годы было построено новое двухэтажное здание гидрографического депо с одноэтажными службами. И, скорее всего, сюда переместился и кабинет редкостей. После упразднения депо здание получило название Дома для приезжающих особ. Оно сохранилось до сих пор на улице Адмиральской.

Музей при депо просуществовал до конца 1850-х годов, когда были упразднены учреждения морского ведомства, в которых он находился. А предметы из кабинета редкостей ещё при главном командире Черноморского флота М.П. Лазареве раздавались различным учреждениям и учебным заведениям Одессы, Херсона и Николаева. Часть нумизматической коллекции была передана в городскую Александровскую мужскую гимназию.

В Николаеве были открыты для обозрения и несколько частных собраний. Наиболее важной для становления будущего краеведческого музея стала природоведческая коллекция Э.П. Францева. Она располагалась в особом каменном помещении при его доме на ул. Адмиральской. Здесь были чучела редких животных, уникальные засушенные растения, красивейшие минералы Урала и Сибири. Только тропических бабочек было больше 25 тысяч разных видов. Все любители природы, особенно ученики учебных заведений, могли бесплатно посещать этот музей. Иностранцы предлагали коллекционеру большие деньги, но он оставил своё собрание городу. По завещанию родственники передали его уникальную коллекцию в открытый в декабре 1913 года Николаевский естественно-исторический музей. Специального здания учреждение тогда не имело, и эта особенность, к сожалению, сохранилась на многие десятилетия. Если посмотреть региональную прессу 1920-х годов, а потом 70–80-х годов XX века, то эта проблема всегда присутствовала на страницах местных газет: речь шла об отсутствии площадей для демонстрации богатых музейных коллекций, неудобствах посетителей.

В 1913 году для музея наняли частный дом николаевского мещанина Иосифа Заславского, находившийся по ул. Малая Морская, 11, угол ул. Большой Морской. Это одноэтажное здание на высоком цоколе с небольшими перестройками сохранилось до наших дней и его можно увидеть и сейчас. Открытие музея состоялось в воскресенье 15 декабря (по старому стилю) в 12 часов дня. На торжестве присутствовал Городской голова Н.П. Леонтович, члены городской Думы, многочисленные гости. Первым заведующим Николаевского естественно-исторического музея (так он тогда назывался) стал Сергей Иванович Гайдученко, юрист, гласный городской Думы, член правления николаевского отделения «Просвиты», коллекционер, имевший опыт проведения археологических раскопок. С этой поры в учреждении начинает формироваться научная библиотека, сюда продолжают поступать музейные предметы из частных собраний. Летом 1918 года в музей обратился Ф.Т. Каминский и предложил принять музейную коллекцию 58-го Пражского полка, он многие годы был расквартирован в Николаеве. Вскоре это было сделано, многие предметы из полкового музея и сейчас хранятся в наших фондах.

С.И.Гайдученко уделял большое внимание вопросам охраны заповедной территории Ольвии и пополнения музейной коллекции археологическими материалами. Музей с 1920 года стал называться историко-археологическим, а его природоведческая часть была выделена в самостоятельный отдел, так как в доме Заславского не хватало места для всех экспонатов.

После смерти С.И. Гайдученко (сентябрь 1922 года) директором был назначен Ф.Т. Каминский (1888-1978), много сделавший для развития краеведения и археологии, музейного дела на Николаевщине. Сделать он мог бы намного больше, если бы не стал жертвой несправедливых политических обвинений, был осужден, с 1929 по 1954 годы находился далеко от своих родных мест. Феодосий

Тимофеевич был автором более сотни статей и очерков по истории нашего края, присутствовал на судебном процессе по делу революционного лейтенанта П.П. Шмидта, обнаружил следы лагеря шведов Карла XII возле села Лупарево Николаевской области. Много лет Каминский был активным участником раскопок в Ольвии, которые возглавлял профессор Б.В. Фармаковский. С 1924 по 1929 годы он занимал должность ученого-хранителя государственного культурного заповедника «Ольвия». С 1923 года до дня ареста Ф.Т. Каминский работал директором Николаевского историко-археологического музея, создал первую на Украине реставрационную лабораторию, целью которой было сохранение и восстановление собранных ценностей истории и культуры. Благодаря его энергии и организаторской деятельности музей получил более приспособленное к своим нуждам помещение и фондохранилище, к тому времени в нём находилось более 30 тысяч предметов. Музей задыхался в небольшом доме Заславского. В июне 1928 года окрисполком выделил 20000 рублей на ремонт исторического здания гауптвахты.

На берегу Ингула

Новым помещением музея стало отремонтированное здание бывшей гауптвахты, построенной на площади в первые годы существования Николаева по проекту архитектора И.Е. Старова. Вначале это здание называлось магистратом и предназначалось для учреждений управления городом. Его строительство велось в 1791–1793 годах. Это было двухэтажное в средней части сооружение с небольшим треугольным фронтоном. Боковые крылья имели всего один этаж, обрамленный открытыми галереями. Первоначально у крыльев не было стен – крыша опиралась на внутренний ряд колонн. Эта двойная колоннада придавала зданию легкость, которая была утрачена после того как были устроены простенки во внутреннем ряде колонн. Первоначально здание как бы парило над высоким левым берегом Ингула.

В 1794 году здание было передано Черноморскому адмиралтейскому правлению. В течение XIX века оно неоднократно меняло свою функцию и использовалось в качестве конторы Главного командира, «старой экспедиции», даже гауптвахты. Именно здесь отбывал наказание молодой мичман и будущий создатель «Словаря живого великорусского языка» Владимир Даль, обвинённый в авторстве «пасквильных» стихов. В мае 1914 года на втором этаже гауптвахты была развёрнута экспозиция городского художественного музея им. В.В. Верещагина, открытого в память гибели великого художника-баталиста и нашего земляка флотоводца С.О. Макарова.

Ремонтные работы в здании гауптвахты были закончены в конце 1928 года. Перевезённые экспонаты разместили здесь в 12 залах, а 10 марта 1929 года на первом этаже официально открылся историко-археологический музей.

Завершала городскую планировку расположенная с восточной стороны площади церковь Григория Великой Армении (переименована в Адмиралтейский собор в 1798 году по повелению Павла I). Она была заложена в октябре 1790 года и освящена в 1794 году. Это небольшое крестово-купольное сооружение стало композиционным центром сложившегося архитектурного ансамбля. Внутри церковь была расписана известными живописцами, присланными от светлейшего князя: Федором Щербаковым, Леонтием Кочневым, Василием Шведовым, Матвеем Алимпиевым. По приказу Г.А. Потёмкина в церковь была завезена богатая церковная утварь, одежды, иконы. В середине XIX века собор ремонтировался и перестраивался: в частности, была возведена новая колокольня, стоявшая отдельно впереди здания. В 1929 году Адмиралтейский собор был закрыт и здание передано Николаевскому историко-археологическому музею. Газета «Красный Николаев» в эти дни писала: «В бывший собор будет перенесён военно-морской отдел и уголок культуры». В дальнейшем в соборе находился музей Революции.

В 1936 году с небольшим перерывом во времени «по просьбам трудящихся» были разрушены сначала гауптвахта, а потом и Адмиралтейский собор. Музеи – художественный и историко-археологический (в это время объединённые в один музей) – переселились в польский костёл и бывшую школу во дворе костёла.

В двухэтажном здании рядом с бывшей синагогой на улице Черниговской ещё с 1920-х годов находился Музей природы, в котором экспонировались чучела разных животных и птиц, разнообразные минералы, удивительная коллекция тропических бабочек и другие чудеса природы.

Здание, в котором разместился музей в 1936 году, было построено в 1899–1901 годах как одноклассная церковно-приходская школа и приют для бедных на средства добровольных пожертвований Римо-католического человеколюбивого общества. Детальные чертежи и сметы на строительство составил К.К.Бенкунский, старший техник морской строительной части Николаевского порта, почётный член благотворительного общества. Он же и руководил ходом строительства.

Здание было построено из красного кирпича, изготовленного кирпично-черепичным заводом Ф.Ф. Маурера в Николаеве. Во внешнем оформлении в нём прослеживаются стилистические черты псевдоготики и модерна. Первоначально это двухэтажное здание использовалось по своему назначению. В годы советской власти в 1928–1935 годах в нём находилась польская школа № 9. С 1936 по 2011 годы здание занимал Николаевский областной краеведческий музей. Работал музей и в годы немецко-фашистской оккупации Николаева (1941–1944), получив наименование – исторический. Руководил музеем Л.С. Кузнецов, ученик Ф.Т. Каминского, уволенный после его ареста в 1929 году. Кузнецов смог отремонтировать часть здания, обновил экспозицию, создал новый «украинский отдел», пытался помешать немцам вывезти статую памятника адмиралу А.С. Грейгу, которая хранилась во дворе музея. Сделать это ему не удалось, и бронзовая статуя исчезла – следы её потерялись. Осенью 1943 года наиболее ценные археологические материалы из музеев Николаева и Херсона (около 500 предметов) были вывезены оккупантами в Кенигсберг. Лет десять назад небольшая часть коллекции была возвращена Херсонскому краеведческому музею, судьба экспонатов вывезенного отдела «Ольвия» пока что неизвестна. После освобождения Николаева уже первого апреля 1944 года краеведческий музей начинает восстанавливать свою экспозицию и в мае этого же года открывает двери перед посетителями. В его тематической экспозиции были представлены первобытный строй, Ольвия, история города Николаева, нумизматический кабинет.

В 1950 году произошло объединение исторического и природоведческого музеев в один – Николаевский краеведческий музей. Но природоведческая коллекция ещё некоторое время находилась в здании на ул. Черниговской, 15. После перемещения её в конце 50-х годов в основной корпус рядом с музеем в небольшом домике открылась так называемая «Школьная комната», которая пользовалась большой популярностью не только у школьников, но и у взрослых посетителей. Но в 1968 году на месте «Школьной комнаты» был построен жилой дом.

Находясь в здании по ул. Декабристов, 32 почти 75 лет, краеведческий музей пережил несколько реэкспозиций. В конце 70-х – начале 80-х годов XX века наши фонды уже насчитывали более 100 тысяч музейных предметов. Небольшое двухэтажное здание не могло вместить всё новые поступления – крупные предметы располагались в кабинетах и коридорах, большая часть размещалась в подвальных помещениях. В 1965 году рассматривался вариант с надстройкой третьего и четвёртого этажей. Потом планировалась пристройка 4-этажного комплекса в сторону ул. Декабристов. Существовало решение о создании музея природы в бывшем здании художественного музея им. В.В. Верещагина по ул. Спасской, 22. Позже возникла идея передать музею здание УКГБ Николаевской области (они строили себе новое). В краткие сроки была подготовлена проектно-сметная документация на перепланировку здания. Но из-за отсутствия должного финансирования и смены общественной ситуации все эти идеи остались только на бумаге. В 1990-е годы Николаевский краеведческий музей был единственным в Украине областным музеем, который не имел своего здания, потому что к этому времени корпус на ул. Декабристов, 32 уже был передан католической общине.

И только в мае 1999 года глава Николаевской областной администрации, которую тогда возглавлял Н.П. Круглов, озвучил идею передачи областному краеведческому музею старых флотских казарм (решение IX сессии 23 созыва Николаевского облсовета). Тогда и возникла надежда, что у нашего музея, наконец, будет собственное здание.

«Старофлотские казармы» – новый адрес музея

Этим зданием стал исторический комплекс так называемых «Старофлотских казарм», расположенный в центре города возле судостроительного завода им. 61 Коммунара. Он состоит из трёх П-образных трёхэтажных каменных зданий. В одном из них находится строительный колледж, а два остальных предназначены краеведческому музею.

В 1832 году архитектор К.Акройд разработал «Генеральный план предполагаемых к сооружению на Адмиралтейской площади казарм», который был высочайше согласован с императором Николаем I. Адмиралтейская площадь на этом генплане представляла собой незастроенный прямоугольный плац, ориентированный на юг от Адмиралтейства. Сооружения вокруг площади должны были превратить её в главную городскую площадь. По этому плану с южной стороны пространство замыкалось длинным с четырьмя ризалитами зданием флотских экипажей. Оно играло центральную роль в этом ансамбле. Слева и справа от центральной площади расположены, согласно плану 1832 года, два идентичных комплекса казарм, каждый из которых состоит из трёх П-образных корпусов. В плане это своеобразное каре с внутренним двором и колодцем в центре. Все здания идентичны и по планировке, и по внешнему облику. Здесь использован принцип повторности, характерный для ансамблевого строительства начала XIX века. На северо-западе от центральной площади (сейчас сквер перед заводоуправлением) было предусмотрено место для адмиралтейской церкви.

Таким образом, генплан 1832 года предполагал формирование в центре города интересного градостроительного ансамбля Адмиралтейства. Но воплотить его в жизнь полностью не удалось, в западной части площади в 1832–1838 годах были возведены три казармы.

Автор проекта ансамбля казарм Черноморского флотского экипажа архитектор Чарльз (Карл) Акройд родился в Лондоне в 1787 году. В 1828 был принят на русскую службу архитектором морского ведомства в Николаеве. Сначала работал под руководством начальника строительного отделения Ф.И.Вунша, после его отставки в 1836 году стал главным архитектором. В Николаеве по его проектам были построены училище для дочерей нижних чинов (1840 г.), здание лютеранской кирхи (1848–1852 гг.), реконструирован Спасский дворец князя Г.А.Потёмкина (1841 г.).

К.Акройд разработал также проект реконструкции николаевского Адмиралтейства, в том числе эллинга верфи, литейного завода, каменной стены, окружающей Адмиралтейство, и двух заводских входных ворот, они сохранились до наших дней.

Здания казарм построены в стиле позднего классицизма (ампира). Центральная и угловые части корпусов подчёркнуты слабовыраженными ризалитами. Их фасады ритмически членятся прямоугольными оконными проёмами. Средний имеет пять осей. В нижнем этаже это пять арочных проёмов с тосканскими пилястрами большого ордера. Здание имеет горизонтальное членение. В по-

строенных казармах квартировали флотские команды. Каждая из казарм могла разместить от 1200 до 2000 человек.

Несмотря на то, что градостроительный ансамбль остался незавершённым, здания Старофлотских казарм являются редким и уникальным памятником типовой архитектуры первой половины XIX века.

После поражения в Крымской войне России было запрещено строить и держать флот на Чёрном море. В 1862 году последовало распоряжение о преобразовании военно-морских учебных заведений в гимназии, их планировали разместить в бывших зданиях морского ведомства. Для одной из городских гимназий было определено помещение флотского экипажа вместе с земельным участком. 10 сентября 1863 года здание было готово к приёму гимназистов.

С 1946 года и до наших дней в здании первой казармы располагается строительный техникум, сегодня это колледж. В двух остальных казармах все годы были расквартированы флотские экипажи, они сопровождали строящиеся и достраивающиеся корабли. Территория городка вместе с двумя корпусами теперь принадлежит областному краеведческому музею. Вначале планировалось, что в одной из бывших казарм будет расположена экспозиция, а в другой фонды. Но жизнь внесла свои коррективы в эти планы. Так как освоен пока только один корпус, то в нём будут и экспозиция, и фонды. А во втором, если он будет подготовлен к эксплуатации, можно разместить музей: старого города, спорта (мечта николаевских ветеранов спорта), литературы (мечта старейшего писателя А.М.Топорова), музей частных коллекций, выставочные залы. В обширном дворе хорошо бы расположить этнографическую экспозицию под открытым небом, мастерские народных умельцев, художественные салоны, антикварные лавки.

После передачи помещений областному краеведческому музею был разработан план их освоения. Родилось такое понятие как «музейный городок». Был создан макет с предположительными выставочными объектами, расположенными в обширном внутреннем дворе. Только в 2011 году поступило целевое финансирование, благодаря которому ремонт одной из бывших казарм удалось завершить. В конце декабря прошлого года сотрудники учреждения смогли начать очень сложный процесс перемещения фондов в новые просторные помещения. Достаточно сказать, что выставочная площадь экспозиций нового музея составляет сегодня около полутора тысяч кв. м, мы располагаем более 180 тысячами музейных предметов.

***Кухар-Онышко Наталья Александровна.** Главный хранитель фондов Николаевского краеведческого музея. Окончила Киевский художественный институт, факультет теории и истории искусства (1977). Работает в краеведческом музее с 1972 года. Автор 9 историко-краеведческих книг и многочисленных публикаций. Удостоена звания «Горожанин года» в номинации «Наука» (2001). Лауреат областной премии им. Аркаса (2006).*

Зоя ШАТАЛОВА

СОХРАНИМ ЛИ ЖИВУЮ ПАМ'ЯТЬ?

Київ, Петербург, Москва – ці міста були обіцяні в якості нагороди. «Ви знайдете там золото і срібло, ви будете там панувати...», – говорив Наполеон своїм маршалам. Освободительний похід російської армії закончився взяттям Парижа. В ньому брали участь три Бугських казачьих полки, флотський екіпаж, конний ескадрон В.Скаржинського, сотні земляков-добровольців. В честь великої перемоги в Ніколаєві було встановлено пам'ятник героям Вітчизняної війни 1812 року. В наші дні воїнському подвигу виконується 200 років.

Невідомої сили патріотизм і героїзм охопили людей від солдата до генерала, від селянина до аристократа. С трійним перевесом сил французи ожесточено наступали. Наполеон вирішив во що б то ні стало оточити 2-ю армію Багратиона, але біля Могили Даву вдалося перекрити шлях нашим військам. Корпус генерала Ніколая Раєвського самоотвержено прикривав відхід 2-ї армії до Смоленська – Раєвський сам повів свої війська в атаку, а поруч з генералом йшли в бій його синів – хлопчики 11-ти і 17-ти років.

Генерал Толстой, прикриваючи шлях з'єднання російських армій, на запитання офіцерів, що робити, мужливо відповідав: «Стояти і вмирати». Напрасно обіцяв Наполеон своїм маршалам, що Барклай-де-Толлі і Багратион ніколи не зустрінуться: перед Смоленськом російські армії з'єдналися, Наполеону не вдалося захопити російських в пастку, а французька армія в той час зменшилася на 100000 чоловік.

Маршал Мюрат не вірив своїм очам – російські берізи теж воювали з ворогами: укритися за могутніми стволів рідних беріз, піхотна дивізія кулями і штыками відбивала одну за іншою бешені атаки трьох досвідчених кавалерійських корпусів. Відбив більше сорока яростних атак і на цілі сутки затримав наступлення Наполеона, дивізія Неверовського спокійно отошла до Смоленська, з'єдналася з дозрілим піхотним корпусом Раєвського в 15000 солдатів і стала на захист Смоленська. «Це було левиний відступлення, це подвиг», – говорили про цей відхід. Але і тепер Смоленськ знаходився в великій небезпеці.

Місто було захищено товстою кам'яною стіною в 5 верст. На допомогу армії піднялося все населення, підійшли ратники з ближніх і дальніх сіл і міст. Весь жаркий день 16 серпня старий місто Росії, названий народом «Ключ-місто», закривав шлях до Москви, з останніх сил тримав оборону. Обложений французами з трьох сторін, місто стійко тримало оборону, хоча в ньому з 2500 вижило 350 будинків, а армія втратила 10000 воїнів. Зрозумів, що штурмом місто не захопити, Наполеон вирішив обійти його. Цей маневр примусив російську армію відійти на схід. Ранком 18 серпня французькі війська вступили в місто.

Імператор бачив димлящіся завали і не бачив перемоги, він втратив в бою за Смоленськ 20000 добитих солдатів і не досяг мети: шлях до Москви був по-ранньому закритий. Наполеона тривожило не тільки стійкість славян – його лякала і ненависть мирних жителів: так само, як порожній Смоленськ, були порожні всі міста і села на шляху французьких військ. Населення не хотіло залишатися з завоювачами. Люди йшли в ліси і приєднувалися до армійським партизанським загрозам.

Николаев, Зоя Ивановна. - 1917 г.

Такой всенародной войны Наполеон не видел. Во всех странах Европы он заставлял население кормить его армию, а в России на его пути не оказалось ни провианта, ни людей; французы голодали, мародёрствовали и теряли боевой дух. Маршал Мюрат убеждал императора остановиться и не идти на Москву. Наполеон колебался, но уже не мог остановиться. Он решил догнать и в генеральной битве разбить русские войска. Не знал тогда ещё диктатор, что Бородинское поле станет вторым, после Куликовского, полем воинской славы, где решится судьба страны, третьим будет – Прохоровское в 1943-м.

Падение Смоленска в народе переживали очень сильно, а когда перед Бородинским сражением была вынесена спасённая чудотворная икона Смоленской Богоматери, это вызвало огромный духовный и эмоциональный подъём у солдат. Многочисленные священники совершили богослужение, окропив русское оружие святой водой и благословив войска на бой. Среди этих священников был и отец Сафроний из Николаева. Вместе с земляками-ополченцами он с честью выполнил долг перед отчизной в 1812 году и, дойдя с русскими войсками до Парижа, благополучно вернулся в Николаев, где и прожил оста-

ток лет. Похоронен отец Сафроний на старом николаевском кладбище слева за церковью, его могила в народе считается чудотворной: люди почитают отца Сафрония молитвенником перед Господом и приходят к нему за советом и помощью.

В составе 1-й армии под командованием Матвея Платова в войне участвовали и 1650 николаевцев из 3-х Бугских казачьих полков; воевали многие добровольцы, Николаевский флотский экипаж матросов, конный эскадрон из 180-ти человек, сформированный на средства коллежского асессора В.П.Скаржинского из села Трикраты. Николаевские воины участвовали во взятии Парижа и были награждены за храбрость Георгиевским штандартом (знаменем) и военными наградами.

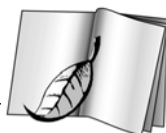
К 100-летию войны с Наполеоном в Николаеве на средства городского самоуправления был установлен памятник героям Отечественной войны 1812 года работы архитектора Л.Биоджиоли и художника Г.Риха, надзор за работами осуществлял городской архитектор Е.А.Штукенберг. Очевидец этого события Христофор Инглези вспоминал: «26 августа в городском сквере в центре города на пересечении Пушкинской и Адмиральской был поставлен высокий мраморный обелиск, который украшала прекрасная бронзовая статуя женской фигуры: опираясь одной ногой на выступ обелиска, руку она протягивала вверх, как бы налагая венок на вершину обелиска с рельефом Александра I».

Сейчас от памятника, ограбленного в послереволюционное время и годы оккупации Николаева фашистскими захватчиками, остались постамент и обелиск. Школьники на самостоятельно собранные деньги изготавливают мраморную доску, посвящённую отцу Сафронию.

Готовясь к 200-летию Отечественной войны 1812 года, учащиеся городской школы №22 – наследники героической славы своих прадедов – обращаются к горожанам с предложением восстановить памятник героям 1812 года. Николаев достоин звания города воинской славы.

Шаталова Зоя Ивановна. Председатель Николаевской городской общественной организации «Русская национальная община «Русичь-Николаев», учитель-методист СЗОШ №22.

Микола ВІНГРАНОВСЬКИЙ

ЛИМАНСЬКИЙ ГАЙЯВАТА

* * *

Тринадцять руж під вікнами цвіло,
Тринадцять руж – чотирнадцята біла.
Тринадцять дум тривожило чоло,
Тринадцять дум – чотирнадцята збігла.

Тринадцять руж під вікнами рида,
Тринадцять дум навилися на ружі...
Руда одна копиць у виднокружжі,
І сонця кров солом'яно руда.

Тринадцять руж – тринадцять кружелянь:
Червоне жовтим, жовте сірим душиться.
Ця гіркота пригашених страждань,
Ці білі квіти суму на подушці...

Це білий образ – чорний по ночах,
І зігнутих дерев неандертальці...
Ці білі руки з голубими пальцями
Горять у мене й досі на очах...

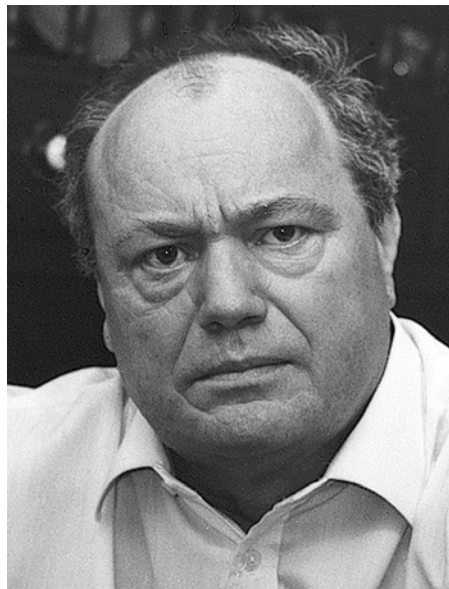
Я плачу. Все біло навколо.
Я плачу сліпими сльозами,
І мова моя пересохла...

1963

СКІФСЬКА КОЛИСКОВА

Колесо котить себе.
В голосі колеса сухо.
Степ даленіє в рябе,
Дихає спеченим духом.

Дим засина з колоском,
Сплять жеребці і кобили,
Спить у траві молоко,
Дихає баба з могили.

Вінграновський Микола Степанович. Поет, прозаїк, кіносценарист, актор. Народився 7.11.1936 року в місті Первомайську на Миколаївщині. Закінчив Всесоюзний інститут кінематографії (1960). Працював на Київській кіностудії ім. О. Довженка як кіносценарист, режисер, актор. Автор книг «Атомні прелюдії» (1962), «Сто поезій» (1967), «На срібнім березі» (1978), «Губами теплими і оком золотим» (1984); збірок для дітей «Андрійко-говорійко» (1970), «Мак» (1973), «Літній ранок» (1976), «Літній вечір» (1979), «Ластівка біля вікна» (1983), «На добраніч» (1983); повістей «Первінка», «Сіроманець» (1977), «У глибині дощів» (1985), роману «Северин Наливайко» (1996), історичних нарисів «Чотирнадцять столиць України» (2002). За збірки творів для дітей удостоєний Державної премії ім. Т.Г.Шевченка (1984). Його твори перекладено російською, естонською, литовською, чеською, англійською та іншими мовами. Член Національної спілки письменників України(1962). Помер 26.05.2004 року.

Гиля, моє скіфеня,
Гиля на вичинку шкіри.
Гиля в сідло на коня –
Меч свої зуби ошкірив.

Бринзою пахне роса,
В меду злипаються очі.
Бог прикотив небеса
Темною хмарою з ночі.

Колесо котить себе,
Голос у колеса довгий.
Соб, та гаття, та цабе,
Вовк одягається голий...

Гиля на сон, на спання,
Бавиться нічого сміхом.
З ранку, моє скіфеня,
Станеш до вечора скіфом.

І пролетиш на орлі
Кров і літа, що зрябіли...
З бабою в очі твої
Буду дивитись з могили.

1970

* * *

В кукурудзинні з-за лиману,
Де тихі дині в жовтих снах,
Де зайченята плачуть маму
І голубим сміється птах,

В невільнім вив'яленім літі,
Де в переліті вже крило,
Де сохнуть далі перемліті
І за селом сидить село, –

Мене окликнув хтось!.. Був голос
Жіночий – вогкий і тремкий.
Я оглянувсь – ніде нікого:
Ні губ, ні кроку, ні руки.

Але душа моя затерпла –
Відкрилась голосом отим
Дорога біла середстепна,
Де йшлось великим і малим,

А множество вже стало станом
Позаду мене в небесах...
І я заплакав над лиманом,
Де голубим сміявся птах!

1974

ГАЙЯВАТА

Над лиманом білять синім,
 Білять білим над лиманом,
 Над лиманом кукурудза
 Світлі вуса опустила.
 І лиманський Гайявата
 Щось там робить-виробляє,
 Душить гроно винограду –
 Зимувати цілу зиму.

Дві дитини плачуть в люльці –
 Тато з мамою сміються.
 А під хатою з лиманом
 Дід із прадідом бухика:
 Душать гроно винограду –
 Зимувати цілу зиму.

Пасе кози над лиманом
 В сіре вдягнена прабаба.
 Баба – та копа картоплю
 Й відганя бджолу від вуха.
 Та і я роблю тут дещо,
 Правда, діло несерйозне,
 Бо люблю щось недалеко,
 Бо своє люблю при собі,
 Як любив його і вчора, –
 Білий побіл над лиманом,
 Сірий глід з гніздом сорочим,
 Срібне слово павутини!
 Телевізор у футболі
 Перепліскує долоні,
 Біла курка кудкудаче,
 І ячко, мов футболік,
 Тепло дивиться з гнізда.

А тим часом над лиманом
 Почорніло щось і згасло,
 Перебігло щось дорогу,
 Холодком перейнялось, –
 І за руку старе горе
 Веде горе молоденьке,
 Веде горе попід гору
 Від лиману полянами.
 І говорить старе горе
 Молоденькому на вухо:

– Ти підеш по нежонатих,
 А я піду по сімейних,
 Будем з ними зимувати
 І не будем знати горя.

І говорить мені горе
 Молодесеньке на вухо:
 – Буду я тобі за жінку,
 Ти ж мені за чоловіка.
 Привезем гарбу соломи
 Та замісим з нею глини.
 Лампачу насушим – шифер
 На Привозі десь в Одесі.
 Та прищепимо до груші
 Молоденьке яблунятко,
 А там дівчинка чи хлопчик
 Помалесенько знайдуться.
 Кабаків їм напечемо,
 З молоком наварим каші,
 Баранців із кукурудзи
 Напечем на черені,
 А на весну козенятко
 Розчепірить в хаті ніжки
 Й застрибає по подвір'ю
 По калюжі вдвох з собою.

А тим часом старе горе
 Вже по-своєму хазяйнує:
 Молотком дорогу мостить,
 Возить щебінь із кар'єру,
 Дітям гудзик пришиває,
 Через яр до школи водить,
 Тягне сіті із лиману,
 В'ялить глосики з бичками,
 Квасить в діжці помідори,
 Куфайки несе з крамниці,
 Ковбасу і торбу цвяхів,
 Ще й горілочки із перцем!

А тим часом над лиманом
 Чорт зубами тягне хмару,
 Другий ззаду підпихає,
 Тягнуть хмару на прабабу
 І над нею виливають.
 Та, тікаючи, прабаба –

Зі своїми кізьми в скирту –
З хлібом синю цибулину
На пеньках жує чорненьких!
Засміялись чортенята
І на бабу потягнули,
Потягнули та й линули
В пелену їй чорну хмару:
«Дай нам, бабо, картоплину,
Бо й тебе залиєм з дідом,
І не буде вам ні бринзи,
Ані грона винограду!»

Підхопився прадід з дідом –
Мокра курка їм під ноги, –
А чорти кричать їм з хмари:
«Загинайтесь, дідугани,
Та лягайте в домовину,
А там далі видно буде!..»
Тягне чорт зубами хмару –
Тато з мамою сміються, –
Другий ззаду підпихає, –
Дві дитини плачуть в люлі, –

А лиманський Гайявата
Щось там робить-виробляє,
Душить гроно винограду –
Зимувати цілу зиму!

А тим часом над лиманом
Наче щось замаячіло,
Щось дорогу перебігло,
Холодком перейнялось, –
І за руку старе щастя
Веде щастя молоденьке,
Веде щастя попід гору
Від лиману полянами.
І говорить старе щастя
Молоденькому на вухо:
– Що лишилось нам робити,
Як ми з горем помінялись!
Цей Микола Вінграновський,
Несерйозний чоловік цей,
Душить гроно винограду
І все плутає на світі!

1975

«ВІД НЬОГО ПАХТІЛО ДОВЖЕНКОВИМИ УРОКАМИ»

Пригадуючи Київ 1960-х, покоління вцілілих класиків, а ще – «новобранців поезії», яких не-безпідставно величають шістдесятниками, М.Вінграновський (1936–2004 рр.), на думку В.Коротича, був одним із найталановитіших, і від нього пахтіло Довженковими уроками. Народившись у Первомайську на Богополі, яке і досі бринить козацьким духом, він, вихованець славетного режисера «Землі» та «Арсеналу», зігравши Івана Орлюка в «Повісті полум'яних літ», потрапив до світової історії не тільки завдяки кінематографу. Його поетичний дебют на сторінках «Літературної України» П.Загребельного співпав із серією авторських кінофільмів випускника ВДКУ, а також за сценаріями В.Земляка, Г.Тютюнника. А була ще громадська діяльність, яка допомагала відстоювати інтереси держави на сесії Генеральної Асамблеї ООН, головування в українському ПЕН-клубі, і це – крихти безмежного таланту, яким наділила його доля. Очевидно, саме тому його по праву називали «степовим Гайяватою» (О.Сизоненко), «маршалом української культури» (І.Калинець), творчість і особистість якого і сьогодні залишається в українській культурі взірцевою.

Безперечно, М.Вінграновський був у числі тих, хто підніс до висот нашу культуру, яка збагатилася дивовижною лірикою («Атомні прелюди», «Сто поезій», «Поезії», «На срібнім березі», «Київ», «Губами теплими і оком золотим», «Цю жінку я люблю»), в тому числі для дітей («Андрійко-говорійко», «Мак», «Літній ранок», «Літній вечір»), великими епічними полотнами, серед яких – роман «Наливайко». Мали резонанс його історичні нариси «Чотирнадцять столиць України», які на початку 1990-х першими опублікували в обласній миколаївській пресі. На превеликий жаль, на батьківщині поет бував нечасто: в основному, вдома, у рідні. А в Миколаєві М.Вінграновський навіть відкривав пам'ятник Т.Г.Шевченку. Тоді, в середині 1980-х, він прибув сюди після славнозвісного тріумфу аж трьох миколаївців, які в один рік – 1984-й – удостоєні Державної премії України, а це стали, крім нього, О.Сизоненко та Л.Вишеславський. На початку 1990-х його навіть висували на здобуття Нобелівської премії, але це – окрема розмова. Приємно, що Миколаївщина не забула земляка, готуючись до низки культурних заходів, що відбуваються з нагоди його ювілею. А це – данина пам'яті усім непоборним діячам культури, які пронесли крізь життя смолоскип вірності рідній землі, що береже їхні сліди на нетлінному тілі степу.

Тарас Кремень

КАПИТАН СВОЕЙ СУДЬБЫ

Яхт-клуб и мореходка, Адмиральская и Большая Морская и многое-многое другое – наше, родное, николаевское – живёт в его стихах и песнях. Вячеслав Качурин – поэт и бард николаевский. Он нежно воспел город, который любит с юности, и город платит ему искренней ответной любовью. Причём любовью массовой. Среди слушателей на его выступлениях можно увидеть не только рафинированных книжников. Простые, доступные и душевные строки Вячеслава Качурина находят отклик в массовой аудитории: будь то рабочий цех, школьный класс или просто скамеечки в сквере, где любят отдыхать пенсионеры.

Вячеслав Качурин родился на Волге в семье морского офицера, учился в пединституте на Дальнем Востоке, служил в армии. Судьба забросила его в Николаев, и этот город навсегда привязал к себе поэта. Здесь он окончил педагогический институт, преподавал в школах физику, обзавёлся семьей, друзьями. Здесь вышли в свет около 20 сборников поэзии, в том числе несколько книжек для детей, много лет возглавлял Николаевскую областную писательскую организацию и литературное объединение «Стапель» при Дворце судостроителей. Поэт всегда вёл активный образ жизни: в советские времена с комсомольскими и писательскими агитбригадами объездил всю огромную страну, совершил несколько многомесячных рейсов на китобойной флотилии в Антарктиду. Многие его стихи посвящены морю и морякам, они легко ложатся на музыку и поются под гитару. Творческая и общественная деятельность Вячеслава Качурина отмечена почётным званием «Заслуженный работник культуры Украины». Поэт награждён почётным знаком «За заслуги перед г. Николаевом». Вячеслав Качурин – лауреат престижных литературных наград: Всеукраинской премии имени Николая Ушакова, премии имени Николая Гумилёва, Золотой медали Национального союза писателей Украины. Ныне он возглавляет николаевское отделение Союза писателей России.

Поэт остаётся верен классическим традициям русской поэзии, стремится быть максимально близким читателям. Он часто откликается строкой на актуальные темы, чётко формулирует своё отношение к тем или иным житейским явлениям, порой не чурается гражданской публицистики. И всё же напевный дар поэта выдаёт в нём лирика, умеющего затронуть глубинные струны самой заскоружной человеческой души.

Владимир Пучков

Вячеслав КАЧУРИН

ДОРОГА ПО БЕЛОМУ СВЕТУ (избранные стихотворения)

ЧЁРНЫМ ПО БЕЛОМУ

За плывущими вдаль облаками
По путям голубым и просторным
Я опять уплыву с рыбаками:
Запишите по белому чёрным.

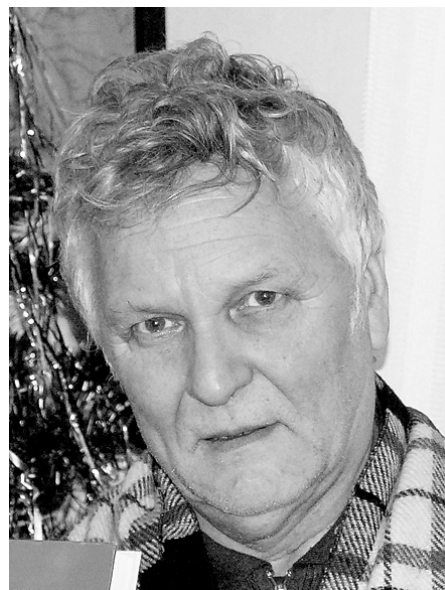
Будут ветра шемашище звуки
И открытые песням широты,
И опять мои «белые» руки
Потемнеют от чёрной работы.

Пожелайте пути покороче,
Шлите весточки, радиограммы,
Чтобы длинные белые ночи
Не казались мне чёрными днями.

Ну а я обогну всю планету,
Все ветра и шторма переспорю,
И дорога по белому свету
Приведёт меня к Чёрному морю.

* * *

Постарайтесь о том не забыть
И при жизни усвоить подробно:
Если пуля способна убить,
То строка обессмертить способна.
Всё зависит от воли творца,
От стремленья его и прозренья:
Можно пулю отлить из свинца,
Можно строчку для стихотворенья.

Качурин Вячеслав Тимофеевич. Родился 20.01.1942 г. в селе Бык Романовского района Саратовской области, Россия. Образование высшее, окончил физико-математический факультет Николаевского педагогического института (1964). Поэт, исполнитель авторской песни. Первая публикация состоялась в газете «Дальневосточный Комсомолец» в 1969 г. Автор 20 стихотворных сборников.

Руководитель литературного объединения «Пегас» при Доме учителя. Лауреат Всесоюзного фестиваля авторской песни (1973). Член Национального союза писателей Украины (1974), Союза писателей России (1999). Председатель областной организации Союза писателей России.

НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ

То ли скользкой дорога была,
То ли дерево близко стояло;
Затрещали суставы ствола,
Покосилось крыло самосвала.
Дело мелкое, факт налицо,
И без жертв обошлось, слава Богу.
Но осталось лежать деревцо,
Свежей кроной упав на дорогу.
Из разбитой коры под откос
Животворная влага сочилась.
«Что случилось?» – я задал вопрос.
«Ничего, – говорят, – не случилось...»

ОХОТА НА КИТОВ

Тот выстрел был рассчитан тонко:
У гарпунёра верный глаз.
Но не заметил он китёнка,
Что рядом с самкой плыл как раз.
Как он в крови её метался!
И, носом тычась ей в бока,
Всё повернуть её пытался,
Чтоб дотянуться до соска...
Так и не сжалилась ни разу
Над ним беспомощная мать.
Он плыл за ней до самой базы
И ничего не мог понять.
Мы как-то сразу сжали плечи
И всё поднять не смели глаз,
Когда почти по-человечьи
Он из воды взглянул на нас.
Когда же с матерью простился,
Он так кружился по волнам,
Как будто на руки просился,
Как будто жаловался нам...

КОРОЛЕВСКИЕ ПИНГВИНЫ

Расправив грудь
И гордо выгнув спины,
У самой кромки мглистого плато
Маячат королевские пингвины,
Как доктора, в распахнутых пальто.
Пришедшие из сказочного детства,
Они стоят на краешке земли,
Окидывая взором королевство,
Где все они, представьте, короли.

Они людей не видывали сроду,
 И думают, потягиваясь всласть:
 Не посягнём ли мы на их свободу,
 На их неограниченную власть?
 Кругом снега безбрежны и зыбучи
 И айсбергов белёсые столбы.
 Стоят пингины, в пепельные тучи
 Уставив коронованные лбы.

НЕВЕРУЮЩИЙ ФОМА

Дед Фома сидит у дома	Дед за чистую монету
И на солнце щурит глаз.	Принимает эту блажь.
Золотистая солома	И молчит с достойным видом, –
С крыши сыплется на нас.	Понаслышался всего!
Словно тральщики в дозоре,	Но всему, что я ни выдам,
Копны сена на лугу.	Верит,
Я рассказ веду о море,	Кроме одного.
Привираю, где могу.	Он сидит на табурете,
Про зверей, которых нету,	Вдаль глядит на ковыли
Про мираж.	И не верит, что на свете
Про женский пляж...	Моря больше, чем земли.

И ВСЁ ПОНЯТЬ Я НЕ МОГУ

Е. Качуриной

Снежинки сыпятся с ветвей,
 Вдали слышны оркестра звуки,
 И я опять к любви твоей
 Швартую месяцы разлуки.
 А ты бежишь через пургу
 И слёзы варежкой стираешь.
 И всё понять я не могу –
 Смеёшься ты или рыдаешь.
 Но как волненья ни таи,
 Я вижу там, за пеленою,
 Как снег на локоны твои
 Ложится рядом с сединою.
 Вот потонувшие в снегу
 Вздыхают тихо пароходы.
 И всё понять я не могу –
 Часы промчались или годы.
 Мне прошлых лет ничуть не жаль;
 Ловлю твой взгляд живой и чистый,
 А на губах твоих февраль
 Снежинкой тает серебристой.

Всё тот же вальс на берегу
Звучит над площадью причальной.
И всё понять я не могу –
Весёлый он или печальный.

НЕ ПОВЕЗЛО

Мне так не повезло:
Я боль принёс кому-то...
И всё ж добром за зло
Мне платят с той минуты.
Не хаяли, не били,
Но легче мне едва ли;
Уж лучше б оскорбили,
Руки не подавали...
Но мне не повезло:
Мне мстят добром за зло.

ПОПУТЧИКИ

В полумрак сползает мостовая,
Тополя уснули до зари,
И ночная улица пустая
Отражает в рельсах фонари.
В глубине дежурного трамвая,
Где мелькают блики, как в кино,
Отчего ты, слёз не вытирая,
Смотришь в запотевшее окно?
В голубые призрачные дали
С непокрытой пылкой головой
От какой сбегашь ты печали?
От какой обиды роковой?

Мне не спится, и тебе не спится,
И за что нас доля обрекла
Всматриваться в собственные лица
Взглядом, отражённым от стекла?
Но куда б ни мчались мы ночами,
От кого б ни прятались сейчас,
Неотступно следуют за нами
Двойники, похожие на нас.
Словно беспризорные в вагоне,
Мы молчим, о прожитом скорбя.
Можно скрыться даже от погони,
Но нигде не скрыться от себя.

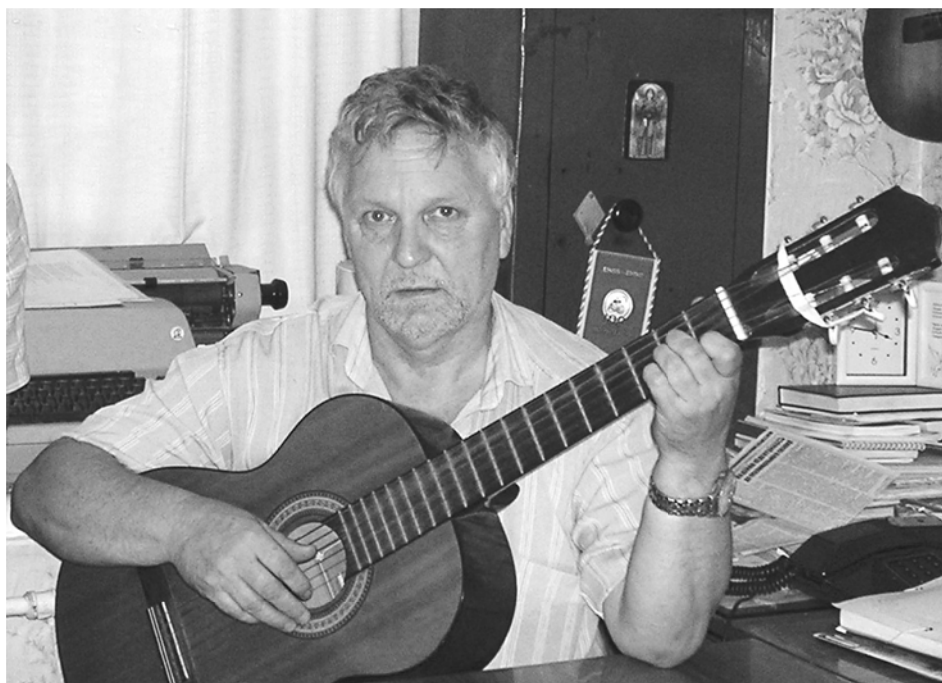
«КРАСНОЕ СОЛНЫШКО»

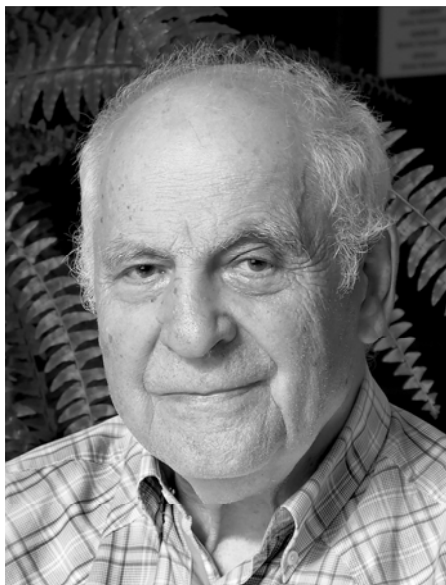
Во дворе, где песок и качели,
И беседка... Ну чем не детсад?
Здесь бездомные Коли да Нели
Целый день под окошком сидят.
Круглолицы, тихи, конопаты,
Терпеливо и преданно ждут.
Не идут к ним ни мамы, ни папы
И за ручку домой не ведут.
В дни рождений здесь торты с цветами,
А на праздники – всем шоколад.
Но кричат они нянечке: «Мама!»
Мёртвой хваткой вцепившись в халат.

Тут сердечное к ним отношеньё
С ощущеньем неясной вины.
Что сказать малышам в утешеньё,
Если нет ни беды, ни войны?
Как открыть им всю истину разом,
Как сказать, что в соблазнах земных
Искалечили собственный разум
Непутёвые матери их?
Но с мечтой о несбыточном чуде
Дети смотрят в окошко и ждут...
Хорошо, если добрые люди
Им на свете пропасть не дадут!

Бібліографія. Окремі книги:

1. Качурин В.Т. Берег волны: Стихи. – Одесса: Маяк, 1974.
2. Качурин В.Т. Утверждение. – М.: Молодая гвардия, 1974.
3. Качурин В.Т. Признание: Стихи. – К.: Молодь, 1978.
4. Качурин В.Т. Там, где полюс недалёк. – К.: Веселка, 1977.
5. Качурин В.Т. Открытый океан: Стихи. – Одесса: Маяк, 1979.
6. Качурин В.Т. Перо альбатроса. – К.: Веселка, 1981.
7. Качурин В.Т. Берег Вселенной: Стихотворения. – К.: Молодь, 1982.
8. Качурин В.Т. Адрес надежды: Стихи. – Одесса: Маяк, 1983.
9. Качурин В.Т. Учебная тревога: Стихи. – К.: Веселка, 1984.
10. Качурин В.Т. Ощущение времени: Стихи. – Одесса: Маяк, 1986.
11. Качурин В.Т. Волшебные рельсы: Стихи. – К.: Веселка, 1987.
12. Качурин В.Т. Главный праздник: Стихи для младш. шк. возраста. – Одесса: Маяк, 1988.
13. Качурин В.Т. Дорога за город: Стихотворения. – Одесса: Маяк, 1990.
14. Качурин В.Т. Ходовые испытания: Стихотворения и авторские песни. – Николаев: Суперполиграфия, 2000.
15. Качурин В.Т. Линия судьбы: Стихотворения и песни разных лет. – Николаев: Атолл, 2002.
16. Качурин В.Т. Я буду космонавтом. – Николаев: Обл. типография, 2005.
17. Качурин В.Т. Главный причал. – Николаев: Обл. типография, 2007.
18. Качурин В.Т. Сегодняшняя молитва. – Санкт-Петербург: Полюс, 2007.
19. Качурин В.Т. Отчётный период. – Николаев: Возможности Киммерии, 2009.
20. Качурин В.Т. На грани яви и мечты. – Николаев: Илион, 2009.

Стариков Ілля Мойсейович. Доктор педагогічних наук, професор факультету психології МНУ ім. В.О. Сухомлинського, зарубіжний член Російської Академії Освіти. Народився 3.08.1934 року в м. Миколаєві. Закінчив Миколаївський суднобудівний технікум (1954) та філологічне відділення держуніверситету в Ростові-на-Дону (1964). За створення і впровадження прогресивних педагогічних технологій і засобів навчання відзначений 9 медалями ВДНГ СРСР, нагороджений 6 Державними медалями України та Росії. Городянин року в номінації «Наука і вища школа» (2004). Науково-педагогічну роботу поєднує з літературною діяльністю. Автор прозових книг: «Спілкування з небом», «В очікуванні кльову», «Таїнства історії». Упорядник книги колективного авторства «Володимир Васляєв: Лідер, Менеджер, Людина». Член Конгресу літераторів України.

Ілля СТАРИКОВ

ЗАРУЧИНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

У жінці будь-яке нерозуміння притлумляє вроджену допитливість і розпалює занепокоєння. Це висвітилося Тарасові давно. Щойно він перехопив у спочивальні подивований позір Ликери Полусмакової. Наречена бралася до сну, тільки він не ліг поряд, а попросив скинути з оголеного тіла простирadlo і неквапом обстежував її на ложі. Хоча вони уже і повінчалися, йому довелося довго припрошувати молоду, щоб вона оголилась. Мовчазливо, мов лікар, обдивляв молоде тіло майбутньої дружини. З одного плеча на інше перекладав темно-русі коси Ликерії. Вона чудувалась, але покірно мовчала.

І щоразу, перш ніж погасити лампу і досхочу натішитися нею, він присідав поруч, неквапом, захоплено пестив білі стегна Ликери, обережно доторкувався до них, наче лякаючись обпектися. Іноді підкручував фітіля дужче, аби яскравіше виглядала золотава шкіра дівчини. Тоді червона окалина гноту виступала зі шпарини звабливо, мов прихований язичок. Або ж і зовсім переставляв світильника на інше місце, щоб світло лилося з іншого боку. І жадана краса тіла бачилася по-іншому.

Вони вже декілька тижнів заручені офіційно. Ликера – кріпачка. Її пані перебралася за кордон і доручила доглядати за дівчам своїй приятельці, з родиною якої вона і Тарас дружили не один рік. Почувши про серйозний замір Шевченка, добра господиня, що дбала про дівчатко певний час, так бідкалася при ньому:

– Милий Тарасе Григоровичу, хіба мало ви нахлебталися лиха змалку?.. Невже все забулося? Та і не пара вам Ликера зовсім.

Звідки знати милій, зичливій жінці про те, хто кому пасує? Адже сама відмалку плюскалася у пешенні багатій дворянської родини. Ось і Тараса не завжди вважали придатним женихом. Навіть батьки Катрусі Піунової, родові корені котрих вигулькували з кріпацтва, коли дізналися про думку Тараса просити руки їхньої доньки, наполохалися. Звісно, як люди освічені, в очі тоді йому не виголосили. Але віддали наказ Катрусі триматися від небажаного залицяльника подалі. Швиденько відшукали їй іншого, певнішого. Як тут не згадати бідолашного Івана Яковича, якому кілька років поспіль вішала на вуха локшину попівна Рошкевич, а потому, незважаючи на шалене

кохання автора геніальних рядків «Ой ти, дівчино, з горіха зерня...», зрадила йому, обвінчавшись із надійнішим чоловіком,

Однак відчував же Тарас тоді: Катрусина душа відгукувалася на його вірші, малюнки та українські пісні, які співала з його голосу. Розчавили його правдиве кохання. Ну, а хіба він забув свою клятву залежність від пана Енгельгарда чи десятирічну солдатчину? Стиратися може лише спогад по доброму відпочинку, мінає спрага по свіжому ковточку води, а приниження – ніколи.

Відтак ані кріпосна залежність, ані малограмотність судженої не стали перепоною. Напроти – осяяли додатковим сенсом стосунки з потенціальною половиною. З'явилася мета – витягти Ликеру з неволі, внести бодай краплину певності у святу справу звільнення українського народу. Бодай одна душа хай виборсається при його помозі до людського життя. Поет навчить її прагненню до книги, віршів та живопису.

Те, що вона говорила не по-московськи, а по-українськи, – теж вельми тішило пристрасного прихильника рідного Слова. Та вітчизняна мова, наче звенигородський чорнозем, народжувала в ньому найрозмаїтіші почуття, просотані дзвониками солов'їних вилясків та пахощами степових трав, і завжди спонукувала його до творчості.

За тривалі поневіряння на чужині, надто в киргизькій пустелі, тоді ще не визнаний родоначальник української мови знудгувався за рідним словом. Тепер навіть одне слово, мовлене випадковою людиною в чужинецькому місті, переміняло її в близького родича. Відтак на припочатку знайомства з Ликерою годинами насолоджувався її голосом. Це вже було щастям.

Аби у її господарів не виникало жодних сумнівів у серйозності його намірів, жених одразу узгодив із власниками кріпосної побутової клопоти. Прибрав на себе матеріальні повинності. Справив Ликері вбрання, подбав про окремий pokій для неї. І вже заходився приводити до ладу формальні папери.

А вночі, коли вони лишалися самі, міг не тільки пестити, але й розглядати вродливе тіло молодої.

Упродовж солдатської служби йому доводилося малювати портрети офіцерських дружин, пильно вдивлятися в їхні лики. Здебільшого жінки були вельми доглянуті та красиві. Армійські чини тямилу у виборі молодиць. Отож художник мав доволі нагоди вловити всі відтінки поведенції жінок та їхніх чоловіків. В армійських гарнізонах, наче в малих родинах, – усе про всіх відомо. Будь-які несподіванки назовні виходять. Художнє чуття навчило його по очах і обличчю вгадувати багато дечого у вдачі жінки, у тому навіть, як вона буде влаштовувати дім і відносини з близькими.

Він умиротворено милується п'янким тілом дівчини, і йому щоразу таланить завважити все нові й нові цікаві подробиці. Єдвабне, без єдиної складочки, чудове личко дещо випнуте, наче в лисеняти, що винюшковує щось. Набігають на думку покvapливі, хтиві погляди чорних очей, коли митець повертається з роботи в Академії мистецтв. І як вони розчаровано вислизують убік, коли в його руках нема гостинця.

Однак жага цілувати її безмежна. Пестити кожну капинку нечіпаних рук, пліч і ніжок дівочих. Чому, спадає на тямку, природа так дивно зводить хижку стосунків між чоловіком та жінкою? Він багато років знає княжну Варвару. Ще за перших здибанок у їхньому маєтку під Полтавою відзначив набубнявілі уста красуні, довірливу жіночність чорної сталочки, що спадає з чолика. Давно зрозуміло, як лине до нього душа жінки. За скvapливим зором та окремішнім словом кожен з них отямлює думки і почуття іншого. Варя навіть прочитала другові власне оповідання про закохану дівчину. В головному герої, звісно, він упізнав себе.

Не набагато, всього на шість років, княжна старша за гостя. За молодості вони бавилися, як ровесники. Та ніколи не прокидалося в ньому те ваблення, що кличе його до Ликери. Так до кінця життя «розумна» Варвара і лишилася для мужчини в поетові милою, задушевною, дорогою... сестрою.

Одного разу вона сказала Кобзареві, що вірші у нього від Бога. І додала по хвилі:

– Та пророки і ті, хто їх любить, ніколи не бувають щасливі...

А ось до німкеньки Мані в молодості його повело одразу, щойно вгледів її. Хоча й тямив, що вона до сподоби його другові. Приятелювали Іван з Тарасом нелегко. Сошенко вбачав у майбутньому духов-

ному лідерові нації лише живописця – геніального поета в ньому не відчував. Тараса ж захопила «стихия стиха», як жартував російською Іван. Нездоланна, невідворотна жага до поетичного слова буяла упереміж з пристрастю до Марусі. Чесний юнак не в змозі був здужати себе, аби вдатися до бездумних любовців, коли хоробра дівчина за відсутності Івана сама причалапала до Тараса... Пустунка зізналася, що їй до серця пишні Тарасові вуса, а до Сошенка, мовляв, забігала заради нудьги. Поклала розгубленому хлопцю руку на плече, а йому голова пішла обертом. М'якенькою і лагідною кішечкою видалася йому німкеня – говорити було ні про що. Вона більше про те, як добре в Німеччині, а йому Україна ввижалася... Згодом упевнився, що любов – це спілкування не лише тілом... Тоді зринуло його звідчасне:

Може, знайдеться дівоче
Серце, карі очі,
Що заплачуть на сі думи –
Я більше не хочу...

Та не знайшлося для Кобзаря ні серця, ні карих очей, котрі могли б утішити душу за лихої години. Як це було у більшості великих: Олександра Пушкіна, Михайла Лермонтова, Івана Франка, Олександра Блока, бо «Тому, хто все знає, тому, хто все чує: Що море говорить, де сонце ночує, Його на сім світі ніхто не прийма, Один він між ними, як сонце високе. Його знають люди, бо носить земля...»

Отож, що за дикунське, божевільне, незбагненне почуття любови! – чудувався поет при ліжку нареченої. Чому наш Творець, маючи такі безмежні можливості, здебільше не воз'єднує до купи красу з добротою? Чи зливає разом обмеженість з тілесною довершеністю?

Однак такі поєднання вельми небезпечні. Він добре це второпав у Академії. Лютими і огидними ставали саме ті, чий здібності не визнавалися. Таланту і генію необхідна шана. Якщо гребля мовчання суспільства перешкоджає їх виявленню, то закладена природою енергія обдарування, подібно до бурхливої поточини, змиває будь-яку перепону. Геній Шевченка відчував це на власній шкурі, якщо у генія взагалі є бодай яка шкура.

Можливо, й Тарас обернувся б на такого собі гайдамака-зарізяку, коли б шляхетні люди не подбали про нього в Петербурзькій Академії живопису. Коли б не слова, що клекотали в ньому рідною мовою. Непогамованими хвилями вони вихопилися таки на безмежні простори «Кобзаря»!

На світанні, по щасливому сніву, малював Ликерію сплячою. Марилось, як у цнотливих куточках української хати, котру подружжя придбає на березі Дніпра, почне газдувати ця юна вродливиця. Чепуренька і тендітна, як травнева огудина.

У ній було все до вподоби. Поталанило вхопити на папір, як вона по-дитячому простодушню, у нього на очах, присідає на відро за малою потребою. Малюнок потрапив їй на очі, і вона завважила зневажливо:

– Дорослий чоловік, а осорому малюєте!

А його поривало ділитися з кимось образами своїх видінь – щодня їх дарувала йому «пишнота» петербурзького життя, такого розмаїтого по рутинному побуту заслання. Прагло комусь повідати сюжети з рідного «раю». Переповнені піснями і словами, вони підкочувалися йому до самого горла, як ридання. Нашіптували йому то напівзабутими земляками з їхньою гіркою селянською долею, то численною родиною, що мордувалася на панщині.

Радісна близькість з Ликерою, думки і почуття, що збудилися заручинами, роз'ятрили в душі художника намисел створення величного полотна. Слово! Воно ніколи не зазнає кризи, але, бува, так швидко перехопиться уперед, на цілі століття, що пригальмована негараздами людська свідомість безсила наздогнати його, і воно зависає в пустизні безмов'я, лишаячись головною дорогою для грядущих поколінь. Чого варте було те його, Тарасове, розпачливе:

Либонь, уже десяте літо,
Як людям дав я «Кобзаря»,
А їм неначе рот зашито,
Ніхто й не гавкне, не лайне,
Неначе й не було мене...

Отож звернувся до пензля. Кольори багатші на полиски і півтони. Несподіваний закрут чи лагідний вигин простого олівця на малому малюнку здатен увиразнити багато чого неочікуваного. Фарбами, як музикою, іноді таланило випроменити й те, що не завжди вкладалося йому в поетичну мову. Майбутню картину назвав «Трійцею». Спало на думку розташувати три силуети. Кожен – уособлення певного людського начала. Лівобіч – добра і краси, праворуч – зла і потворності, а посередині – повної байдужості. Саме те, що він і спостерігає довкола. І так, аби розгледіти – чоловік це, жінка – спершу й годі було. В них має виявитися щось цілісне, єдине, одвічне... Адже саме життя з його втіхою і стражданням народжується саме за подібного злиття.

На головах у постатей капелюхи чи, може, наполеонівські трикути. Риси ліній на обличчях та їхні окреслення у всіх трьох вельми несхожі. На лівому лиці подробиць не видно. Тут лінії плавко перетікають одна в іншу. На правому – навпаки. Кожна дрібниця виглядає, наче щетинка. Вони гострі й колючі. Щоб обличчя здавалося сплюснутим з боків і щонайхудішим. Тоді середнє виглядатиме повнішим за інших. Хоча за розміром вони у всіх зовсім однакові. В житті теж усе перемішане, і важко збагнути, чого більше...

Думки ці роїлися в голові митця ще надто розхристано. Ніяк не всотувалося у чіткі барви. Аби не розвіялося у свідомості набути, на ватмані вималював намисел і щоразу повертався до нього... Однак у колотнечі одруження той заповітний лист загубився. Деякий час молодий жалів пропажу. Потому нові враження забарвили той жаль в інші кольори.

Та чим тісніше він сходився з Ликерою, тим неспокійніше ставало на серці. Друзі – художники і поети – гуртом не схвалювали його вибір. Найближчі навпростець наголошували, що молоді не пасують одне одному. Наречена прагне лише грошей. Працюючи на чергове замовлення, Шевченко стримано осмислював подружнє майбутнє. Тарасові сорок шість, а їй двадцять. Що ж – відомі приклади родин, де чоловіки старші за своїх жінок ще набагато більше і живуть душа в душу.

Щиро кажучи, непокоїло інше. Молоді жінки вабили його, як і будь-якого неодруженого чоловіка. Та й випити чарочку горілки не відмовлявся. Бувало, і другу, і третю... Не це головне. Тарас умів розслабитись, умів і втриматися. Йому праглося власних дітей, а чи здатна Ликера Полусмакова, ця хтива, пожадлива самиця, готова обікрати його до нитки, стати доброю матір'ю і вірною дружиною? Він так любив дітей, що готовий був побратися з будь-якою селянською Христею, аби тільки вона була здолюю, годящою і... чепурною. Благав і брата, і зятя знайти йому таку там, в Україні, збирав гроші, просив замовити лісу на хату... Він буде жити на березі Дніпра, кохати дружину і бавити своє немовлятко.

Однак з можливими нареченими було не густо. Одна з них одразу застерегла, що за старого і лисого нізащо не піде. Тарас Григорович терпляче плакав свою мрію, а коли не витримував, бувало, гнівався... лаяв найпундиківших обережно, по-батьківськи... Цур їм, казав. Це була його улюблена лайка. Любов – почуття безжалісне. За саме лише бажання, як і за геніальність, жінки не люблять. Але в це не хотілося вірити, і він згоден був на найпростіше:

Якби з ким сісти хліба з'їсти,
Промовить слово, то воно б,
Хоч і як-небудь на сім світі,
А все б таки якось жилось.

Сімейне життя, спало на гадку, – це подоба гарної степової річечки. Здалеку вона видається не надто глибокою. Вабить свіжістю, теплом і спокоєм. А ступнеш босою ногою – холодно! А ще глибше – з ніг збиває... Ліжка з молодою, вродливою жінкою не рятує від самотності. Як і сама її присутність у домі. Не лише хазяйка була потрібна йому. І роки солдатчини, і козачкування у пана навчили його доглядати за собою краще за будь-яку покоївку. І знову огортав відчай: чи зможе вона, пещена, байдужа ганчірниця, народити йому і виховати добрих дітей? Ця нечупара може покласти на стіл, за яким вони щойно снідали, гребінець з лямцем волосся. Вона так незграбно, з такою бридливістю ляпає ганчіркою об підлогу під час прибирання!

Та найдужче автора «Катерини» обурило, коли знайшов, нарешті, свою замислену «Трійцю». Вона саме «замислилася» на пляшці з олією. Безалаберна наречена зробила з неї корок для скляної тари. Зчудувалася, коли вислухала його докір:

– Здався вам той задрипаний клапоть!

Це вже було занадто! З цієї миті і бездоганна талія молодої, і її співочий голос, і навіть українська мова драгували Шевченка. «Цур їй!» – все частіше звертався він до своєї улюбленої клятьби. Тепер заручені тільки мовчали. Тарас відчував небезпеку війни мовчанням. Сьогодні підвівся до рана. Довго сидів над білим листочком альбому. Ликера запитала:

– Що ви робите?

Голос по сну теплий і супокійний. Втїшила її готовність до примирення. Радий був, що ось-ось його зрозуміють!

– Слухаю тишу, – відповів на її запитання.

– Тю! Де ви таке чули, щоб тишу слухали? Який ви чудний!

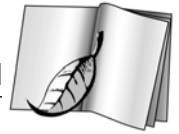
І одразу все стало на своє місце... Його жінка – це навіть не паркан, крізь який інколи пробивається квітуча огудина, а справжня стіна, мур, крізь який уже ніщо не проб'ється... Навіть якщо над сволюком того муру і почується рідне, українське слово. Видно, у серця своя власна, неукраїнська мова, і її неможливо вивчити. «Бо то Боже слово...»

* * *

Чим скінчилися заручини Тараса Григоровича та його Ликери, у спогадах сучасників про те розказано немало. Мені ж залишається тільки нагадати читальнику, що по зображених тут подіях Шевченко прожив лише шість місяців.

Переклав з російської Олександр Кузьменко

Аркадий СУРОВ

АНГЕЛ

(Мой друг – полковник неизвестных войск)

Венок сонетов

Константину Матвееву

*«...и поставил у врат ангела с пылающим мечом,
чтобы он охранял врата»
(Байбл. Б-Г.)*

Суров Аркадий Геннадиевич. Родился 16.04.1964 г. в Перми. Окончил филфак Николаевского государственного педуниверситета (2002). Призёр поэтического конкурса международного ПЕН-центра России (2000). В 2001 году признан лучшим поэтом года журнала «Радуга». Автор поэтических книг: «Производитель впечатлений» (1996), «Ближнее плавание» (1998), «Голоса над морем» (2000), «Стихи» (2003), «Внутреннее пространство» (2008), «Колесо Футарка» (2011). Член Союза писателей России.

0

Мой друг – полковник неизвестных войск –
Полжизни пьян, полжизни засекречен,
Труба трубит, отмазываться нечем,
И он летит, пока не началось.

Он спит в часы подлёта, в голове
Полшарика болтается Земного.
Опустится на землю, скажет слово
И снова растворится в синеве.

Тяжёлый взгляд, усталое лицо,
Он создаёт то самое кольцо,
Железное, что этот мир скрепляет,

Чтоб он не развалился на куски.
И запах гари, смерти и тоски
Струится по углам. Но тает. Тает.

I

Мой друг, полковник неизвестных войск,
Сидит на берегу и ловит рыбу.
Над ним повисли облачные глыбы.
Клюёт. Он подсекает. Сорвалось.

А поплавок купается в волне.
Полковник думает. Он далеко отсюда.
Лежат фронты, как битая посуда
В семейной ссоре – в затяжной войне.

Полковник чувствует – пришла пора решать,
О ком погоревать, кого спасать,
Мы смертны все, любой из нас не вечен.

Он чертит стрелы палкой на песке.
Полковник ловит рыбу на реке,
Полжизни пьян, полжизни засекречен.

II

Полжизни пьян, полжизни засекречен,
Короче – мечен, так тому и быть.
Его «любить» похоже на «убить»,
Он деланно рассеян и беспечен,

Но это впечатление о нём
Неверно да, пожалуй, и опасно –
Он перед казнью так бывает ласков,
А рубанёт мечом, как топором –

И покати́лась долу голова.
Хоть «Отче наш» тверди, хоть дважды два,
Сплошной защитой ты не обеспечен.

И знаешь, он совсем не любит кровь,
Но служба поважней, чем нелюбовь, –
Труба трубит, отмазываться нечем.

III

Труба трубит, отмазываться нечем –
Сургучные печати – вскрыт конверт.
Ну вот, ему опять идти на смерть,
И если бы свою, то было б легче,

Но этот отпуск не дадут ему,
Давно просил, да не подписан рапорт.
А войск колонны, двинувшись на запад,
В закат уходят, далее во тьму.

И этот неостановим уход,
Их медленная поступь душу рвёт,
Они – не в горле кость, а в ране гвоздь.

Закрывать хоть скольких крыльями своими,
Быть с ними, что бы ни было, но – с ними!
И он летит, пока не началось!

IV

И он летит, пока не началось,
Пока из всех стволов не громынуло,
И, с треском разломавшегося стула,
Пространство пополам не порвалось,

Да что там пополам – на лоскуты!
 Потом найдём и шлёпнем виноватых,
 А прочих – лысых, стриженных, лохматых –
 Весь этот гумус следует спасти!

Спасти своих. А что, они – свои?
 Их тайна жизни, их восторг любви –
 Их ценности – как светляки в траве.

Ответ один на вечные вопросы –
 Полёт. В хвосте он курит папиросы,
 Он спит в часы подлёта – в голове.

V

Он спит в часы подлёта. В голове –
 Рассыпанные бусины сознания.
 Тяжёлое бронхитное дыханье,
 Как шелест ветра в умершей листве –

Всё этот дым, всё время этот дым,
 Он давит грудь – пожарища, пожары.
 Резня, бомбардировки, контрудары.
 Кому и гибнуть, как не молодым?

Им гибнуть – недоученным юнцам,
 Схватившимся со смертью сам на сам,
 Слететь с земли, как по ветру полова.

Тяжёлый сон, и в середине сна –
 Огонь и тряпки, боль и тишина –
 Полшарика болтается Земного.

VI

Полшарика болтается Земного,
 Да что там половина – вся Земля,
 Её леса, пустыни и поля
 Присмотра просят, запирающего слова.

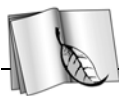
Что запирать? Да уж найдётся что –
 Вулканы и шторма, войну и смуту,
 И бездны родники, и холод лютый,
 И серный дождь, летящий горячо.

Но все сомненья, страхи, крохи – сны,
 Как жёлтое предательство луны,
 Слизнёт рассвет, как языком корова.

Умыться и осуществлять закон.
 Всему есть время. И ему. И он
 Опустится на землю, скажет слово.

VII

Опустится на землю, скажет слово...
 Забыто слово нынче на земле.
 От этих, перемазанных в золе,
 К великой грусти, толку никакого.

Всё девальвировано: ненависть и честь,
Невинность, доброта и материнство.
Любовь в глубокой коме, даже свинство
Должно быть не таким, какое есть.

Всё смыл тяжёлый сумеречный дождь,
Он не оставил смысла ни на грош
Сначала в слове, после – в голове,
Он льёт и льёт, смывая даже память.

Пустая мысль поплавает в стакане
И снова растворится в синеве.

VIII

И снова растворится в синеве
Твоя душа, уставшая от боли,
От этой надоевшей пасторали
С пастушками в истоптанной траве.

А там, куда ни глянешь – синева,
Ни подлости, ни зависти, ни скуки!
Раскинул руки, если б были руки,
И вскинул голову, была бы голова,

И полетел! Внизу – леса и горы,
Балконы склонов, просек коридоры,
И, серебром зеркальным, озерцо.

Гляди, в воде мерцает отражение –
Не удалось твоё преображение –
Тяжёлый взгляд, усталое лицо.

IX

Тяжёлый взгляд, усталое лицо
Не очень-то полковника и красят.
Не то, чтоб он порой и крепко квасит,
Но оба глаза налиты свинцом.

Ткань времени, простое полотно...
Поскрипывает тихо ось земная,
И жизнь течёт, от края и до края,
А ночью – звёзды – вечное кино.

Беспечный мир – пичуги на ветвях,
Вода в ручьях, предательство и страх,
И право силы, и его лицо –
Всё стянуто одним кольцом железным,
Не то, чтоб справедливым – неизбежным,
Он создаёт то самое кольцо.

X

Он создаёт то самое кольцо,
Стянувшее трухлявый мир по рёбрам.
Полковник добрый, а не будь он добрым,
Накрыл бы всё вселенским писецом,

К едреней фене! Лёг бы белый снег
 На Рождество, на города и сёла,
 И детский смех, беспечный и весёлый,
 Закончился б, отныне и вовек.

Полковник добрый. Закусив губу,
 В себе перевернувшись, как в гробу,
 Он злые мысли прочь отодвигает.

Он полирует красненьким винцом
 Ему доверенное вечное кольцо,
 Железное, что этот мир скрепляет.

XI

Железное, что этот мир скрепляет,
 Завязано не на болтах и сварке,
 Они важны, как мёртвому припарки,
 Когда по-настоящему валяет.

Когда по-настоящему закрутит,
 Трещат заклёпки, и металл рыдает,
 Ни ЗИП, ни ремкомплект не помогают,
 А только – руки, стиснутые руки.

А только сердце, тросы сухожилий.
 «Прямей стоять, куда вы там поплыли!»
 Стучится кровь, колотится в виски.

Мы распрямляем согнутые плечи
 И мир тяжёлый обнимаем крепче,
 Чтоб он не развалился на куски.

XII

Чтоб он не развалился на куски,
 Полковник стянут крепкими ремнями,
 А также снами, памятью и снами
 Зыбучими, как жёлтые пески.

Туман садится пальцами на плечи,
 На козырёк, за воротник стекает,
 Сны явятся, полковник точно знает,
 И он их ждёт, когда наступит вечер.

Туман сбивает в дождь, он барабанит,
 Он шелестит, шевелится, шаманит,
 Блестит, как на воде косяк трески.

И моря запах, и рассвета запах,
 И лес на берегу на мягких лапах,
 И запах гари, смерти и тоски.

XIII

И запах гари, смерти и тоски,
И на земле зола, и пепел в небе,
И привкус металлический на нёбе,
Как будто лижешь старые тиски,

И грудь в тисках, и стиснутая глотка,
И морда солнца скалится войной,
Преломишь хлеб, тяжёлый и ржаной,
И на два пальца в кружках хлопнет водка.

Накроешь кружки ломаным куском,
И тихое пространство шепотком
Наполнится – то души их летают,

О чём-то просят, плачутся, грозят.
И день, который не вернуть назад,
Струится по углам, но тает, тает.

XIV

Струится по углам, но тает, тает
Неумолимый золотой рассвет,
И смерти нет, и жизни тоже нет,
Светает.

Светает, покрывается росой
Так тщательно рассеянное зло,
И группу тех, кому не повезло,
Уводит строем девушка с косою,

С косою русой, к западным лесам.
Никто не знает, и полковник сам –
Куда они несут всю боль и злость.

Он в лесополосе ломает палку
И держит путь на старую рыбалку,
Мой друг – полковник неизвестных войск.

Алексей ТОРХОВ

СИНЕ-ЖЁЛТАЯ СУБМАРИНА

(из романа в рассказах)

*Мы все живём в сине-жёлтой подводной лодке,
сине-жёлтой подводной лодке,
сине-жёлтой подводной лодке...*
(Легендарная группа «Хрущи»)

ВОЗЛОЖЕНИЕ ХВОСТОВ

Город медленно зарастает солнечной пылью, травой и ящерицами.

Тысячи юрких ящериц ползут по безлюдным улицам. Стекаются к центру подрагивающими потоками. Кажется, взгляды их, тяжёлые и скользкие, ползут отдельно, чуть выше хозяев. Оттого, несмотря на изгибы тел и извивы улиц, в неподвижных глазах рептилий не плещется время. Степной терпкий воздух вьелся в их кожу письменами, невообразимыми узорами и архаичными граффити «цойжив». Ближе к вечеру, наконец сойдясь у памятника адмиралу Грейгу, они, и без того бессловесные, молчат. Несколько минут немой неподвижности, достойные веков. И только потом, без всякой команды, отбрасывают свои хвосты, словно возлагают целые шевелящиеся букеты к остывающим плитам пьедестала. И неподвижно смотрит старый адмирал, как расползаются длинные тени, как осиротевшие хвостики подёргиваются, напоминая маленькие, разваливающиеся на части якоря. Со всем крохотные якоря, потерявшие былой вес и всплывшие сигнальными буюми над затонувшим флотом рассыпавшейся империи...

МЕХАНИЧЕСКИЕ ПРИЗРАКИ

В июле в этих степях возможны миражи.

Чаще всего случается видеть неуклюжие автобусы, причём именно тех моделей, от которых давным-давно публично отрёкся львовский завод-машиностроитель, а поместная церковь предала анафеме весь состав его ОТК.

Торхов Алексей Валентинович. Поэт, прозаик, публицист. Поэтический псевдоним – «А.В.Тор...». Родился 28.02.1961 г. в селе Олинск Нерчинского района Читинской области (РФ). Окончил юрфак Одесского государственного университета им. Мечникова (1992). Обладатель Гран-При нескольких всеукраинских фестивалей. Победитель Международного фестиваля «Славянские традиции» (2009). Член редколлегии литературного журнала «Южное сияние» (Одесса). Автор пяти поэтических книг и книги прозы «Северны сказы про Максимку бога». Член Межрегионального союза писателей Украины. Председатель правления Николаевской областной организации Конгресса литераторов Украины. Член творческого общества ДООС (Москва). Награждён литературной премией имени Владимира Сосюры (МСПУ, 2009); Международной Отметиной имени Давида Бурлюка (Международная академия зауми, Германия, 2010); литературной премией «Славянские традиции» (2010).

Неуспокоенные механические чудовища, громыхающие на выбоинах по недосмотру небесных сил и лично директора автохозяйства, возникают внезапно. Обычно поодиночке, но ходят слухи и о целых колоннах.

Будь ты конный ли, пеший – лучше остановиться и пропустить...

Их выпуклые фары безжизненны, как очки на глазах слепца.

Их внутренности причудливы и менее всего пригодны для гадания о предназначениях и судьбах, хотя вспороты, извлечены и разбросаны.

Их развевающиеся из открытых окон занавески напоминают одновременно древние стяги, потрепаннные крылья и оборванные стропы парашюта.

Их салоны заполнены невозможным людом – беженцы вперемешку с завоевателями: трипольцы и скифы, цыгане и сарматы, растаманы и гунны, шлюхи-маркитанки и депутаты последнего сатанинского созыва.

Их охрипшие динамики уже по памяти, при невключенном магнитофоне, кричат, шипят, а выбившись из сил, попросту сплёвывают в уши обречённых путешественников сальные звуки шансона.

Сами же автобусы, заехав поглубже в степь, сворачивают в разнотравье и, предварительно убаюкав пассажиров, начинают самостоятельно ремонтировать себя, как терминаторы. Громыхают незримыми ключами и монтировками, вспыхивают огоньками сварки, словно прикуривают друг у друга. А потом долго незлобно рычат моторами, одновременно пытаюсь завестись и договорить о наболевшем.

Очнувшиеся водители чертыхаются и безуспешно селятся вырулить на асфальтовую реку, чтобы по её течению как-то дотянуть до конечного пункта. Увы, даже эта река в июле пересыхает, а волны ковья способны увлечь её остатки в иное русло. И вряд ли возможно проследить – доползёт хоть один из призраков до автостанции, упоминаемой в диспетчерских легендах, или постепенно рассыплется на железо и кости, как издавна принято среди степных народов.

Гудят механические чудовища, катят спящих по местам боевой славы их неистовых предков – всех этих скифов, сарматов, гуннов, депутатов. Чтобы вснились в разьедающий мысли воздух, вслушались в шелест вневременной молвы-муравы, всмотрелись, как растут травинки из плоти и крови павших.

Мотыльки, залетевшие в окна, порхают по салону, резонно считая его частью родной степи. Хрипят преднемотно динамики. Храпят пассажиры-камикадзе с чемоданами, прикованными к запястьям. Дремлют аборигены с проездными билетами, вытатуированными на ладонях. Что снится им?

Лишь странствующая ящерка, пронзая бесцветным взором иллюзорную обшивку автобуса-марева, способна прочитать эти спящие лица. Но разве она скажет? Вздрогнет, очнувшись от наваждения, да пустится во всю прыть...

ДУШИ НЕВСПЛЫВШИХ ПОДЛОДОК

Души несплывших подлодок вселяются в подъездные лифты.

Я узнал об этом от спившегося подводника. Говорил тот судорожно, будто задыхался и, натыкаясь на спазмы, спешил донести запрещённое знание. Говорил-давился...

– Салага-бль! – отвечал он на каждый мой вопрос.

И рассказывал то, о чём я даже не догадался бы спросить.

Получалось, что жить ему оставалось считанные столетия, поскольку его смачно дожирала кесонная болезнь, смешанная в сложной пропорции с похмельным тремором, пофигизмом и простодушием. Иными словами – некое шаткое тревожное равновесие, когда уже нужно всплывать, но уже не нужно спешить, когда босиком бредёшь по дну жизни, наугад и наощупь. И звёзды, за которыми, собственно, и нырял на это дно, хрустят битыми бутылочными стёклами под ногами.

Своего имени он не назвал. Может, не помнил, может, забыл на погибшей подлодке или вовсе не хотел произносить, дав однажды страшную подписку о неразглашении...

Так вот, о несплывших подлодках! Было бы странным допустить, что огромная душа боевого подводного корабля поместится в нелепую подъёмную коробку, сомневался я вслух.

– Салага-бль! – утвердительно кивал он и давал отхлебнуть из бутылки. – А те громадные пузыри-бль... что рвутся из пучины-бль... а перед этим... из рваной железной кожи-бль? А те хлопки-бль... они ж... из спрессованного шипения и боли-бль... они ж... вырываются на поверхность... спасаясь за всех оставшихся сразу-бль! Вот это душа-бль и есть... Дробится на пузыри... мечется над волнами неуспокоённо-бль... А потом разлетается, как весточка-бль... по всем адресам... Как благая похоронная весть. Якорь тебе на хрен!

Он и сам дробился. На спазмы, заменявшие лишние слова, на пузырьки, всплывавшие из глаз вместо взгляда. И вместе с ними металась и угасали пивные пузырьки в постоянно встряхиваемой бутылке.

Меня завораживало в нём всё. И шрам, продлевавший левую бровь до уха. И родинка на переносице, добавлявшая сходства с индийским факиром. Любой предмет в его руках становился артефактом. Взять хотя бы окуроч! Он то дирижировал им, роняя искры, то бычковал его и прятал в карман, но, в сердцах, извлекал и раскуривал, снова и снова. Вскоре я смотрел на этот нереальный окуроч, как на трубку мира. А на подводника, как на баловня судьбы, чудом спасшегося, потерявшего целое поколение в пучине эпохи.

– Салага-бль! – встряхивал он меня, как недопитую бутылку. – Будь ты даже не робкого десятка, а содрогнёшься-бль... если услышишь глубинный скрежет металла-бль. Даже у бывалых боцманов... на тельниках бледнеют полоски-бль... а копчик заворачивается внутрь!

Мой копчик заворачивался уже от его слов...

– Салага-бль! – мне казалось, каждый раз после этого слова он брезгливо отирал языком губы. – Ты что, думаешь... она в первые попавшиеся лифты-бль вселяется, душа-то?! Хренушки! Только в те подъезды-бль... где живут подводники-бль... или жи-ли.

Последнее слово он произнёс с непонятным остервенением, словно хотел от него избавиться, забыть навсегда. И замолчал.

И город, переждав несколько минут звенящей тишины, зашумел о своём.

Не помню, как мы расстались, ведь раньше ни разу не выпивал столько. Как попал домой, не помню также.

– Души несплывших подлодок, бль!

Долго ещё потом я говорил эту фразу нескладному салаге, затонувшему внутри меня вместе со своей посудиною под названием «Молодость». И всё меньше вопросов доносилось оттуда. Всё меньше пузырьков всплывало наверх. Да и размеры их всё уменьшались...

Но всякий раз, входя в лифт и слушая леденящий скрежет троса, я вспоминаю тот безумный, рвущийся наверх взгляд, тот страшный шёпот: «а куда ты-бль, денешься с подводной лодки!» и обидное слово «салага», прилипшее к его нижней губе, как недоеденный хвост рыбки-салаки. А ещё всякий раз думаю: достанет ли у этой коробки сил и желания поднять меня в конце дня обратно – на поверхность, на мой уровень жизни, на мой этаж.

С этими мыслями я выхожу на первом этаже – на самое дно жизни, где фамилии погибших подводников периодически вывешивают на заплёванных стенах подъездов, маскируя их, почему-то, под списки должников за коммунальные услуги.

Выхожу – и теряюсь в рельефе этого дна...

ЕГОГОРОД

Пятиэтажная степь, звон телефонов.

Главный телефон – изредка и встревожено. Вываливает тяжёлый язык благовестника. Увесисто бухает, зывая к вечности. Неугомонные средние держат ритм, фальшивят на перезвонах, сплетни-

чают, трезвонят. И где-то у самых облаков – тоненько дзенькают многочисленные мелкие, сливаясь с цикадами. Вся эта звонь клубится, мечется как собачий лай по вечернему селу. Только зацепи – пойдут перебрехиваться, не унять.

Годами некопаный асфальт. Ковыляющие двуногие тени. Дома лоскутами, фигурными пятнами устилают место, очерченное под город.

Наставник в приснившейся жизни говорил: «У нас вместо плечей – ягодицы. Мы, конечно, тоже способны построить небоскрёб. Но только лёжа! Иначе рухнет».

Двуногие прыгают с этажа на этаж, играют в «классики».

Картину портят сорняки-девятиэтажки новой эпохи, тут же состарившейся на глазах. Время раскачивает их гранёные стебли. Сердца многочисленных букашек, обитающих внутри, то замирают, то оживают. Оттого кажется – пульсируют.

Это место называется – Еггород. Года здесь уложены пластами. Как подушки на кровати бабушки.

Он опять и опять слышит голос:

– Алик! Ну, сколько можно звать? Быстро иди домой!

И тогда – отслаивается от пахучей земли. Встаёт во весь рост.

Трамвайщерицы шарахаются от него в разные стороны, пугаясь фигуры без тени. А он замирает...

Сверху не разобрать – куда идти? Где его дом? Стоит и вслушивается в телефонный звон – не по нему ли?

Стоит.

А птицы слетаются и жадно пьют из него густой прохладный воздух. Ему не жалко. Ещё бы – Поэт!

ДЕРЕВЯННЫЙ АНГЕЛЬ

*Тот, кто говорит «человек», обращается к животному в человеке.
Чтобы обратиться к человеку в человеке, следует сказать «ангел».*

(Игорь Юганов)

Одноногий человек движется по коридору.

При виде него время останавливается, пятится и вжимается в невымытые панели.

Впереди него бежит странная воздушная волна, она захлопывает двери и даже проворачивает изнутри ключи в замках. Коридор, в котором и без того пусто, – вымирает.

Одноногий, раскачиваясь, останавливается у каждой комнаты. Буравит взглядом запертую дверь. Переступает с костыля на костыль. Вкрадчиво стучит.

Вторую ногу он обменял на дурь. Когда дурь выветрилась, осталась лишь собственная глупость.

При беглом взгляде, кажется, костыли растут у него прямо из лопаток. Должно быть, именно так выглядят ангелы-инвалиды, опирающиеся при ходьбе на одеревеневшие крылья.

– Ту-дук! Кшша... Ту-дук! Кшша...

Крылья-костыли задают ритм:

– Ту-дук!.. Ту-дук!..

Коридор становится вагоном послевоенной электрички.

«Ту-дук! Ту-дук!» – стучат колёса.

«Кшша... Кшша...» – с прошаркиванием, переставляя единственную ногу, движется по проходу инвалид.

«Кшша... Кша... Кшатрий!» – всплывает из пучины памяти ветхое слово, шамкает беззубым ртом.

– Кшша... Кша... Кха-кха... – заходится кашлем одноногий кшатрий.

Мечтая о короне, однажды просыпаешься цареубийцей. Всё дело в проклятой окрыляющей дозе и животной плате за неё. Даже ангелы, танцующие на кончике иглы, могут ошибаться в соразмерности. Куда уж человеку – он не больше, чем поплавок на реке, между ангельским истоком и животным устьем. И если леска рвётся – рано или поздно, – течение несёт его к животному.

Одноногий перегрыз свою леску сам. С тех пор дрейфует вниз по течению коридора.

– Кшша... Кшша...

С прокшаркиванием.

С прохаркиванием:

– Кхха! Кха...

«Главное – быть человеком. Даже с одной ногой», – говорил мой друг. Для несостоявшегося ангела это не главное. Всё ближе стучат о пол деревянные крыла. Ближе. И вот – смолкают возле моей двери.

Кшатрий вслушивается в молчание комнаты, в моё молчание. У него нечеловеческий нюх, оставленный взамен ангельской интуиции. Он знает – я дома!

Его тяжёлое дыхание парусом напрягает дверное полотно. Костяшки пальцев тянутся к нему.

– Тук-тук-тук-тук...

(«Ту-ду-ду-дум-мм!» – всплывает во мне ассоциация. – Пятая симфония Бетховена... Тема стучащей Судьбы).

Полминуты напряжённого молчания и...

– Тук-тук-тук-тук... – уже нетерпеливее.

Контрольный стук! Не в дверь – прямо в голову. Я тут же оживаю:

– Тук-тук-тук... – короче, но сильнее, стучу изнутри.

Озадаченное молчание с той стороны.

– Тук-тук... – растерянно и коротко (оттуда).

– Тук! – лаконично, словно ставлю точку, бью я кулаком...

– Есть кто дома? – спохватывается он.

– Есть кто в коридоре?! – кричу я через дверь.

– Кто там?

– А там кто?

Меня не учили, как нужно общаться с наркоманами, как звучать в их сторону. А родители и вовсе – даже скрыли факт их существования. Но я и сам нашёл правильный тон.

Медленно приоткрываю дверь, наслаждаюсь её скрипом.

Незванный гость смотрит не мигая. Взгляд-сквозняк. Вот-вот станет зябко.

«Как там говорилось в книге? Чтобы обратиться к человеку в человеке, следует сказать «ангел»...»

– Слушаю, мил-ангел...

Я смотрю в эти подрагивающие зрачки. Сканирую сетчатку. Словно со льдины на льдину перепрыгиваю с блёклых пятен на серые, и наоборот. Потом неспешно всматриваюсь вглубь его мутной бездны. Различаю крохотного человечка, дерьмом покачивающегося на зыбких волнах. Замечаю мохнатые лапы, тянущиеся к нему из тьмы.

– У Вас нет чашки воды! Не из чего чай сварить... – говорит инвалид голосом неопределённого пола с тембром зарождающегося кашля.

– Чай, говоришь... – озадаченно облизываю губы, словно пытаюсь что-то вспомнить. – А свари его из слёз! – отвечаю неожиданно для самого себя.

И захлопываю дверь.

Пронесётся эпохи. Безделушки становятся реликвиями. Города осыпаются песком, множат пустыню.

– Хотя, подожди... – распахиваю вновь.

Он и не думал уходить. Должно быть, его костыли пустили корни у моей двери.

Я иду к дивану. Вспарываю свою подушку, запускаю руку внутрь. Возвращаюсь.

– На! – вкладываю в его неживую ладонь.

Он машинально пытается сжать невесомый подарок. Несколько выпавших перьев, кружась, опускаются на пол.

– Прикладывай к деревяшкам... – киваю на костыли. – А вдруг!
– Что вдруг?
– А то! Приживутся. Потом затрепещут. А там и полётом запахнет. Сколько же можно ползать?! Он вздрагивает. Нервно вырывает корни костылей из линолеума.
– Прикалываешь, да?
– Ты уже давно не бабочка, Лена. Зачем тебя прикалывать – сама засохнешь...
Медленно закрываю дверь.
Молящий взгляд исходит криком, словно я его прищемил.
С облегчением щёлкаю замком.
После долго, неподвижно смотрю на дверь и – как на экране телевизора! – вижу его сгорбленную нахохлившуюся фигуру. И глаза, в которых...
«Чашки воды пожалел?!»

Деревянный ангель размеренно движется по коридору послевоенной электрички, по её вымершему вагону. Втыкает свой взгляд, словно шуп. Взгляд шарит по пустым скамьям, вылетает заполошной птицей в разбитые окна, но тут же возвращается обратно. Скользит по обшарпанным стенам, стираясь до слепоты.

– Ту-дук! Ту-дук! – стучат колёса.
– Тук-тук-тук! – стучат по чужим дверям костяшки.
– Кшша... Кшша... – деревянный ангель, как блудная комета, удаляется от моей орбиты.

Когда-то его действительно звали Лена.
Потом перестали.

ПОЧТИЛЬОН

В почтовой сумке гнездится одиночество и черпает от невысказанного.

На самом её дне, если возможно представить такое, обнаруживаются тела, утонувшие в пучине молчания. Силятся вспомнить алфавит. Беззвучно кричат, и круглые рты их напоминают дыры бутылочных горлышек. Со дна этих колодцев даже днём видны коньячные звёзды.

Потёртая кожа, неровные швы. Вдоль и поперёк перелатано – всего не объяснить, не упомнить. То ли вырезано – из сердца вон! То ли шито и боишься кашлянуть...

– Услуги почты! Услуги морской почты!

Потасканная почтовая сумка оттягивает плечо, полна пустых бутылок. Именно – полна пустых. Как голова.

Несвежий голос устало гнусавит. Висит над пляжем. Невыносимо долго растёт из сутулого старика, словно щетина.

– Помогаю с отправкой писем! Доступные тарифы!

У зазывалы лицо потомственного алкоголика. А ещё – изжёванный язык замполита и глаза, живущие отдельно. Кажется, вытащи их – тут же расползутся по ладошке, спрыгнут на песок и – поминай, как смотрели! Если же без подробностей, он – охалка мошей и конечностей. Всё это как-то передвигается.

– Ну шо, Степаныч? Ни одного клиента за час... Я ж тебе говорил: хорошо не жили – нехрен и начинать!

– Вот, язвип-персона, важный перец... Конверты почтальона учат! Тьфу...

Шаги по раскалённому песку. Расхлябанная походка бесхозных дромадёров.

Пляж – место временной свалки людей. Приходится лавировать. Отдыхающие валяются, как неподъёмные бутылки. Выпиты солнцем. Голые снаружи, пустые внутри. Собирай – озолотишься! Только кто ж их примет, даже дьяволу нужны не тела – души.

– Человек, по сути, остров, Колян. Чтобы сбывься, ему вода нужна, много воды. Столько, чтобы в глаза не помещалась. Вот они сюда и едут. На песке валяются, будто сами себя потеряли. Погоды ждут. Это как в доме без адреса писем ждать...

– Да нет, Степаныч, в таком доме лучше ждать повестки...

Голые тела с лоскутиками ткани. Женское уже не будоражит. У похмельных ангелов Степаныча импотенция, у бесов Коляна – передоз. Хотя попадают такие выпуклости! И смотрят в небо карие глазки грудей, а соски торчат, будто не забытые на пол-удара гвозди. Тогда взгляд цепляется за их шляпки...

И рвётся бесцветная ткань бытия, и горизонт распадается на пунктир. Вынуждает замедлять и без того неспешное. Пересматривать, смаргивая.

– Что дед, бобик ожил? Или просто глаз мозолишь? – смеётся из пустот фемины сучий голос.

– Изыди, тварь...

Ремень сумки сползает с потного плеча. Приходится постоянно поправлять.

– Желаящие послать письмо самому себе! За очень смешные деньги...

– Ага! Себе пишешь, себе носишь – прочитай другого просишь.

– Ты чего это, Колян, стихами заговорил, не пугай меня. Нехорошо это – стихами о суетном да с издёвкой...

– Отправляем письма в собственной таре! Дёшево и удобно... В собственной таре...

Очнувшийся пляжник тупо смотрит на сборщика стеклянной подати. Сочувственно протягивает пустую пивную бутылку. Старик с достоинством берёт её клешневатými пальцами. По-птичьи цокает языком:

– Увы, мил-человек... Вынужден разочаровать. Вот смотрите – марка малого достоинства: «Янтарь. Светлое»... Имеет хождение только вдоль побережья. Такую даже не стоит отправлять – не дойдёт. Дешевле будет докричаться. Увы...

Осторожно ставит бутылку на песок. Виногато пожимает плечами. По-военному трогается с левой ноги, чуть оттянув носок. Заунывно заводит нестройную:

– Чому я нэ сокил, чому нэ летаю...

– Почтальон с тебя, как с моего худенького мирошник... А сокол – и подавно...

– Убогий ты, Колян... Про сокола отец мой постоянно пел. А сам даже голубем почтовым не стал. Так всю жизнь ножками и топал. Пока не стоптал их по самое сердце. Оно и остановилось. Эта сумка от него осталась. Как чехол, где никогда не лежали крылья... Вот ношу на память. Дело его продолжаю...

– Постоянный ты какой-то, Степаныч, аж противно... Нет чтобы послать всех – слово за слово, членом по столу!

– Ничего фалличного, Колян... Только вообщественное.

Шаги не считаны. Круги не меряны. Почтальонский труд не нормирован: написано – доставь. А человеческая суть неизменна. Если докричишься.

– Степаныч, рассказал бы какую-нибудь нихераську...

– Эт можно... Попал Садко на дно морское, а там – камикадзе ржавый самолёт ремонтирует!..

– Да ладно тебе, Степаныч, беса гнать! Люминий же не ржавеет.

– Ржавеет, Колян, просто у него ржавчина светлая. Всё ржавеет. Письма и те...

– Кто забыл написать письмо маме?! Кто забыл?..

Степаныч выхватывает взглядом старуху, встрепенувшуюся в тени под пляжным грибком. Пробирается к ней.

– Милок, я жеж не разумею ничего в этих почтах...

– А тут и разуместь нечего, баушка... Вот сюда говорите, будто ухо это... А что на сердце поближе лежит, то и говорите...

Баушка скороговоркой шепчет в бутылочное горлышко:

– Матушка, кланяюсь Вам низко... не сердчайте... изба Ваша стоит... присматривать попросила... Николай меня не обижает... потому как умер давеча... кума Любка надоедает, судачит... ещё заладила, что денег Вам занимала... может, вспомните, то сообщите мне... если надумаете присниться...

Потом спохватывается:

– Ой, милоч, не много наговорила-то, поместится?

– В аккурат... – кивает старик.

Степенно берёт бутылку из её рук, оглаживает стекло. Придирчиво осматривает этикетку. «Приморский портвейн. Ёмкость – 0,7 л».

Достаёт из кармашка сумки белую капроновую пробку, сноровисто закупоривает горлышко.

– Матушку Вашу помню, доводилось... Портвейн ей по душе был. Дойдёт, не переживайте...

Бережно вкладывает письмо в боковой отсек сумки.

– С почином, Степаныч...

– И тебе не хромать, полезный...

– Какая-то голосовая почта получается... Не проще записки внутрь вкладывать?

– Не проще, Колян... Когда излагаешь и читаешь не вслух, а «про себя», тогда о Боге не думаешь.

Всё равно что предаёшь его по мелочи. Молчишь, будто таишься. Внутрь себя бросаешь. А там такая яма – нырять бесполезно... Пусть без умысла, а получается – меняешь божественный звук на пустоту. Теперь уже слово не есть бог. Теперь оно есть человек... Соображаешь? Во-от... Потому – никаких писулеч! Не принимаю немых посланий. Пускай твоё письмо – один пустяшный стон, но ты его из себя достань! Выскажи...

– Эк мудрёно, Степаныч... Остаётся поверить на слово... которое человек. А человек ты стоящий, уважаю...

– Ну, хоть ты...

Облезлые, когда-то синие шлёпанцы старика затевают новые следы. Шлёпают вдаль – по невидимой почтовой тропе, по калёному песку.

Одинокая птица трепещет в пустоте выгоревшего неба. Полощет крылья в горячем воздухе.

– Вот взять птицу – она тоже письмо. Только как её прочитать? К тому же не нам она писана, Колян, не нам.

– Это ж как её вот взять-то, Степаныч? Скажешь тоже?..

Так и коротают за беседой жизнь, день – до вечера. Вынуждены уживаться – сторчавшийся бес Колян да спившийся ангел Степаныч. Шлёпанцы семят по песку. Обходят пляж, оставляя неспешные мазки следов на песчаной холстине. Солнце висит музейной лампой, освещает ежедневный шедевр без рамы. Сегодняшний эскиз ничем не отличается от вчерашнего:

«Левая подошва отчаянно косолапит, постоянно забирая внутрь. Правая, напротив, не отклоняется ни на йоту. Левая – налегает на пятку. Правая – даже не очерчивает своих границ. Левая – вдавленные ямки. Правая – лёгкое пятно-прикосновение. Левая – ... Правая – ...

Левая – правая – левая – правая...»

Пункт приёма стеклотары на выходе из пляжа выпадает из курортного ансамбля. Маскируется в кустах. Впрочем, на популярность заведения это не влияет.

Приёмщик Лаптын лениво всматривается в местную жизнь. Отставной грузчик с нависающей улыбкой памятника, даже единственным глазом видит за нескольких.

– А вот и Колян Степаныч... Как часы-ходики. Уже с уловом тиктакает.

Рыхлое лицо его собеседника оживает:

– Ты знаешь, Лаптын, не могу понять – он и впрям свихнулся с этой отцовской сумкой или косит? Я у него как-то пытался выцыганить одну запечатанную бутылку. Если бы он ими не дорожил, точно на голове бы у меня разбил!

– Чужая душа – Потёмкин. Такие фанерные деревни явит – степь не заметишь! – смачно сплёвывает слова Лаптын. – Только с чего ему косить-то – все срока выслужил, все долги отдал. Теперь жизнь сама по нему служит, фитилёк поддерживает...

Согбенная фигура, пришаркивая, входит в тень павильона. Устало снимает с плеча увесистую сумку.

– Здоров были, Степаныч!

– Здоровей видали... – бурчит старик. – Почём нынче сдать?

– По деньгам, Степаныч... По деньгам. Курс прежний: нам – шиш, вам – по локоть. Выкладывай.

Николай Степанович кряхтя садится на корточки. Неспешно, бережно выставляет бутылки на пол. Сортирует. Закупоренные отставляет в сторонку, пустые, бутылку за бутылкой, ставит в пластиковый ящик.

– Дед, а может, поменяемся на одну почтовую, с начинкой?..

Старик поднимает голову. У самого лица покачивается денежная купюра, округло смотрит глазами молодого Шевченко. Чуть выше – бельма рыхлолицого.

– Грабки заberi, Рыхлый, а то отвяжутся! А бумажкой слюни подотри... – в голосе старика обнаруживается сталь, заточенная резать по живому.

На дне его водянистых глаз начинает вскипать взгляд.

Пальцы Рыхлого произвольно комкают купюру, бумажный комочек прячется внутри кулака.

Бутылки, как мыши, переждавшие опасность, опять стеклянно шуршат, цокают. Закупоренные письма – числом пять – вольготно размещаются на дне опустевшей сумки.

– Бывай, Лаптын... Супруге поклон.

– Давай, служивый...

Лаптын долгим взглядом провожает старика. С трудом выныривает из одолевших мыслей:

– Вспомнил... Когда армейский почтальон приходил, каждое его движение ловили. Как раскладывал. Как раздавал. Никому не хотелось услышать: «Тебе ещё пишут!»... До последнего надеялись... Вот и нам нынче... «Ещё пишут...» Только пишут ли... Некому.

– Да какой он почтальон? Почти... Почти-льон...

– Сам ты «почти»! Ты его глаза видел?.. На десять твоих поменять можно.

Из динамика на спасательной станции тычется в небо раненый женский голос. Всякий раз падает на песок:

*Мы срослись плавниками...
Камикадзе выползают на отмель,
Чтобы влёт задохнуться,
Чтоб недолго по краю...
Умираю!!!*

Вскоре голос и вправду умирает. Но сразу оживает в мужской ипостаси, уговаривает не заплывать за буйки.

– Степаныч, так даже на новые шлёпанцы не заработаешь! Эти-то уже и цвет свой забыли...

– Зато я помню. Свидетельствую – синий... Будто взгляд Зойкин... Как я им тогда захлёбывал-

ся!.. А на новые мне уже тратиться без надобности. Жизнь сама выдаст. Чтобы шлёпал от неё подальше... Последний хрип моды – модель «Дембельские белые»...

– Ой, в точку! На бесцветье и белый – радуга...

– Не белохульствуй, рожса...

Тела пляжников всё больше напоминают песчаные барельефы. Словно совсем недавно здесь забавлялись недобрые дети, лепили человеческие «пасочки».

Сухой усиливающийся ветер слой за слоем сдувает песочную кожу. Человекообразные островки, обманутые большой водой, трескаются от жары, осыпаются.

– Новый вид услуг: «Молитва – письмом»! Новый вид... Стопроцентная доставка...

Голос наконец-то отслоился от старика. Возникает хаотически, то там, то сям. Гаснет на полуслове. Ближе к вечеру он чудится везде. Но отчётливее всего в чахлах кустиках, неподалёку от причала. Здесь в бубнящей невнятице проступают даже куски внутренних диалогов:

– А с жизнью, Колян, общаться надо. Кричать надо в её сторону. Каждый онемевший к ней мнит себя Буддой. А по сути он – кем-то Забудда. Забуддыга...

...

– Это всё равно что чаек вместо почтовых голубей пользоваться, Колян. Такая и доставка будет. До первого рыбьего косяка...

...

Правда, Колян всё чаще отмалчивается.

Иногда, если повезёт, почудится очередная нихераська «от Степаныча»:

– Сидят на дне эти камикадзе, ставшие крабами, и читают-читают перехваченные письма и донесения врага. Пытаются вычитать между строк: что да как на родном острове. Кровавит ли восходящее солнце, заполняет ли мокрожилия... А вместо этого – снова и снова! – чужая любовь. Ни к тем. И не от этих. Да океаном – всеобщее одиночество... Так и сидят, как в трансе. А потом, очнувшись, посылают на разведку самого молодого...

Волны слизывают следы босых ног, идущие им навстречу. Пытаются дотянуться до исходной точки – опустевших шлёпанцев.

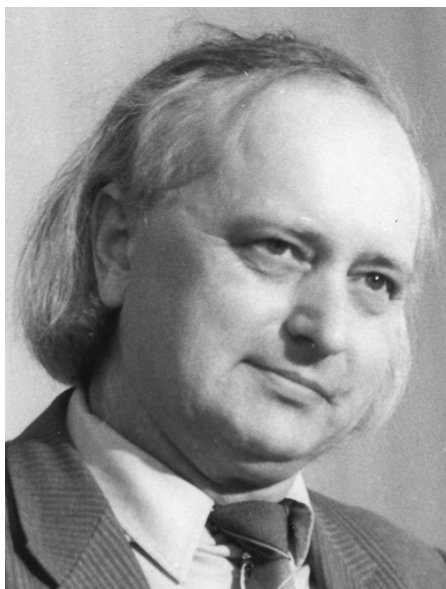
Выброшенные пучки водорослей. Развороченный студень медуз. Мусорные отголоски былых атлантисов. Сразу и не бросается в глаза, как, пробираясь среди отторгнутого морем хлама – боком, обречённо, вдоль неровной линии прибоя, – ползёт краб-камикадзе. Неотвратно заходит на главный курс, слева от объектов.

Ещё пара минут – и упрётся в пустую почтовую сумку. А может, передумав, примет чуть ближе к морю. Чтобы врезаться в облезлые шлёпанцы, в которых с трудом угадывается синий цвет.

Впрочем, нет синего, как не было.

Ни в низком небе. Ни в близкой воде.

Валерій БОЙЧЕНКО

ЩЕ ОДНА ТАЄМИНА БУТТЯ

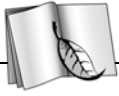
* * *

Тут холодно, мила,
Земля задубіла й тверда,
І річка незрушна,
Бо нікуди їй поспішати.
Тут сниться під ранок
Твоя неповторна хода
І двері фарбовані
Нашої рідної хати.
Тут холодно, мила,
В нетопленім закутку цім,
Тут сіються з лампи
Лиш морок, та розпач, та вітер.
Виходить, тікав я
У цей усамітнений дім,
Аби крізь сльозину
Себе і тебе зрозуміти.

* * *

В берег той із часового глибу
Переходжу, ніби через гать.
Там, неначе виплеснута риба,
Два човни в сухім піску лежать.
А один, вузький, немов долоня,
Трепетно розкрилив два весла, –
Й нас удвох під сяюче осоння
Погойдала хвиля, понесла...
Біла квітка до човна прибилась,
Тихо ти в мою схилилась тіль...
І цнотливо весла опустились,
Заховали погляди в глибіню.
І стояла тиша превелика.
Й сонце зупинилося тоді.
І ще довго весла чорнолиці
Мокли в опроміненій воді.

Бойченко Валерій Петрович. Поет, перекладач. Народився 3.05.1941 р. у Снігурівці на Миколаївщині. Закінчив факультет іноземних мов Львівського університету (1965). Викладав англійську мову в навчальних закладах Душанбе, Херсона, Миколаєва. Автор збірок «Іскри» (1972), «Сонячні кола» (1975), «Поліття» (1977), «Багряні колони» (1978), «Широти» (1981), «Світлі ріки» (1984), «Доброта» (1987), «Правий берег» (1991), «Не повториться мить» (2001); збірок для дітей «Зроду я такого ще не бачив» (1975), «В мене курочка була» (1973), «Який широкий світ» (1989). Окремі твори перекладено російською, грузинською, вірменською, осетинською, болгарською та ін. Засновник відродженої миколаївської «Просвіти», головний редактор газети «Аркасівська вулиця», Лауреат всеукраїнської премії ім. П. Тичини (2003), лауреат премії ім. О. Олеся (2008), миколаївської обласної премії ім. М. Аркаса (1997), член Національної спілки письменників України (1976). З 1986 р. до 1991 р. очолював Миколаївську організацію НСПУ. Помер 25.03.2011 р.

* * *

Не все зроблю, до чого прагну...
Всього ніхто не відробив;
Либонь, ніхто ще душу спраглу
Життям по вінця не налив.
Але, допоки ще у змозі,
Торую шлях між буйних трав.
Щоб нині йти по цій дорозі,
Я тисячу років чекав.

* * *

Лиш не мовчи. Прийди – як листопад.
Я засміюсь чи промовчу не в лад.

Порушиш ти мовчанку. Мов ножі,
Твої слова. Та не мовчи – скажи.

Хай слово мовлене – отрута і хула, –
Прийди, як тінь надходить спроквола.

Лиш не мовчи. В саду – вітри гудуть.
Слова твої громами упадуть.

Я засвічусь, немов ліхтар вночі:
Прийди. Яви хоч слово. Не мовчи.

* * *

Світліє даль широкого Лиману.
За овид углибають кораблі.
Яких просторів думкою дістану?
Де тінь твоя на виспраглій землі?

Ідуть роки розмірною ходою.
Повільно сонце веслами гребе.
Невже ми розминулися з тобою?
В яким тепер столітті ждуть тебе?

* * *

Дружині Лесі

Біла хмара висить,
Небо синє – безмежне.
Сто минуло століть,
Серце ж – знову бентежне.

Сто віків прогрімить,
Лихо й щастя – грозою.
Не повториться мить
Зустрічі із тобою.

СТЕЖКА ДО РІЧКИ

Стежка до річки збігає.
Скільки тій стежечці літ?
Скільки століть пам'ятає
Ядра, мечі, динаміт?!

Понад ясною водою –
Ярі сонця крізь віки.
Радістю – потім бідною
Шириться шум осоки.

Йшла по водицю дівчина,
Їхав козак за Дунай...
Бачила стежка-стежина
Радощі, горе, відчай...

Стежка до річки збігає.
Знов зеленіє верба.
Тут, на стежині, – без краю
Сміх, сподівання, журба.

Дівчина сходить до ріні
Стежкою поміж тополь.
Тисяча років стежині.
Дівчині – тисяча доль.

* * *

Пливе осонцена вода,
Привільно вік пливе водою,
Пливе життя, пливе жада,
Пливуть гатіння під вербою.

Хвилина, днина, вій майне...
А щось щемливо-українне –
Таке просте, таке складне –
Не відпроміниться, не сплине.

* * *

З теплої хати в сніг синюватий
Я розчахнув прохололе вікно...
Постать твоя, мовчазна й винувата,
Все віддалялась...
Недавно? Давно?

...Квітне бузок, закипаючи біло
І не тамуючи млосну жагу.
Лиш розчахну я вікно розпашіле –
Зашпори в серці,
Сліди на снігу...

* * *

Собі самому поклянуся,
Піднявши грудку з-під ноги,
Піду отак – не озирнуся
На скелі й сиві береги.
Лиш знатиму, що поза мною,
Поза плечима є вони,
Як сам Богун не самотою
Й гіркі-солодкі полини.

А при дорозі й понад шляхом,
Де бистра тінь від літака, –
Твоєї волі чиста плаха,
Що теж – солодка і гірка.
Вона – мій суд, а не отуда.
Між тернів берегом іду
І, певний праведного суду,
На неї голову кладу...
І знов мені цей шлях-дорога,
Така єдина не чомусь, –
Хоч озирнись за перелоги,
Хоч за тополі подивлюсь.

* * *

Як легко жити із брехнею!
Лише кажи усім про рай.
Втопити можна у елеї
І зло – лиш злом не називай.

Рожевотканною габою
Лежать ядучі тумани...
Як легко жити із ганьбою! –
Лише імення заміни.

* * *

Покіль ми хвацько промовляли
З трибун високих і низьких,
Покіль ми лозунги писали
(На тлі червонім – білий штрих),
Ми щире золото розгубили
Та назбирали мідяків,
Навчились думати впівсили,
Імітувати співаків.
Та істина – ізнову гола:
Потужний флер ізнов згорів,
І щира правда очі коле,
Як за Шевченкових часів.

* * *

Коли, вже за межею часоплину,
До білих стін востанне прихилюсь, –
В чернозем по краплиночці ввіллюсь,
Йому віддам тяжку свою кровину.
Коли обірветься моє серцебиття, –
Поважчає степів моїх задума
На ще одну таємину буття,
Глибиннішу з таїн Каракорума.

ПОЛЕЛЬ УКРАЇНСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

(До роковин Валерія Бойченка)

Творчість нашого земляка, уродженця Снігурівщини Валерія Бойченка (3.05.1941–25.03.2011) складає, без перебільшення, «золотий фонд» української культури. Наділений філологічним талантом, він, закінчивши Львівський університет, працюючи викладачем іноземних мов у Душанбе, Херсоні, найбільше – в Миколаєві, дебютував як поет на початку 1970-х: тоді в найвідомішому серед творчої молоді альманасі «Вітрила – 71» надруковані його вірші. З часом вийшли книги: «Іскри», «Сонячні кола», «Поліття», «Багряні колони», «Широти», «Світлі ріки», «Доброта», «Птахи над полум'ям», які розширили естетичні межі «тихої лірики» та принесли їх авторові популярність. Мали успіх збірки для дітей, що виходили багатотисячними накладками: «Який широкий світ!», а в перекладах з англійської – «В мене курочка була», «Зроду ще такого я не бачив!». А яким же був глибоким знавцем іноземних мов!.. Персонажі роману Р.-Л. Стівенсона «Корабельна катастрофа», а ще – повісті В. Джемса «Димок» вперше заговорили українською завдяки В. Бойченку. Він – у числі тих сіячів культури, чії переклади Нобелівського лауреата Р. Фроста так само визнані кращими. Крім цього, завдяки йому кожен може познайомитися і з китайською, в'єтнамською, арабською, перською, корейською, шотландською, японською, карачаївською, осетинською, єврейською, молдавською, турецькою класикою. Втім, дивовижною постала лірика останніх років: вершинна лірична драма «Книга Леля», а з нею – книги вибраного «Не повториться мить», «Правий берег», «Хай вам засяє любов», що підтвердили статус поета В. Бойченка як одного з найкращих. Підтвердження – Всеукраїнські літературні премії імені П. Тичини, О. Олеся, культурологічна імені М. Аркаса, а ще – сила-силенна творчих зустрічей, поїздок на фестивалі та форуми, виступи у ЗМІ, схвальна критика.

Він брав участь в літературно-культурному житті краю: працював відповідальним секретарем Миколаївської організації Спілки письменників України, тривалий час керував літоб'єднанням «Станпель», був ведучим телепрограми «Основи», заснував газету «Аркасівська вулиця», написав сотні культурологічних розвідок та море публіцистики, упорядкував двотомник «Миколаївщина в історії України», видав нині популярну книгу «З історії словесності Південного Прибужжя», працював над багатотомником «Тарас Шевченко і Миколаївщина». Як громадський діяч В.П. Бойченко наприкінці 1980-х очолював «Зелений світ», відроджене товариство української мови краю (ВУТ «Просвіта» імені Т.Г. Шевченка), стояв біля джерел Народного Руху, товариства «Меморіал», Конгресу української інтелігенції, за що удостоєний знака Українського фонду культури «За подвижництво в культурі», медаллю «Просвіти» «Будівничий України». Його можна було зустріти на вулиці чи в книгарні, зі студентами або ж ветеранами. Він мав тонке почуття гумору, енциклопедичний, мов у Бажана, склад мислення, широку ерудицію, блискуче знання історії та літератури, водночас – чуйність та повагу до ближнього, яка надзвичайно вирізняла Бойченків: донечку-філолога, дружину, яка віддала життя бібліотеці, та, звісно, його. В родині книгарів на передньому плані завжди тремтіло Слово.

Потрапивши під приціл долі, В.П. Бойченко трагічно полишив життя в один рік зі своєю Лесею. І на тій переправі, очевидно, все лунають йому слова з «Книги Леля», яку він присвятив коханій: випробування справжності почуття – вирішальне в долі, адже через випробування воно й утверджується. Ось у тому, можливо, є секрет його Сізіфової праці творця зі степу. А ще – нетлінна справжність духовної борні, де В.П. Бойченко – Полель української культури – один із найкращих її подвижників. Назавжди і на все життя.

Тарас Кремень

Глушко Олександр Кіндратович. Прозаїк, критик. Народився 14.09.1938 р. в селі Покровка Очаківського району. Закінчив факультет журналістики Київського університету (1964) та Академію суспільних наук при ЦК КПРС (1975). Працював у Миколаївській обласній газеті «Южная правда», редактором обласної молодіжної газети «Ленінське плем'я». З 1986 року – секретар правління Спілки письменників України. Автор книги художньої публіцистики «Вогні маяків», збірки оповідань «Малиновий гай»; історичного роману «Кінбурн»; літературно-критичних праць «На бистрині часу», «З позицій соціального оптимізму». Кандидат філологічних наук. Заслужений журналіст України. Лауреат премії ім. Андрія Головка. Член Національної спілки письменників України (1982). Головний редактор журналу «Вітчизна».

Олександр ГЛУШКО

ОЛЬВІЙСЬКА СПОКУСНИЦЯ

Вона з'явилася з-за скіфських пагорбів, що мовби обрамлювали з боку лиману прадавню Ольвійську хору. М'яко ступаючи по цупкій, прив'ялій від серпневої спеки траві, впевнено наближалася до їхнього вогнища. Довга, майже прозора сукня бузково-сизим туманом обгортала її гнучкий стан. Смолянисто-чорне волосся, зібране на потилиці в тугий вузол, природно довершувало тонкі риси смаглявого лица незнайомки. Корсун подумки порівняв його з обличчями давньогрецьких жінок, зображених на чорнофігурних кіліках і конфарах, які час від часу знаходили на розкопках цього античного міста. Схожість вражала. Ніби аж війнуло від постаті смаглявки, від її нетеперішньої вроди бентежним духом тієї давнини, якою переймався і жив довгі роки.

– Слава Богу, знайшла вас, пл'офесоре, – з полегкістю зітхнула дівчина, уповільнюючи ходу. – И не підозл'ювала, що ви усамітнитеся аж над лиманом. – Легка гаркавинка, що іноді пом'якшувала літеру «р», надавала їй вимові якоїсь невловимої чарівності. – Якби не вогонь...

– Тут менше сторонніх вештається, – не дав їй докінчити Марко. Корсун з подивом перехопив неприязний погляд зазвичай лагідних очей свого молодого напарника.

– Вибачте, що порушила ваш спокій, – помітно знітилася від того погляду й дівчина. – Я, мабуть, невчасно прийшла.

– Чому ж, ми завжди раді гостям, – поквапився Корсун, аби загладити прикре непорозуміння. – Підходьте ближче, сідайте, – кивнув на відшліфовану степовими вітрами брилу жовтуватого черепашика, що правила їм тут за ослин.

– Піду плавнику пошукаю, – буркнув Марко й став спускатися вузенькою стежкою, що збігала крутосхилом глиняної кручі до берега лиману.

– Не гнівайтесь за втол'гнення, пл'офесоре, – ще раз вибачилася дівчина, присідаючи на краєчок черепашика, і її вродливе обличчя спашнуло чи то від внутрішньої бентеги, чи то від близького вогню.

І вмінням поводитися – тактовно, ненав'язливо, але з відчутною внутрішньою самоповагою, і оксамитово-м'яким голосом, і вбранням, яке тонко підкреслювало пластику її звабливого тіла, і ще чимось невловимо-загадковим вечірня

гостя помітно відрізнялася від багатьох своїх ровесниць, яких і тут, на розкопках давньогрецького міста, оберталось чимало.

Корсун підкинув у багаття кілька гілочок сухої маслини, які затріщали у вогні, бризкаючи у сиві-чорне небо сліпучими іскорками.

– Не боїтесь ходити степом такої пори? – опутився поруч із гостею.

– Чого мені боятися? Я вдома. Знаю тут кожну стежку. Можу ходити з заплющеними очима.

– А я чомусь подумав, що ви з експедиції – студентка чи... молодий науковець. Хоча серед археологів я вас, здається, не помічав.

– Де вже вам до таких, як я, – з присмученою усмішкою, проте без удаваного кокетства, відповіла дівчина. – Вас більше цікавлять написи на ольвійських каменях, графіті. Не підступишся.

– Перебільшуєте, – поблажливим тоном заперечив Корсун. – Вас би я запам'ятав.

Незнайомка промовчала. Замислено дивилася, як вистрибують бездимні язички полум'я над маслиновими полінцями. Нарешті звела на Корсуна проникливий чаклунський погляд.

– Я й сама не хотіла муляти вам очі, пл'офесоре. Хіба мало у вас тут клопотів на л'озкопках. Зважилася підійти аж тепел'.

– І чим же я зможу прислужитися своїй юній гості? – з підкресленою галантністю схилив перед нею сивіючу голову. – Даруйте, не знаю вашого імені.

– Воно... не зовсім звичне, – зам'ялась дівчина. – Анфія. Так у паспол'ті. А в селі мене називають Ганною.

– Справді незвичне, – повторив Корсун. – Хоча я його вже зустрічав, – примружився він, заглиблюючись у власну пам'ять. – Здається, так звали мілетську віщунку. Її ім'я було висічене на мармуровій плиті зі святилища Аполлона Дельфінія. Шосте століття до нашої ери.

– Пл'авда? – з подивом перепитала дівчина. – Невже мене назвали на честь саме тієї піфії?

– А чому б і ні, – інтуїтивно захищаючись від її гіпнотичного погляду, жартома відповів Корсун. – Сьогодні так не вистачає людей, які б передбачали майбутнє, хоча б недалеко.

– Це не пл'о мене. Я нікудишня віщунка, – в її самоіронії й справді не відчувалося фальші. – Та й нецікаво було б знати все наперед. Мене більше пл'иваблюють таємниці минулого, сховані й під оцими пагол'бами.

– Уявіть собі, що й мене теж, – у тон їй відповів Корсун.

– Пло' вас і говол'ити нічого, пл'офесоре. Єдиний епіграфіст в експедиції. Я не помиляюся? – метнула чорними іскорками очей в його бік.

– Бачу, ви добре обізнані, – сказав Корсун. – До речі, як вас краще називати?

– А вам як зл'учніше?

– Анфія. Дозволяєте? – обвів поглядом струнку постать, витончений профіль смаглявки.

– Мені це ім'я теж більше до вподоби, – призналась вона.

– І що ж все-таки привело юну Анфію до нашого біваку?

– Ой, я й сама не знаю, як пояснити вам, пл'офесоре, – мовби аж зніяковіла дівчина. І, потупивши погляд, майже пошепки запитала: – Ви не будете сміятися?

Корсун не встиг відповісти, як з-за уступу кручі почувлися уповільнені важким підйомом кроки Марка, дріботіння грудочок спеченої на сонці глини, що випорскували з-під його кросівок.

– Мені пол'а, – миттю підхопилася дівчина.

– Так швидко? Зачекайте, – спробував затримати її Корсун. – Чаю поп'єте з нами. Зі степових трав. Марко – великий мастак заварювати.

– Дякую, – знову відчув на собі заворожливу силу її очей. – Пізно вже. Вдома хвилюватимуться.

– Ви ж так і не відповіли на моє запитання.

– Іншим л'азом, – вибачливо всміхнулась вона.

– Я проведу вас, поночі вже.

– Не тл'еба, – поквапливо виставила вперед долоньку. – Я сама. На добл'аніч, пл'офесоре, – і, майнувши між пагорбами темно-ліловою тінню, мовби розчинилася в сутінках. Як і не було її.

«А може, й справді та загадкова дівчина – виплід моєї фантазії, уяви, – ворухнулося в підсвідомості»

мости. – Намарив собі казнащо: Мілетська віщунка, Анфія... Містика якась. Чи не перегрілися ви на сонці, шановний професоре?» – подумки підштрикнув себе, вдивляючись у темряву.

– Пішла? – скинувши на землю оберемок плавнику, подивився в той бік і Марко.

– А ви що, знайомі? – трохи спантеличений його поведінкою, запитав Корсун.

– Боронь Боже, – насупився Марко.

– Дивно. А я чомусь подумав... Ви ж не перший рік в експедиції. А вона каже, що місцева. Невже не здивувалися жодного разу?

Марко мовчки опустився на те місце, де шойно сиділа Анфія.

– Ярослав Антоновичу, – сказав утомлено, – їх, отаких циганок, ошивається тут щоліта знаєте скільки.

– Чому ви вважаєте, що Анф... – Корсун запнувся, чомусь притримуючи язика, аби з нього не зірвалося ім'я дівчини, – що вона, гм... циганка?

– А хіба й так не видно? – ніби аж здивувався Марко. – Смаглява. І очі відьомські, чорні, аж пронизують наскрізь. Невже не помітили? В кого ще такі бувають?

Не став кепкувати з безпосередності хлопця: не все ж те сажа, що чорне. Втім, його самого зацікавив і навіть збентежив пізній візит цієї загадкової незнайомки, яка так і не встигла сказати, чого приходила.

– Вони думають, що ми тут золото викопуємо щодня, прикраси дорогоцінні, – мовби виправдовувався Марко, прилаштувавши триниго з чайником над вогнем, – і злітаються до заповідника, як мухи на солодке. Не вгледів – і вже на якійсь пам'ятці хрест можна ставити. Їм же історія, Ярославе Антоновичу, по барабану. Нищать усе, що не блищить. Та ви й самі бачили.

Як міг не бачити?! Серце заходилося від болю й безпорадності перед дедалі нахабніючими грабіжниками. Йому, як єдиному тут з вимираючого вже племені епіграфістів, надто боляче бачити сліди злодійських розкопів на городищі й некрополі стародавнього полісу. Та хоч як поставала душа проти новітніх вандалів, навіть у думці боявся припустити, що до них могла бути причетна й Анфія. Інакше він ні чорта не петрає в людях, Хоча дожив уже до сивини й поважного віку.

Схід сонця, за звичаєм, зустрів на Теменосі – священному кварталі Ольвії. Любив працювати цієї пори, коли спека ще не плавилася мозок, а галасливе плем'я студентів-археологів перебувало ще в полоні Морфея. Можна було зосередитися. А сьогодні мав над чим. Розшифровував загадковий напис, прокреслений дрібними літерами на денці чорнолакової чаші, за всіма ознаками – п'ятого століття до нашої ери. Знахідка була вельми рідкісна, і вчорашній візит Анфії майже вивітрився з голови Корсуна. Так уранці часто забувається, розвіюється, як марево, шойно бачений сон. Хіба що лишається десь у підсвідомості його невиразна, розмита тінь.

Коли ж, розминаючи затерплі ноги, вийшов з-під благенького навісу, що сяк-так захищав його робоче місце від сонця, городище вже скидалося на розбурханий мурашник. Вкриті «порохом віків» археологи очищали від пізніших нашарувань фундаменти еклесіас-терію – будинку народних зборів Ольвії і залишки оборонних мурів, засмагли до чорноти студенти снували з ношами, що аж вгиналися під вагою глинистої землі з нових розкопів.

Гурток дівчат оточив щільним кільцем палеоботаніка Вадима Гребеня – молодого красеня і лове-ласа, вони навперебій про щось розпитували його. «Невже про давню ольвійську флору?» – слухаючи їхній щебет, подумки зіронізував Корсун.

Одна з тих дівчат раптом обернулася й помахала йому рукою, як давньому знайомому. Він машинально відповів. І тут же впізнав її. То була Анфія. Помилитись не міг. Одягнена в легку помаранчового кольору блузку і сині шорти, що відкривали стрункі, такі ж смагляві, як і обличчя, ноги, вона здавалася ще граційнішою.

Щось мимоволі стрепенулося в грудях Корсуна. Згадав, що давно не бачився з донькою, яка після закінчення медінституту й заміжжя жила в Одесі. Анфія була на вигляд приблизно одного віку з нею і, звичайно ж, не могла не зворухнути його батьківське почуття...

Міцно утримуючи в своєму полоні Гребеня, дівчата подалися з ним до Зевсового кургану, що виднівся неподалік. Анфію, мабуть, теж дуже цікавила палеоботаніка, бо вона весь час говорила з Вадимом і жодного разу не озирнулася. Хоча знала ж напевне, що він дивиться їй услід.

Спливли в пам'яті вчорашня розмова з дівчиною і її слова: «Мене більше приваблюють таємниці, сховані під оцими пагорбами». Здається, саме так вона і сказала. Що це – справжній інтерес до минулого чи, може, щось інше? «Невже Марко правий, – тоненькою павутинкою снувалася думка, – вивідують у археологів, учених, що й де цінного може покоїтися в землі, а потім у слушний момент прицільно, мов круки, кидаються на здобич?»

«Дурниці! – так само подумки заперечив хлопцеві. – Підозрювати кожного... Так можна й шизофренію накликати на свою голову».

Учора, перед тим, як пірнути до ранку в прогріте за день нутро бувалого в бувальцях намету, Марко кинув ніби між іншим: «Ось побачите, Ярославе Антоновичу, вона ще прийде до нас».

Аякже, прийде. Он навіть не озирнулася.

І чомусь відчув, як, ні сіло ні впало, підупадає настрій. «Мабуть, від перевтоми», – помасажував пучками густо припорошені сивиною скроні.

Вечір був, як і всі попередні, тихий і задушливий. З лиману, що приглушено шарудів унизу лініями хвилями на піщаних кісках, жодної прохолоди. На загуслій синяві неба одна за одною спалахували зорі, чіткіше вимальовувалося сріблясте коромисло Чумацького Шляху.

«Таки помилився Марко, не прийде вона, – чомусь без особливої втіхи подумав Корсун, вдивляючись у язички полум'я, що безтрепетно тяглися вгору. – Та й справді, з якого дива плентатися дівчині майже поночі в таку даль безлюдним степом? Робити їй більше нічого? Ще й у такому віці. Он як поїдала своїми очиськами палеоботаніка. Ще б, не звернути увагу на такого парубка. Гарний, як Аполлон. І не без розуму. У свої двадцять сім уже кандидат наук. Хоча й вітер у чубатій голові ще не влігся. Хто знає, може, й з ним гайнула тепер кудись на побачення. У Гребеня на вродливих дівчат, кажуть, теж око гостре».

Приблизно такі думки, з легким смутком і гірчинкою, снувалися в голові Корсуна того серпневого вечора біля догоряючого багаття над лиманом.

І коли Анфія майже нечутно, скрадливою ходою виринула з довколишніх сутінок в освітлене вогнем коло, його ніби правцем поставило.

– Не пл'оженете? – запитала зі своєю м'якою гаркавинкою і сторожко повела очима, шукаючи, мабуть, його напарника.

– А-а... м-м... чому... ви ж у себе вдома, – спромігся нарешті витиснути з себе.

– Тут все ж таки ваша територія, – відповіла, наголосивши на слові «ваша».

Була в тому ж вбранні, що і вдень, тільки плечі поверх блузки прикрила прозорою мереживною накидкою, кінці якої вузликом зав'язала на тугих грудях.

– Чесно кажучи, не сподівався, що ви сьогодні прийдете, – оговтавшись, підвівся Корсун.

– Я догадувалася, – спокійно відповіла дівчина. – Подумали, мабуть, що полінуюся вдруге бити ноги до вас чел'ез усю Заячу балку. Тут кілометра півтол'а, не менше.

Корсун внутрішньо підібрався. Ця вродлива відьма читала його думки. Почувався незахищеним перед нею. Просвічувала, як рентгеном. Добре, що хоч Марко не бачив його миттєвої розгубленості. Розкопував поселення борисфенітів на морському острові поблизу Очакова. Мав би вже повернутися, – непомітно зиркнув на годинника.

– Ви кудись поспішаєте, пл'офесоре? – насторожилася дівчина, перехопивши той порух його зіниць.

– Навпаки, чекаю, – заспокоїв її Корсун. – Катер ось-ось має підійти з Березані. Сьогодні там працювали наші археологи і з ними Марко. Щось затримуються, – тепер дуже відкрито подивився на циферблат годинника, піднісши руку ближче до вогню. Від нього теж не могло приховатися, як легка тіль присмутила обличчя Анфії.

Вона повільно опустила вії, потім поривчасто скинула голову й обдала Корсуна поглядом, від якого мовби пахнуло на нього жаром. Дивилася не як молода учениця на старшого за віком, мудрого вчителя, а як зріла жінка на рівного собі чоловіка – пристрасно, жагуче, звабливо.

Йому аж подих перехопило.

– Хто ви? – чи то подумав, чи то прошепотів, відчуваючи на собі п'янку дію якогось невидимого тунку, що мовби розлився у вечірньому степовому повітрі.

Мабуть, таки уголос вимовив ті слова, бо дівчина мовби струснула з себе зажуру. Її обличчя просяяло, і в кутиках очей з'явилися грайливі іскринки.

– Саме у вас, пл'офесоре, я й хотіла довідатися про себе, – схилила до плеча голівку.

– У мене? – перепитав Корсун.

– А в кого ж іще? – повела плечима під мереживною накидкою. – Ось уже вдруге навідуюся. Пол'ушую ваш спокій. А когось, мабуть, і дл'атую, – прозорий натяк на Марка? А, може, й на нього самого?

Опанувавши себе, Корсун теж усміхнувся до дівчини, даючи зрозуміти, що приймає її гру.

– Якщо ви вже наділяєте мене властивостями ворожбита, чи як там по-сучасному – екстрасенса, – сказав, не приховуючи іронії, – то з чого почнемо? З дитинства?

– Ви жал'туєте, – ніби аж образилася Анфія, надувши припухлі губки, – а я давно хотіла поговорити з вами, пл'офесоре. Аби... – її смагляве личко ледь зашарілося від якогось внутрішнього хвилювання, – аби... довідатися пл'о... свій давній рід.

– Ці-ка-во, – посерйознішав і Корсун, переймаючись помітним збентеженням дівчини. – Ви й справді вважаєте, що я можу знати ваше минуле?

– Ярославе Антоновичу, – вперше назвала його на ім'я й по батькові, – ви ж єдиний, хто читає й розшифровує тут античні письмена – і висічені на каменях, і ті, що збереглися на стал'одавніх вазах. – Вона м'якими, кошачими кроками наблизилася до нього, випромінюючи якусь заворожливу енергію, що відчувалася майже фізично.

– І як же мені за тими письменами?.. – не в змозі відвести погляд від її темних очей, пробелькотів Корсун.

– Боже, що це зі мною коїться?! – не дала йому договорити Анфія, притискаючи долоні рук до темно-рожевих щік. – Так плутано все пояснюю... Вибачте. Я тільки хотіла сказати, що... Одне слово, мій покійний дідусь по маминій лінії часто жал'тома називав себе «ольвійським чел'єпком».

– Він грек? – уважніше придивився Корсун до дівчини, мовби хотів пересвідчитися в достовірності її слів.

– А хіба по мені не видно? – крутнула вона голівкою з важким клубком чорного волосся, що вороновано поблискувало в світлі багаття. – Пл'авда, мене тут дехто вважає циганкою. – «Невже знову натяк на Марка?» – Та я ставлюся до того байдуже.

– Ви й не схожі на циганку, – сказав Корсун.

– Я знала, що ви не повіл'ите, – приязно мовила Анфія, та від тих слів, від її оксамитового голосу аж холодком пройняло Корсуна поза плечима. Це зухвале дівчисько ніби підслухувало його розмову з Марком. Навчений життєвим досвідом, відчував, проте, безпорадність перед юним створінням, котре годилося йому в доньки.

– Так ви вважаєте, – погамувавши збентеженість, якомога спокійніше подивився на Анфію, – що ваші далекі предки походять з Ольвії?

– Я не можу стверджувати цього напевне, Ярославе Антоновичу, а хотілося б знати, – відповіла зі смирним виразом на обличчі.

«Сама безневинність», – мало не прохопилося в Корсуна.

– І ви сподіваєтеся, що можуть бути якісь предметні докази?..

Погляд Анфії повився смутком.

– Здається, ваші археологи повел'таються, – мовила стиха.

Корсун і собі прислухався. До берега, приглушено гуркочучи, підходив катер. На його невидимій щоглі зблискували топові вогні.

Дівчина й цього разу не дозволила провжджати себе. Торкнулася на прощання своєю долонькою його простягнутої руки й зникла в темряві. Ще відчував на зап'ясті голочки струму від того миттєвого доторку, як з'явився Марко.

– Катер не зміг підійти до берега, довелося вибродити, – сказав, знімаючи й викручуючи на ходу мокру теніску. – А колись же тут була глибока гавань, важкі трієри заходили в неї.

Корсун дивився, як хлопчина розвішує мокрий одяг на сухих гіллячках маслини біля вогню, а перед очима все ще стояла Анфія. Ніби й досі відчував на собі її заворожливий погляд. Щось дивовижне коїлося з ним. Марко говорив про розкопки на Березані, та він, слухаючи, ловив себе на інших думках. Якись задавнені почуття відроджувалися в душі.

Дочекавшись, поки натомлений Марко сховався в своєму наметі, Корсун розстелив спальник просто неба, на випаленій сонцем траві, й ліг горілиць. Ось воно – диво з див: на чорному оксамиті розсипи зірок. Незбагнений у своєму застрашливому безмежжі мовчазний світ. Та, може, тільки йому й міг подумки звіритися у своїх почуваннях.

Після тієї авіакатастрофи під Салоніками, куди летіла і його дружина – теж археолог – на міжнародний симпозиум, його овдовіла душа мовби заклала на довгі роки, а світ звужився до прадавніх полісів і городищ. У постійних експедиціях не помічав, як плине час, збігають роки. Сам дивувався своєму пенсійному вікові. Може, тому, що фізично не відчував його. До сивини зберіг і юнацьку статуру, й енергію. Був переконаний, що саме вона й спалює зайвий жирок. Іноді перехоплював на собі скрадливі погляди набагато молодших жінок. Проте не дуже переймався тим. Жінки так само загадкові й незбагненні, як і оце безмежжя Всесвіту перед очима. Ось і Анфія...

Він незчувся, як уголок вимовив її ім'я. Й аж здригнувся від того. Обережно підвів голову й покосився на Марковий намет. Звідти чулося легке похрюпування. В Корсуна відлягло від серця. Не вистачало ще йому клинів з боку молодого напарника. Він заплющив очі, та сон чомусь відлітає геть. Сюрчали цикади. І поступово згасали зорі. Тільки чорний оксамит неба.

Увечері, коли вони за звичкою розклали вогнище, Корсун потайки від Марка час від часу позирає на вузьку стежку, що зміїлася між скіфськими пагорбами, – чи не з'явиться на ній струнка, граційна постать Анфії. Та ні того, ні наступного вечора він так і не діждався її. І Ярослав Антонович вже став подумувати, що ті відвідини були якоюсь грою, миттєвою примхою чи забаганкою усе ще загадкової дівчини. А може, й справді хотіла вивідати у них щось про ольвійські скарби? Хто знає? Хоча інтуїтивно відчував, що на Анфії не може бути такого гріха.

У суботу (працювали тільки до обіду) Марко сказав, що бере невеликий тайм-аут. До понеділка. Хочє відвідати свого давнього приятеля й однокурсника, який відпочиває в одному з очаківських пансіонатів.

Корсун теж не став затримуватися на городищі. Повернувшись до їхнього відлюдного «бівачу», розклав у тіні намету прихоплені з собою уламки античних ваз із фрагментами графіті й став переносити ті стародавні написи на аркуші цупкого паперу, які завжди мав під рукою. З'єднуючи їх, намагався реконструювати відсутні частини тексту, домислити його зміст.

За своїм заняттям не помітив, як і день збіг до вечора і сонце вже почало занурюватися в море за далекою Березанню. Тільки верхній крайчик ще ярів над водою. То ось і він, зблиснувши прощальною іскоркою, згас до ранку. Корсун підвівся, щоб розпалити вогнище, та не спромігся ступити й кроку. Ніби якась невидима сила утримувала його на місці, сковувала рухи. Він мимохіть озирнувся.

По той бік намету стояла Анфія.

Вони зустрілися поглядами, і Ярослав Антонович уперше за час їхнього знайомства помітив у темно-карих очах дівчини чи то смуток, чи то зачаєне страждання.

– Вибачте, пл'офесоре, – вимучено всміхнулася вона, – не хотіла відвертати вашу увагу. Дивилася, як чаклуєте над отими чел'єпками, й боялася навіть дихати.

– Звичайна робота, – ворухнув пересохлими враз губами.

– Невже тут можна щось розібл'ати? – підійшовши ближче, схилилася над рештками керамічних посудин з борозенками античних слів.

– Якби ж не грабіжники, – затримав Корсун допитливий погляд на дівчині, – бачите, що після них лишається.

Смагляве личко дівчини спохмурніло, дуги чорних брів зійшлися на переніссі.

– А де ваш напарник? – запитала тихо, не підводячи голови.

– Приймає, мабуть, морські ванни в Очакові. Обіцяв повернутися в понеділок.

Дівчина прикрила повіками очі й стояла так нерухомо кілька секунд, мовби прислухалася до чогось у собі.

– А що як і ми спустимося до лиману? – звела нарешті прояснений, навіть грайливий погляд на Корсуна.

– Чому ж, можна, – не в змозі опиратися магнетичній силі дівчини, погодився він. – На березі, мабуть, прохолодніше.

– Тоді зводьте мене, лицарю, – театральню простягла йому руку.

Він узяв її як коштовну річ і підвів дівчину до краю стежки, що стрімко збігала донизу крутим схилом прибережної кручі.

– Не оступіться, – застеріг, відчуваючи в своїй долоні пульсуюче тепло її довгих пальців.

– Постал'юся... О-о-й! – легкі тувельки дівчини ковзнули по вичовганій стежці, і вже вона ластівкою падала на нього згори, тільки й устиг впертися ногою в кущик цупкого дроку, що вкорінився на схилі. В'юнкі руки несамохіть обвилися круг його шиї. В обличчя пахнуло запаморочливо-п'янким духом молодого жіночого тіла, незрівнянного з найвишуканішими парфумами.

Мить, секунду чи, може, й вічність стояли вони так, завмерши, зацікавлені від несподіванки.

– Я ж могла вас скалічити, – першою оговталася Анфія.

– Обое полетіли б сторчачка донизу, якби не дрік, – відповів Корсун, вловлюючи внутрішній трепет її тугих грудей на своєму плечі.

– Чел'євики підвели, – провинним тоном, що дисонував, проте, зі щасливим переблиском її очей, відповіла Анфія. – Вони в мене без каблучків, степом ходити зл'учно, а ось тут утл'иматись не могла.

Не прибираючи лівої руки з його плеча, правою скинула обидві тувельки й пожбурила їх на прибережний пісок.

– Тепел' без пл'облем.

Так босоніж і зійшла донизу.

– Боже, як тут хол'оше! – прошепотіла, забрідаючи у воду.

З лиману віяло свіжістю морського бризу.

– Може, скупаємося? Як ви, пл'офесоре?

В оксамитово-лагідному голосі – просьба? Повеління? Він і сам плутався. Це дивовижне дівча вже не вперше обеззброювало його, підкоряло волю.

– Скупаємося, – повторив, мов загіпнотизований, – смажило сьогодні, як у Сахарі.

Анфія підійшла до відшліфованого штормовими хвилями валуна, що сірів осторонь, і, не соромлячись, зняла з себе всю одіж. Її струнка постать чітко вимальовувалася на освітленій зорями дзеркальній воді лиману. Голівка античної богині, точена шия і мовби відлиті вправним майстром півсфери пружних грудей, звабливо-плавні лінії стегон... В усій фігурі Анфії гармонійно поєднувалися краса і витончена пластика тіла. Похитуючись гнучким станом, вона повільно зайшла у воду й озирнулася.

– Ярославле Антоновичу, що ж ви? Тут кл'аще, ніж на березі.

Корсун поквалливо роздягнувся. Вода обволокла його прохолодним шовком. Занурюючись з головою, прагнув остудити мозок, заспокоїти, вгамувати розбурхані почуття.

Вони плавали, пірнали, бавилися у воді, як діти. І Корсун, відганяючи нав'язливу думку, що бере участь у якомусь гріховному дійстві, почувався, як у далекій, хоч ніби й учорашній, молодості. Неначе скинув зі своїх пліч кілька десятків років. Його худорляве тіло мовби підживлювалося новою енергією.

– Давно вже я так не раювала, – підпливла до нього Анфія.

На її смолянному волоссі, віях, щоках іскорками зблискували крапельки води. Дівчина спритно перекинулася на спину й попливла до берега.

Коли ж і він ступив на прохолодний пісок, Анфія вже сиділа на валуні. Її тонка сукня щільно облягала мокре тіло, рельєфно окреслюючи його форми.

– Ви схожі на русалку. Ще й до біса вродливу, – не втримався від компліменту.

– А не боїтеся, що залоскочу? – підвелася йому назустріч.

Вона висмикнула якісь невидимі в темряві шпильки з волосся, й воно чорними хвилями скотилося на її плечі й груди.

Русалка й відьма водночас.

– Я вже не в тому віці, щоб боятися, – відповів, проте, чужим голосом.

– Саме в тому, Ярославе Антоновичу, – прошепотіла запаморочливо, підступаючи небезпечно близько до нього. – Ви – мужчина, в яких тільки й закохуються жінки. – Вона ніжно провела долонею по його мокрому, цупкому волоссю, яке сріблилося в світлі повного місяця, що стиглим персиком завис уже над лиманом. – Можна поцілувати вас? – не так почув, як здогадався по її повних губах.

І тієї ж миті мовби здригнулися й упали високі бастіони прибережних круч. І земля, схитнувшись, попливла під ногами. І відлетіла геть нічна прохолода. Натомість лише вогонь і жар, що напочувалися п'янкими хвилями.

* * *

Тепер вони удвох сиділи на валуні. Корсун відчував бентежне тепло її все ще розпашілого тіла. Пишне волосся торкалося його шиї, пестило щоки, губи.

– Ви мені подал'ували сьогодні таку дивовижну ніч, – мовила стиха, міцніше пригортаючись до його грудей.

Хіба що камінь, валун оцей твердий і бездушний, не стрепенувся б від таких слів.

– Може, ви, Анфіє, все це нафантазували собі? – сказав, безуспішно силкуючись приборкати запізніле полум'я, що спалахнуло у його серці.

– Що нафантазувала?! Мої почуття до вас? – відсторонившись, обпекла його поглядом.

– А вікова різниця між нами... Ви подумали?.. Я переступив уже той рубіж...

– Мовчіть! – притиснула прохолодні пальці до його губів. – Я нічого не хочу слухати. – Вона підхопилася з валуна. – Господи, пл'о що ви говор'ите? Який л'убіж може бути в коханні? То все дул'ниці, вигадки.

– Можливо, – підвівся й Корсун, відчуваючи нездоланне сум'яття в душі. – І все ж ви – юна, божественно красива. А поруч – ровесники. Такі ж молоді, енергійні...

– Ви ще не сказали: пл'агматичні, багаті, – перебила вона його. – А я додам: холодні й цинічні. Вони ж і на побачення пл'иходять з мобілками, аби не пл'огавити потрібного дзвінка, не впустити своєї вигоди. І тільки й розмов, що пл'о бакси, кл'уті тачки, купівлю, пл'одаж. А в душах пол'ожнеча.

– Мабуть же, не всі так поводять себе, – спробував заперечити Корсун. – Думаю, що наш палеоботанік Вадим Гребень...

Анфія нервово засміялася.

– Любий мій пл'офесоре, – знову пригорнулася до нього. – Ви й спл'авді доросле дитя, – в її голосі вже не було й натяку на роздратування чи гнів. – Не розчал'овуйте мене. Ви з іншого світу. І я безмежна вдячна долі, коханий, що вона подал'увала мені розкіш побувати в ньому.

Та напоєна місячним сяйвом ніч належала їм. Перша ніч і... остання.

Анфія більше не з'являлася. Ні на розкопках античного міста, ні на їхньому «біваку». І подив, розгубленість, навіть втрату душевної рівноваги Корсуна викликало вже не саме її зникнення, а поведінка людей, яких зважився обережно й делікатно розпитувати про свою загадкову знайому.

«Анфія? Вперше чуємо таке дивне ім'я», – мовби змовившись, відповідали студентки, в товаристві яких йому доводилось бачити дівчину. Не чули вони й про Ганну. «Щось не пригадуємо такої». Те ж саме відповів Корсуну й Вадим Гребень.

– Я б запам'ятав, будьте певні, – ошкірив він білі, міцні, як у молодого жеребця, зуби. – На жаль, на жаль. Як знайдете... Pozнайомте обов'язково, – додав із хтивим переблиском у волових очах.

Нічим не могли зарадити Корсуну і в селі, куди навідався через кілька днів.

– Таких фамілій у нас зроду не було, – поховала його слабку надію літня жінка, якій назвав прізвище Ганниного діда по матері.

– А ви хто їй будете? – поцікавився молодик, що проходив мимо з вудкою на плечі.

– Знайомий.

– Ага, – наморщив лоба парубок, ніби та відповідь могла щось означати для нього. – Спізнилися, добродію. Кажись, саме така дівка, як ви описуєте, сідала на яхту до одеситів. Вони тут водою запасалися, ось дівка й напросилася, щоб узяли з собою. До Одеси.

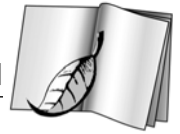
– Коли це було? – аж стрепенувся Корсун.

– Минут двадцять як відчалили. Сьогодні щось не клювало, я й чув їхню балачку. Думав ще посидіти трохи...

Та Корсун вже не слухав його. З калатаючим серцем одним духом вискочив на сарматську могилу, що вивищувалася поруч. Очам відкрилася широчінь лиману з темною смужкою піщаної коси на далекому обрії. Фарватером за півмилі від берега йшла крейсерська яхта. Йшла під повними вітрилами, розсікаючи гострим форштевнем зеленкуваті хвилі, що накочувалися з моря. Чітко виднілася зменшена відстанню постать стернового на кормі. Ще двох людей можна було розгледіти поруч.

Та напружено-загострений зір Корсуна прикипів до тонкої, либонь дівочої фігурки, що виднілася на палубі поблизу щогли. Він протер долонями очі. Постать зникла. Та за кілька секунд мовби знову вималювалася. Він підняв руку, щоб привернути увагу до себе. Та яхта віддалялася швидко. І вже тільки її силует із трикутником осяяного вранішнім сонцем вітрила виднівся удалині над лиманом.

Олег ДОРОШ

ТАК БУВАЄ ЩОТИХОЇ ЛІТНЬОЇ НОЧІ...

* * *

Гордій Олег Анатолійович (Олег Дорош – літературний псевдонім). Народився 20 листопада 1988 року в Миколаєві. Поет, прозаїк, публіцист, організатор літературно-музичних вечорів, квартирників. Працює кореспондентом на місцевому телеканалі. Друкується з 2000 року в періодичних виданнях та інтернет-порталах. Переможець конкурсу молодих літераторів краю «Південне сузір'я» (2009), лауреат «Золотої арфи» (2010), лауреат Миколаївського фестивалю «Монітор» (2011), переможець конкурсу «Бумажное дерево» (2011). Учасник літературних угруповань: «ЛАКМус», «Микола» (Миколаївський літературний андеграунд), один із засновників та лідерів мистецького об'єднання «Теплий настрій».

*Піддавай усе сумніву.
(Р. Декарт)*

Я назбираю море із краплинок та сліз
І розташую в себе на долоні.
З трав збудую кораблі,
І відправлю їх мандрувати,
Лініями долі своєї руки.
Вони відкриють Америку
Десь в районі середнього пальця,
І залишаться там назавжди,
Забуваючи рідні, брудні береги
Вистражданого моря...
Рідні, чорні береги долоней корабеля...
З того дня, в моєму морі,
Плаватиме лише смуток.
Він розчинятиметься і осідатиме на дно,
Розділяючи лінію життя
На квадрати Декартових координат.
Моє море, рано чи пізно, засохне,
Та солоний смуток залишиться,
Я злизуватиму його шорстким язиком
І відчуватиму смак порожнечі...
Та ніщо ніколи не спиняється,
І можливо, скоро народиться нове море.
І нові кораблі знову не повернуться
До чорних, рідних берегів.
Філософія існування приречена бути незрозумілою.
І з того всього відоме лише одне:
Життя – це великий сумнів
У безкрайньому всесвіті
Епюрів Монжа...

* * *

Вчора народився жовтень...
води відійшли на спраглий асфальт.
Той жадібно всотував
краплини у себе.
Ми ж перші приймали пологи у ночі.
Ми були п'яні, як зазвичай бувають лікарі.
Коли поглинає їх страх, вони вгамовують його алкоголем:
осіннім лікером з потовчених яблук і абрикосів.

Жовтень несамовито кричав
і спливав жовтими слізьми.
Розсипалось кучерявими пасмами мокре волосся
на всі сторони світу.
Благословенні Вітром,
Ми стали хрещеними батьками нашого початку.

Ми обійнявшись дивились на схід, очікуючи світанку.
І тоді я поклявся всьому неосяжному світові,
що ніколи не випущу зі своєї долоні твої слизькі пальці.

МЕЛОДІЯ

Небо виштовхувало зі своєї утроби
Останні зорі, які розсипалися вниз
Іскристою росою – компотом з туману і гірко-солодких дощів.
Кеміть розчинялася, як кава, на гарячому обрії,
Де замерзав тоненький світло-жовтий обруч,
Засіваючи мільйони гама-фотонів у Землю.
Безтурботні Акації, в самоті обійнявшись за плечі,
Стрічали втомлених косарів з далеких сіл –
Химерні тіні в обірваних сорочках, що
Йшли косити Проміння, яке невдовзі проросте.
Я сидів при дорозі, таємничий і пропахлий полином,
З бузиновою сопілкою,
І грав в унісон вітрові.

СІЯЧ СКЛА

Коли на обрії від самого ранку сходив відчай,
Він сів скло у розпороте нутро землі
і посміхався криво, так, наче Бог звільнив його
від всіх турбот, які тут трапляються.
І в коморі в нього було по вінця зерен,
та Він сів скло, і різав пальці,
і кров'ю зрошував поля.
Дивний чоловік, могли б ви сказати,
та звідки ж вам знати, що через рік
на тому полі проростуть
великі просторі вікна, він встановить їх
у кожен дім, щоб зранку,
збираючись на роботу, ви бачили крізь них,
як сходить сонце...

НЕВПИННО

Роса моїх очей
По запалих щоках
З'являтиметься
Навесні.
Й лише всохлі дерева
Будуть жадібно
Нею впиватися.
Їхні скалічені спрагою тіла
Викидатимуть бруньки-виразки.
Я наберу цієї води у жменю,
Змішаю з краплями
Сірого дощу.
І буду пити щодень натщесерце.
Заки не стану деревом.

* * *

Так буває
щотихої літньої ночі.
Один по одному,
мовби тоненькі свічечки,
загоряються вогники приземкуватих хат у селі.
І звідти безмовно ідуть
до заспокійливої води
рибалки в клобуках глухих
вигрібати сни
стривожених
риб.
Так буває
щотихої літньої ночі.
Вітер на березі моря
шепоче молитви у вуха вустами солоними,
а місячне сяйво облизує тонкострунне волосся,
тоді набирається смуток терпкий у мої пальці по вінця
і лине у скроню, шалено вируючи.
Я затамовую подих
і відчуваю, як в груді раз-пораз гупає серце,
в такт ледь чутним словам:

«Богородице Діво, радуйся, благодатна Маріє,
Господь з тобою. Благословенна ти між жінками,
і благословенний плід лона твого...»

* * *

У святого Миколая – весна,
Так млосно дихають наречені-акації у безкінечні вечори.
А на зелених острівцях цнотливої трави пісень виграють цвіркуни
Й ліхтарі не так сумно схиляють рудоволосі голови до землі.
У місті занедбаних мрій, привидів кораблів і спекотної тиші
З-за рогу пацани виходять в ряд. В адідасах всі як один.
І тополиний пух, ніби сніг, безмовно вкриває їхні згорблені плечі.
Повз химерну візію Адміралтейства на недалекі Слободки пливуть
Старих корабелів хмільні, міцні силуети.
А в самотньому дворі, що той загубився посеред дерев,
Молодий ще поет читає трьома кривоногим дівчиськам
Свої банальні і до нудоти наївні любовні сонети.
Невпинно-п'янкий запах бузку і дощу
Через край наливає мої натомлені груди.
Мовчить дівчора. Ці солов'ї бетонних лісів ідуть досипати.
І спить сивий дід під деревом, а поряд куняють його янголи –
бездомні собаки-приблуди.
А крізь мої долоні б'є у голову теплий вітер з краю бездумних ідей,
Поступово сіріють, наче зранку туман, мої старі кеди,
Що досхочу наїлися пилу міських вибоїн.
Я люблю ці маленькі будинки, ці вулиці-близнючки,
цей дивний непотріб – людей...
І мовчки прошу, щоби Господь
За все пробачив усіх нас і зберіг.
Словом, молюсь якимось так.

Евгений ПИВЕНЬ

СПИРАЛЬНОЕ СОЛНЦЕ ДЕТСТВА

КРУГЛЫЙ ТЕРМОМЕТР

Пивню Николаю Ивановичу, моему дедушке

Пивень Евгений Николаевич. Родился 11.04.1987 года в Баштанке Николаевской области. Окончил Национальный университет кораблестроения им. адмирала Макарова. Работает инженером на заводе. Модератор сайта «ЛИТФЕСТ». Победитель фестиваля «М.О.Н.И.Т.О.Р» (Николаев, 2011). Финалист, обладатель Приза зрительских симпатий Второго всеукраинского фестиваля поэзии «Ватерлиния-2012».

У веранды есть круглый термометр возле двери,
 И когда приходило тепло, я всегда сомневался:
 Неужели он точный? И дедушка мне говорил,
 Будто старые вещи – надёжны, как ловкие пальцы.
 Можно выпилить лобзиком всё, чего хочет душа,
 Даже лес для прогулок и книги для библиотеки,
 Я не знал, что фреза пилорамы способна дышать,
 Пыль опилок – желаемый воздух, награда, потеха.
 Среди штапиков, стружки, брусков и резных уголков,
 Я смотрел, как мой дед сочиняет оконную раму.
 Сыновьям суждено вырастать от хлебов до Голгоф,
 Внукам плотников – только дерзить под окошками храма.
 Но танцуют года, за фрамугой всё меньше тепла,
 Я теперь ненавижу больницы и ровные ёлки,
 Презираю халатность за то, что спасти не смогла...
 Как ни странно, не верую в степь и полёт перепёлки.
 Где-то в памяти вечер прохладный и старенький «Иж»,
 Он его называл «їжаком», и, наверное, другом,
 Обожал его скромную скорость и холмики крыш,
 Растворяющихся в горизонте за солнечным кругом.
 Я учился читать маскировку ужей под гадюк
 (Иль гадюк под ужей, это как вам нашепчет подушка),
 А мотор возмущался кур-лы-лы-лы-ку, как индюк,
 А язык онемел – так прекрасны «медвежьи ушки».
 Ёж от страха способен на хищника громко сопеть,
 А потом даже фыркать, и лишних колючек не жалко,
 Я хочу накопить себе денег на велосипед
 И послать всё к чертям, и катить по Балёхиной балке.
 Вездесуще круглеет термометр возле двери,
 Там – красивый пейзаж и насыпано циферок мелких.
 И на лимбе написано вроде бы – «плюс двадцать три».
 Но никто больше мне не расскажет, исправна ли стрелка.

* * *

Там, когда – никогда, где – нигде, у предмирья – светлица
 дома имени Метерлинка – у нас были вечные лица,
 лица древних созвездий, там бабки месили тесто,
 из теста лепили вертуту – спиральное солнце детства.

На скатерти белой – кувшины, кроссворды, полдень
всегда на часах, на вершине, вишнёвый, полный,
мы ждали прихода ветра и женщины нашей главной,
пейзаж за окном менялся – монбланы, пустыни, плавни.

Старшая повариха, в смешной разноцветной косынке,
ко мне подошла, сказала: «прощайся з товаришем, синку»,
вручила тарелку света, вприкуску душистый корень,
который подобен яблоку с дерева счастья-горя.

ЗАВОДСКИЕ КОТЯТА

Заводские котятa рождаются между станков,
предрасветный туман растворяется в утренних зенках,
божество госстандарта и точных рабочих звонков
коронует их кличками: «Плашка», «Фреза» или «Зенкер».

Заводские котятa чистейших нездешних пород
занимают места на порогах полуденных кухонь,
где подкормит ухой синекурточный щедрый народ,
уходящий в цеха с желтохвостой привычкой за ухом.

Заводские котятa растут на плечах теплотрасс,
восхищая владычиц архива и нормоконтроля.
«Ах, какой он пушистый, какой необычный окрас...» –
говорит крановщица, забыв о предписанной роли

в мире юрких полосок, усеявших шумный завод.
Человек – демиург серокаменных грубых построек,
разношёрстная жизнь наполняет свой тёплый живот
копашающейся живностью для механической Трои.

Первый кот утонул – поскользнувшись, упал в маслобак,
а второй погребён в завитках металлической стружки,
никогда и никто в государстве полезных собак
не проронит слезу после смерти ожившей игрушки.

Но зато – угостят упомянутой выше ухой,
заключив три/кот(а)ж в милый трёхмегапиксельный гробик.
Заводские котятa со сложной цветной требухой
захватили завод и народ в заводской синей робе.

Мы – теперь подмастерья в мурлыкающей стране,
мы питаем к хозяевам робкое благоговенье,
видишь – тянется к небу прекрасней, стройней и странней
невозможная жизнь, наша жизнь кисти Льюиса Уэйна.

Я люблю эту жизнь без купюр и калибров, без дна
и случайных смертей, и теперь самый точный колумбик
не измерит весну, потому что сплошная весна
стала нашей весной, то есть мы никогда не разлюбим

ни друг друга, ни путь, ни кошачью созревшую суть,
ни зелёный завод, что лишился оттенков мышинных,
мы – детали вселенной, и нас навсегда увезут
к неизвестной земле на огромных гремящих машинах.

ВИНДСОНГ

Против тени причешет шелковицу южный ветер,
Он ведь знает секрет затаившихся в грядке луковиц.
Я плету тебе призрак из мятных листьев и мокрых веток
И пытаюсь узнать, как решаются восемь пуговиц.

Заварить тебе тень шелковицы? Познакомить
С многодетною вишней? Случайно погладить волосы,
Прочитать тебе мысли и сахаром тростниковым
Раствориться внутри кипятка, как на кофе полосы
От закатного солнца, просеянного на сите
Разношёрстных деревьев, поющих небесным голосом.
И решила задачка.
У луковиц не просите
Рассказать напоследок ветру, что – гладиолусы.

ПОДСНЕЖНИКИ

Неосуществлённые имена – капсула с обжигающим светом,
так – разорвётся в теле – свет растечётся
невывказанным перечислением
по сосудам,
отравит.

Неовеществлённые имена
читают в голове –
високостной болью,
читают над головой –
под покровом ночи,
...
мою
голову с плеч
возьми.

и прими:

лучше лечь и считать подснежники по весне,
слышишь, перечисляются в литургическом сне
слышишь, перечисляются в литургическом сне

* * *

По мёртвым страницам «контакта» идут слепоглухонемые,
запомнив пальцами клавиши, не делая опечаток:
«я птица в желудке ночи услышь меня мио мио
верни настоящий облик спаси от слепого чата
спаси от глухого чата
спаси от немого чата»

Страницы не отвечают...

Александр ПРОНКЕВИЧ

НИКОЛАЕВСКИЕ ДОН КИХОТЫ

Образ Дон Кихота уже давно стал глубоко национальным украинским символом. Сентиментальный и романтичный, он входит в украинскую культуру конца XIX столетия как националист – как символ мечты украинцев о нации-государстве. Творцами украинского «донкихотского мифа» были Дм. Донцов, В. Лыпинский, В. Винниченко, Н. Хвилевый,

Ю. Яновский, Н. Кулиш, Ю. Шерех (Шевелев), Н. Лукаш, Е. Сверстюк и десятки других деятелей украинской культуры, литературы, политики. Украинское донкихотство – настолько распространённое явление, что уже отличается региональной спецификой: есть Дон Кихоты киевские, волынские, галицкие, подольские, донецкие и крымские. Каждая уважающая себя область должна иметь у себя парочку идальго-мечтателей. В этом смысле наш причерноморский край не является исключением: есть они и у нас, и об этом пойдёт речь ниже.

Первый Дон Кихот – поэтический. Его автором является Дмитро Креминь. В своём сборнике «Два берега», написанном вместе с В. Пучковым, он поместил небольшое стихотворение «Дон Кихот с лимана», которое стоит прокомментировать. Чтобы читателю было удобней, следует начать с полного текста произведения:

Насмотреться на всё в Украине –
И вздохнуть: «Да катитесь вы все!»
На своей допотопной машине
Наобум покатить по шоссе.
Был бы конь – пролистнул бы, как главы,
Том пустой – за верстою верста.
Здесь история, дескать, без славы.
География – тоже не та.
Сколько в душу чужих поналезло!
Принесли нам свою нелюбовь.
В чернозёмах – то кровь, то железо.
Уж негусто железа... А кровь
Забелеет от дуста и хлорки:
Кто мы, где? После нас хоть потоп!
...На земле Дон Кихота и Лорки
Украинцы батрачат взахлёб.
Скороспелое панство в столице
Не поделит Отчизну никак.
Но ведь был же в Испании рыцарь –
Всё кидался с копьём на ветряк.

(Перевод с украинского В. Пучкова)

Украинская литературы знает образ Дон Кихота-героя, волонтариста, который бьётся за Украину до конца, движимый своим «священным безумием» (примеры – Донцов и Сверстюк). В стихотворении Д. Креминя Дон Кихот предстаёт усталым и раздражённым – разочарованным очередной неудачей украинского национального проекта. Теперь и государство есть, и символы водружены куда нужно, а всё нет той Украины, о которой мечталось. У лирического героя нет ни Донцовского, ни Сверстюковского духа, а есть одни только жалобы на то, что опять получилось не так, как хотелось. Преобладающим мотивом является стремление убежать, забыться, пролистать книгу жизни как можно скорее, ибо, как выяснилось, в ней вообще ничего не было написано. Эскапистские настроения понятны, так как вокруг всё плохо: и история никудышная, и география не та, и чернозёмы испорчены промышленными отбросами, и политики только тем и занимаются, что делят награбленное. Любопытно, что и простые украинцы делают всё, чтобы исчезнуть из своей страны: они бегут за Пиренеи, чтобы «батрачить на земле Дон Кихота и Лорки».

Нет у лирического героя никакого энтузиазма и веры, а есть разлитая по жилам «лиманность»: ленивая реакция провинциального мечтателя, который недоволен тем, что мечта его никак не воплотится. Но ведь был же когда-то какой-то странный человек, что «кидался с копьём на ветряк»? Он-то действовал, хоть и бессмысленно. Ну и что это меняет? Эта новость не поднимает лирического героя на бой за Украину. Всё, что он может, – это недовольно ворчать и жаловаться (впрочем, некоторые могут подумать, что это он критикует). Правильнее было бы назвать стихотворение «Лиманный Санчо Панса». Тот самый «крестьянин-травоед» Панса, которого с презрением осуждал Донцов и которому всегда не хватает воли, чтобы преодолеть свою усталость. Или тот самый «донкихотствующий» Санчо Панса («здонкіхочений» Санчо Панса), о котором писал Ю. Шерех и который сидит в углу, ворчит на «понаехавших чужих» и «скороспелых» своих, оплакивает навсегда потерянную Украину.

Вспомним Сервантеса – у него в финале романа Дон Кихот умирает, переполенный меланхолией. Героическое усилие закончилось ничем, энтузиазм угас, и дух сломлен. Остаётся только отказать от рыцарских идеалов и умереть. Тут вспоминается ещё один меланхолический Дон Кихот, которого играет Шаляпин в фильме Пабста: вместо глаз у поверженного на землю рыцаря зияют трагические чёрные дыры, ведущие в бездны гибели. Меланхолия пожирает героя как бешеный зверь или как лютаая совесть. «Лиманный» Дон Кихот, конечно, меланхоличен, но его меланхолия какая-то домашняя. Его старая рана – несостоявшаяся Украина – болит, но почему-то читателя не покидает уверенность, что наш герой не умрёт от тоски, а тихо проживёт ещё много лет до смерти, лелея свою мечту. А вместе с ним естественно умрёт и мечта.

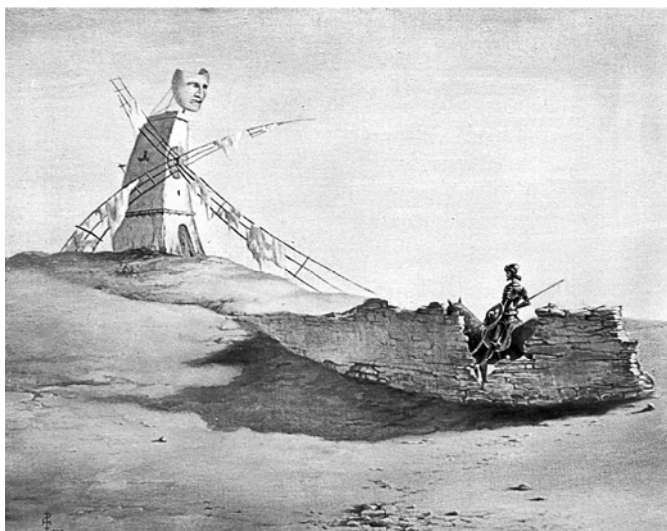
Другие два николаевских Дон Кихота – живописные. Их авторами являются отец и сын Антоноуки – Андрей и Данила. Их работы разрушают устоявшиеся визуальные каноны, в которые многие поколения художников пытаются вписать Ламанчского идальго. Это постмодернистская живопись. Как многие современные художники, Андрей и Данила Антоноуки, изображая Рыцаря Печального Образа, используют иронию, интертекстуальность и пародию и создают альтернативную визуальную версию «донкихотского мифа».

Условно говоря, картины Андрея и Данилы Антоноука можно отнести к абсурдистско-сюрреалистической манере, к которой прибегают современные живописцы и графики, изображая Дон Кихота. Тут уже можно говорить о целой тенденции, которая наметилась, в том числе и в украинском искусстве последних лет. Так, Дмитрий Бабич создал образ рыцаря в стиле детского примитивизма. Персонаж Сервантеса изображён с тяжёлым мечом в руке, стоящим на ноге, которая завершается полукруглым подобием лезвия. Художник хочет подчеркнуть, что персонажу очень непросто удерживать равновесие, как в прямом, так и в переносном смысле. Две работы Игоря Цикуры пронизаны чёрным юмором. Одна из них изображает обнажённого и утомлённого Дон Кихота, который спит на троне, что стоит в пустыне. На заднем плане можно рассмотреть фигуры двух врачей (скорее всего психиатров). На второй работе Дон Кихот сидит на детской лошадке, повернувшись к зрителю спиной. На заднем плане нарисована ветряная мельница и дорожный знак, который запрещает движение. Ещё ужаснее и страшнее выглядит Дон Кихот Леонида Коврыги, который стремится разрушить романтическую благородную ауру персонажа Сервантеса. Рыцарь – жалкий и опасный сумасшедший, кукла в руках отвратительного толстяка-слуги. Распределение ролей полностью изменено: теперь

оруженосец тянет за собой хозяина, который сидит на гигантской деревянной лошади. Это видение из кошмарного сна. Л. Коврыга полностью затормаживает движение: все привычные изобретения и приборы, которые используются для перемещения людей и предметов в пространстве, валяются у персонажей под ногами и мешают им идти.

В своих работах А. и Д. Антонюки каждый по-своему развивают абсурдное мироощущение. Начнём с картины сына, так как она по настроению ближе к перечисленным выше произведениям современных украинских художников. В стилистике работы Д. Антонюка чувствуется влияние сюрреализма Сальвадора Дали. Ветряк на интертекстуальном уровне можно соотнести с подобным образом в стихотворении Лины Костенко «Баллада моих ночей», в котором изображается утомленный Дон Кихот, одинокий и брошенный людьми, скачущий по полю среди казацких могил в поисках своего главного врага – ветряной мельницы, благодаря существованию которой мечтатель обретает смысл жизни. В финальной части стихотворения ветряная мельница с опущенными крыльями возвышается среди степи: течёт время – секундант поединка, стреноженный Росинант пасётся рядом... Стихотворение Лины Костенко выражает свою идею: без борьбы с гигантом, превращённым колдуном в ветряную мельницу, не может быть Дон Кихота. Нужно выдумывать себе ветряные мельницы, если хочешь стать Дон Кихотом, потому что воображение странствующего рыцаря начинает работать только тогда, когда начинают вращаться крылья мельницы.

Д. Антонюк «Дон Кихот»

А. Антонюк «Дон Кихот»

Д. Антонюк иначе интерпретирует образ умерших крыльев ветряка, чем Лина Костенко. Встреча Дон Кихота и мельницы происходит днём, при полном свете сознания. Крылья настолько велики, что похожи на руки гиганта, однако они совершенно не представляют никакой угрозы, потому что цепляются за землю. Трагическая зловещая маска с пустыми глазницами, взгромождённая на мельницу, подсказывает зрителю, что жизнь – это представление, которое разыгрывается в сумасшедшем доме. Дон Кихот замер, поражённый фантастическим зрелищем. Он не знает, что делать, его воля парализована. Абсурдная реальность смеётся над романтическими героями и их рыцарскими идеалами.

Абсурдность Дон Кихота Андрея Антонюка совершенно иная: она сродни абсурдности Тертуллиана, которая порождает веру. А вера поднимает дух, даёт силы и посылает импульсы радости. Украинскому художнику удастся использовать художественный язык постмодернистской живописи и при этом не разрушить романтический образ знаменитого персонажа. Сам мастер так определяет своё артистическое кредо: «Моё искусство – продолжение маминой молитвы о живых и мёртвых, о

врагах и друзьях». Вот что писал критик В. Пидгора о стиле художника: «Антонюковский художественный синкретизм: в яркой образной форме – мировоззрение украинской нации, синтез верований, мифология, фольклор, история и культура. И всё это на украинской изобразительной основе – в традициях монументальной живописи, иконописи, народной картинки и лубка, вышивки и расписывания яиц... Кроме того, ему свойственна сложная манера европейской многослойной живописи. Цвет его картин, как драгоценные камни, в отблесках которых – мудрость Вселенной».

Образ Дон Кихота на полотне А. Антонюка объединяет два архетипа, положенные в основу персонажа Сервантеса – Мага и Паяца. Это Паяц, который стал Магом, для того чтобы победить реальность весёлым духом, переживанием полноты жизни, театральностью и первобытной энергией. А. Антонюк создаёт загадочного Дон Кихота-победителя, которого украинская культура не знала никогда: тело Сильвестра Сталлоне с головой безумного мечтателя-мудреца, переполненного знанием, символом которого являются очки. Перед удивлённым зрителем предстаёт гедонист, утончённый любитель и знаток плотских утех, который купается в лепестках цветов или драгоценных камнях. Расцветший посох заставляет припомнить знаменитый библейский миф, а также мотив путешествия у Г. Сквороды – человек нашёл себя и празднует счастливое завершение странствий. Чаша, которая излучает свет, – это святой Грааль, а шлем Мамбрин, зависший в воздухе над головой героя, – это нимб вокруг рыжеволосой головы или корона Мага. Волны света охватывают тело Дон Кихота и льются с картины, как слова во время литургии. «Дон Кихот» А. Антонюка – это икона украинского донкихотского утопизма.

Как же связаны николаевские Дон Кихоты с причерноморской землёй? А самым непосредственным образом. Известный современный русский исследователь донкихотства В. Багно и его коллега М. Коренева разработали теорию «чужого имени», которое попадает в другие культуры и становится явлением, программирующим идеологию, художественное мировосприятие и даже бытовое поведение. Таким именем, безусловно, является Дон Кихот. Нельзя забывать, что та или иная жизненная программа, связанная с «чужим именем» (в том числе и донкихотство), принимаясь, модифицируется под влиянием той почвы, на которую оно пришло. Если посмотреть с этой точки зрения на Дон Кихотов Д. Кремина, А. и Д. Антонюков, то можно кое-что узнать о характере тех людей, которые творят культуру Причерноморья.

Важно обратить внимание на тот факт, что донкихотские поведение и способ мышления проявляются у представителей украиноязычной культуры Николаевского края. Известно, что Дон Кихот становится на защиту людей угнетённых и обиженных. Хочется спросить: не потому ли к его образу, не сговариваясь, обращаются два наиболее знаковых николаевских творца, что украинская культура, несмотря на все заклинания, остаётся чужой и часто презираемой на земле «корабелов и хлеборобов»? В то же время сама эта земля «отравила» рыцаря, так как он слабоват волей и гедонист. Он не тот фанатический худой воин-аскет, о котором писал Сервантес в первом томе. Скорее он – мудрец, побитый миром и людьми из второго. Вспомним, что в землях Ламанчи много солнца, но нет совсем воды и чернозёмов. Одна страшная красная каменистая почва. А в Причерноморье воды – небо-зримые лиманы, тучные земли – без конца и края, а потому и еды много, и вкус к еде очень даже развит. Вот и Дон Кихоты под стать этой земле: какие-то слишком мирные чудаки, хотя и безумны по-своему. Но есть ещё и визуальное богатство юга, неисчерпаемое разнообразие культурных форм тех земель, где пересекаются дороги многих наций и языков. Они также входят в мечту николаевских Дон Кихотов и яркими цветами прорастают в ней.

***Пронкевич Александр Викторович.** Декан факультета иностранной филологии Черноморского государственного университета им. Петра Могилы, доктор филологических наук, испанист. Член Ассоциации выпускников Программы академического обмена имени сенатора Фулбрайта (США), Ассоциации стипендиатов испанской агенции по международному сотрудничеству, Международной ассоциации испанистов. Автор свыше 70 статей и 3 книг по вопросам истории испанской литературы и методики преподавания зарубежной литературы. Награждён серебряной медалью Петра Могилы Национального университета «Киево-Могилянская академия» «За вклад в развитие украинского образования».*

Богуславська Валерія Борисівна. Народилася 1939 року в м. Харкові. 1962 року закінчила Одеський технологічний інститут ім. Ломоносова. Працювала на проектній роботі в Харкові й Києві. Зараз співпрацює з видавництвом «Дух і Літера». Член НСПУ. Авторка багатьох поетичних книжок. 2007 року у видавництві «Дух і Літера» вийшла антологія єврейської (їдиш) поезії в українських перекладах, де В. Богуславська виступила не тільки в ролі перекладачки, а й співупорядника. 2010–2012 рр. видала антологію російської поезії України у власних перекладах українською «А українською — так» (у двох томах). Проживає в Києві.

Валерія БОГУСЛАВСЬКА

ПЕРЕКЛАДИ РОСІЙСЬКОМОВНИХ МИКОЛАЇВСЬКИХ АВТОРІВ (з антології «А українською – так»)

**Еміль ЯНВАРЬОВ
(1931–2005)**

* * *

Ми діти згарища війни,
нічних заметів лєнінградських.
Батьки давно в могилах братських.
В розводі. Матері одні.

Ми виростили на золі,
Серьожі, Галі, Вані, Гєні.
В крові у нас блукають гєни
всіх катаклізмів на землі.

Щоб скинути цих видив гніт,
хто доню виплекав, хто сина.
Та нам в обличчя Хіросіма
загрозливо палахкотить!

* * *

От ще один сусід. Колишній підривник.
Життя-жерстянку судимо.
Не бесіда – недбалість.
Та раптом каже він:
– От, віршиками бавлюсь... –
І витягнув блокнот вусань-пустун з-під книг.

І почалось тоді! Рядок услід рядку
бадьоро видавав, немов гатив трамбівкою.
А що, коли скажу йому, підривнику,
що сам у вільний час я бавлюсь вибухівкою?!

* * *

Поки літаки небу годять,
дрімоту нічну напушу.
Дай Бог тобі льотну погоду,
мені – zalivного дощу.

Тут вислід путтям неможливий,
не світить загальне добро.
У Бога тут вибір дражливий –
у кого вломити ребро.

Буденного хліба не треба
тобі і подружніх турбот.
Дай Бог тобі чистого неба,
мені – з хмаровинням угод.

І, судячи з далей погідних
і сині ясної в вікні,
до тебе Він приязний, видно,
і знов не сприяє мені.

Олександр ШЕЇН (1932–1995)

ДЕРЕВА

Ніч.
Уві сні завод.
Тишу сплячу
не гвалтують
натомлені труби.
У світлі зорянім бачу
дерев замордованих
трупи.
Дерева лежать штабелями.
Для них завод –
Освенцим.
Їх не переслідували.
По них не стріляли.
Їх просто – пиляли,
закам'янівши серцем.
Лежать мертві,
але – запахуці,
як праведників тіла і думки.
І, здається, осяйні їхні душі
до своєї спілки
приймають зірки.

КРАЄВИД ІЗ САМОСКИДОМ

Арматури пекельний
оскал.
Поряд – скелі
забруднений скальп.
У хмарах куряви –
сяючий вид! –
із сонцем у кузові
пре самоскид.

ОСІНЬ

Лемент серпня в овець – хрипкий.
В церкву літо-небіжчика вносять.
Змила затишок літа терпкий
осінь.

**Катерина ГОЛУБКОВА
(1946)**

* * *

Як похапцем забігла зірка ця
з прозорих синяв у світи-огроми,
грав захід в лепехових прапорцях,
став бавила сліпма вода-сірома.
Не зрушувала тиша чагарі,
туге гілля доземно не схиляла,
лиш вогником здивованим вгорі
нас двох,
мов тихим сміхом,
осявало.
І все таким світінням зайнялось,
що світ, весняний келих, ледь не виливсь.
У вечір той
нікого
не знайшлось,
хто б зіроньку
образити
насмівивсь.

* * *

Л.Г.

Турботи земні як підкажуть: пора нам,
і всі тягарі остогиднуть у світі,
блукати піду під зеленим парканом,
казки сумовиті розказувать дітям.
Бездомних кішок, нічийх собачат
водити тремтячу вервечку я стану,
горище розкішне знайду їм, хоча
сама ночуватиму десь під парканом.
За мною слідом побредуть тут і там
наївні, добріші за родичів діти,
неначе я вождь їхній чи капітан
і маю крізь шторми морські їх водити.
Якщо ж і помру я – вітрища лихі
завиють, собача заплаче личина,
і враз подорослішають дітлахи,
і землю побачать моїми очима.

Володимир ПУЧКОВ
(1950)

СТАРИЙ БЛОКНОТ

Збирав я свої почуття у скарбничку,
Думав – добро, вийшло – під брук.
Навіть тебе під копірку заничив,
Вийшло – що ворог,
хоч прагнув – щоб друг.
Я назбирав почуття у блокноти.
Ставив трикрапки там, де слова.
Навіть тебе розписав, як по нотах.
Де ти тепер, чим ти жива?

Цифри чіпляються – чий би це номер?
Дзенькне в скарбничці ламаний гріш...
Господи, як я себе зекономив!
Все віддаю – тільки бери ж!

ЗОЛОТІ ВОРОТА

Сьогодні ти збагнеш, звідкіль тобі знайома
рука, що, вичерпавши звичний код і хід,
черкнула у кабінці таксофона:
«Чекаю біля Золотих воріт».

На розі трихвилинним, двогрошовім,
як вітер душу рве і комір їй услід,
кришися, крейди шмат, непереможним словом:
«Чекаю біля Золотих воріт».
Ти часу не гайнуй, телефонуєш марно,
бо є коханню час, розлуці – свій рескрипт.
Цукрова хай гора з-під аспідної хмари –
«Чекаю біля Золотих воріт».

Сергій ПСКУРЬОВ
(1960)

* * *

Зноситься й габардин,
стешеться і каблук.
Коли немає новин,
тиша – також звук.

Це благання й виття.
Це летить у zenіт
відчай, жах, каяття.
І тільки пісок мовчить.

Так мезозой змовк,
так змовкне і мій дзвін.
Так само й морський пісок –
з мене мовчатиме він.

А з тебе – глина чи брук.
У цім секрет домовин.
А тиша – так само звук,
якщо немає новин.

* * *

Протяг у містечку десь
лиже паперті і мури
у відвертості похмурій;
в набряках собор увесь.
Все, що рветься з пелюшок
і приземлено не диха,
має вигляд зони лиха,
від оголеності – шок.
Переляку не збороть,
бо і крізь карикатуру,
як в зірках – архітектура,
так людська здригнеться плоть.

Трубний глас – чи гук трембіт
над сплюндрованим довкрузжям.
А життя стає нам дружнім
тільки в час, як нас різьбить.

Ірина УХОВА
(1965–1998)

* * *

Як рану, мене залатаєш,
Кров язиком злижеш,
«Ну, як ти живеш, – питаєш, –
Пишеш?»

ДИТЯЧИЙ ПЛАЧ

За шибками, із дзвоном крижинок
(Голубе, крильцям пробач) –
Вальс сльозинок, сніжинок, дощинок –
Дитячий плач.

Важливі, дражливі питання
Мокрих очей: дощинка – кап!
Накрап кришталевий не тане
На шибці і на щоках.
Важливі, дражливі проблеми:
Втримати ложку в руці.
Кап, кап – без любові ці теореми
Утікають на манівці.

* * *

В цій порожнечі вже й ім'я у мінусі,
 Життя у мінусі, душа і тіло...
 В цій пустці відчуваєш – та як винести
 Неіснування між рядків пробілу –
 Він ні для чо-го вже, бо ти – не чи-та-на.
 Порожній він, як правило. Аж ось
 Ім'я дізнатись – непотрібніш, ніж лічити
 На клені листя чи на шубі ворс...

Олег ГОЛОВАТИЙ
 (1977)

МАЛЕНЬКИЙ ПЛАСТМАСОВИЙ РОЖЕВИЙ

маленький пластмасовий рожевий.
 іграшка, така схожа на людину.
 запальничкою клацнеш,
 вогонь піднесеш і дивишся,
 як карлючиться пластмасовий хребет.
 зменшуються ручки.
 сплітаються ніжки.
 провалюється животик.
 та лишається схожим створіння
 на людину...

на вулиці їх побачиш зрідка.
 чути за спиною: КА-ЛІ-КА!
 знати напевне: оглядаються.
 спиною відчувати:
 жаліють або сміються.
 і те й інше гірше...

не знати як:
 ходять по калюжах, б'ються,
 взасос у темнім під'їзді цілуються.
 а знати: до останньої шпаринки
 стелю своєї двокімнатної,
 вид із вікна навпроти,
 рекламний плакат, де знизу ритуально:
 ...попереджає... куріння шкодить...
 одного разу вжахнутись:
 Господи, навіщо ж...

запальничкою клацнеш,
 вогонь піднесеш і дивишся,
 як карлючиться...

**Анна ПАЩЕНКО
(1979)**

ДВА ВЕКТОРИ

Я не кричатиму, хоч у полум'я слід амбітно,
чи об землю, щоб в небо – соколу а чи горлиці,
чи скривавити руки дзеркалами розбитими,
хоча вони від того вікнами не відтворяться.

Говорити? Про віщо? Я замкнула горище,
де слова, вже спожиті, звалювала мішками.
...В парку тюльпани атласні – гори ще,
індикаторе болю, котрий давно зашкалило.
Тож не будем про нас.
Що потрібно ще? Весна
розкреслила на класики всі тротуари,
кинула місто в сонячний дзбан без дна,
де пінить сади, скипа дріжджова опара.

Життя можливе. Майже. Це суть чи жарт?
Субтрагічний клімат,
змінюючись помірно сентиментальним,
підкаже: вісь вертикальну перекреслити варт,
десь ближче до центру,
віссю горизонтальною.

Це не п'ятий кут, у котрий тебе загнали.
Але що це, згодом лише збагнеться,
коли вгледити, як на червоно розжареній сталі
у два вектори захід хрестом перетнеться.

СЕРЦЕ

Ходило Серце по вулицях,
вдивлялось в порожні лиця.
Хтось поспішав зіщулиться.
Прагнув хтось одхреститься.

Лячно було, що скрапує,
пульсує і кров'яниться,
що схлип оголених клапанів,
запам'ятавшись, насниться.

В потоки крокуючих тупо
монети кидало зрідка,
Серце шукало притулку –
рідну грудну клітку.

Хоча сто рубців затягнуто,
віру ще не перебрано,
але щоразу: вже зайняте
місце зліва між ребрами.

І всім свого вистачає,
навряд чи знайдеться місце
для дивних його, відчайних
стиснень і знов розтиснень.

А Серце в космос і в хаос
шле перебоїв безмір,
стискається, розтискається,
оголене, величезне.

Ирина ГРИБАНОВА

УЧЕНИЕМ СВОИМ ПРОСВЕТИВШИЕ

На протяжении восемнадцати лет мы отмечаем этот замечательный праздник вместе с Россией, Болгарией, Беларусью, Сербией, Черногорией, Чехией, Словакией, Хорватией, чтим память святых Кирилла и Мефодия. В Николаеве традиция празднования Дня славянской письменности и культуры установилась благодаря просветительской деятельности Южнославянского института. Именно «Славянка», как называют наш институт, семнадцать лет назад стала проводить регулярные Чтения, приуроченные ко Дню святых Мефодия и Кирилла.

Почти на самом берегу залива Термаикос Эгейского моря в греческом городе Салоники возвышается храм, восхищающий красотой, – это храм во имя равноапостольных святых Кирилла и Мефодия. Фессалоники – Салоники – Солунь – город, названный апостолом Павлом «золотыми воротами христианства», дал миру великих первоучителей славянских. И во времена «солунских братьев», и сейчас этот город продолжает быть многонациональным и многоязычным, по-прежнему на улицах Салоник слышна не только греческая, но и славянская, болгарская, сербская, а чаще всего – русская речь. Здесь легко представить седую старину, город девятого века: так же волнующий запах моря смешивается с запахом апельсинов и кофе, всё так же звонят колокола храмов...

Город Фессалоники был основан царем Кассандром в 315 г. до н.э. и стал центром морских и сухопутных дорог. Город пересечен знаменитой улицей Эгнатия, которая связывает Адриатику с Константинополем. Этот город всегда был средоточием знаний и искусств. Неподалеку от Салоник находилась известная школа Аристотеля. Ни один из приезжающих сегодня в Салоники не пройдет мимо площади, названной в честь знаменитого философа, и памятника Аристотелю. В Салониках жил римский оратор Цицерон. В 50-м году н.э. апостол Павел проповедовал здесь христианство, основал церковь и посвятил два своих послания жителям Фессалоник. С этого времени начинается христианская история города, небесным покровителем которого является святой Дмитрий Солунский.

В IX в. этот город подарил миру будущих великих славянских просветителей. Кирилл и Мефодий родились в городе, вверенном покровительству св. великомученика Дмитрия. Братья питали глубочайшее благоговение к св. Димитрию и сообщили свою любовь славянским народам, которые с самых первых страниц своей христианской истории стали отличаться удивительной любовью и стремлением к святости. Страницы дошедших до нас житий святых Кирилла (Константина) и

Памятник Кириллу и Мефодию в Салониках

Мефодия, а также другие источники повествуют о городе-колыбели будущих славянских первоучителей. Сведений о детских годах «солунских братьев» не так много, есть и противоречащие друг другу или вызывающие сомнения. По «Афонскому преданию», отец их был болгарин (в других источниках болгаркой названа мать). Отец занимал должность друнгария при военном администраторе Салоник, история сохранила и его имя – Лев. Мефодий (820–885) как старший сын первоначально пошёл по стопам отца – избрал военную карьеру, что для уроженца Салоник – северного форпоста Византии – было так понятно. Салоники подвергались с незапамятных времён набегам сербов, готов, аварцев, персов, арабов, венецианцев и турков. Какое-то время Мефодий возглавлял одну из архонтий (административных частей) Византии, населённую славянами. Автор житийного текста называет такую службу Мефодия «провиденческой». В должности архонта, по некоторым сведениям, он пробыл около десяти лет, но затем оставил мир и отправился на гору Олимп в Малой Азии, где принял иноческий постриг.

А самый младший в семье сын, которого мы знаем под именами Константин / св. Кирилл Философ (827–869), кажется, с раннего детства был предназначен для исполнения высокой духовной миссии. Жития трепетно передают повествование о детском сне будущего великого славянского просветителя: избрание «невестой» Софию – Премудрость Божию. Надо думать, христианский дух города, его святыни, его предания не могли не оказать влияния на мальчика с выдающимися способностями и тонкой душевной организацией. С детства Константин поражал окружающих своими блестящими способностями. Четырнадцатилетним он был приглашён в Константинополь, где продолжил образование в известной Магнаурской школе и вскоре получил почётное имя Философ не только за учёность, но и за любознательность – любовь к Премудрости Божией. Приготовление к высокой миссии – созданию славянской письменности, переводу текстов Священного Писания на этот первый письменный славянский язык, приобщение славян к христианской цивилизации – это долгий и удивительно последовательный путь Константина Философа, будущего равноапостольного святого Кирилла (Кирилл – схимническое имя, принятое Константином за 50 дней до земной кончины).

Готовясь отправиться в 863 году в Великую Моравию, славянское княжество в бассейне реки Морава, Константин (св. Кирилл) заметил, что «просвещение народа без письмен его языка подобно попыткам писать на воде». Высокий подвиг «солунских братьев» – создание письменности для славян и включение славянских народов в христианскую цивилизацию – имел истоки в родном городе Константина и Мефодия. Вспомним напутствие византийского императора Михаила Константину (Кириллу) и Мефодию, известное нам по «Житию Мефодия»: «Вы бо еста селоунынина да селоуныне вси чисто словеньскы беседууютъ» («Вы оба солуняне, а все солуняне хорошо говорят по-славянски»).

Немало загадок, связанных со славянским письмом, увы, ещё не разгадано. Миру не явлено до сих пор ни одной строчки, ни одной буквы, написанной «солунскими братьями» или их ближайшими учениками. Древние славянские рукописи, обнаруженные в разное время и введённые в научный оборот, датируются не ранее чем X–XI веками. Столетия продолжается спор о типе славянского письма, изобретённого св. Кириллом, поскольку, как известно, две славянские азбуки – кириллица и глаголица – представлены в раннеславянских рукописях и, при несходстве начертаний букв, имеют несомненную связь между собой. Правда, заметим, что в современной славистике практически утвердилось мнение о Кирилле как создателе глаголицы. Кириллица же приписывается чаще всего ученику Кирилла и Мефодия Клименту Охридскому. Но можно ли поставить точку в этом затянувшимся споре? Моравской миссии братьев, как известно, предшествовала Хазарская миссия 860/861 годов, приведшая Константина Философа в столь значимый для нашей истории Херсонес (ныне Херсонесский историко-археологический заповедник на территории Севастополя), где и произошли чрезвычайно важные события: обретение мощей святого Климента (третьего римского папы) и знакомство Константина с новой для него письменностью. В житии последнее событие описывается так: «Нашёл же здесь Евангелие и Псалтирь, написанные «руськими» письменами, и человека нашёл, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив её со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля Бога». Не останавливаясь на проблеме «руських письмен», с которыми познакомился византийский миссионер в Херсонесе, отметим только, что не связывать их с последующими событиями было бы неправильно. Дело не в том, что эта графическая система могла

быть прообразом глаголицы, дело в самом прецеденте знакомства Константина с ещё одним типом христианской письменности.

По-разному решается вопрос о времени создания славянских азбук и делаются попытки объяснить весьма скорое переложение на славянский язык с греческого важнейших христианских книг. Если же всё-таки отступить от версии принадлежности св. Кириллу только и исключительно глаголицы, а принять во внимание, например, гипотезу болгарского учёного К. Мечева, утверждавшего, что св. Кирилл – автор обеих азбук, то историческая картина становится более ясной. В 855 г. создана кириллица как упорядочение византийских уставных букв (24 литеры) и изобретение букв, передающих славянские звукотипы (14 литер). Кириллица создана для южных славян, проживающих в Византии, очень вероятно, что она могла быть использована при миссии в славянские земли. Именно поэтому язык первых славянских переводов имеет грамматическую основу южнославянского, а не западнославянского типа. После 863 г. была составлена глаголица специально для решения дипломатически тонкого вопроса о сферах влияния Константинополя и папского престола на территории западных славян, в Моравии. Нельзя было вводить кириллицу, так напоминавшую византийское письмо, в условиях обострившегося противостояния двух христианских церквей.

Глаголица – поистине гениально изобретённое (даже богодухновенное) письмо. Прототип глаголицы (при неисчислимом количестве попыток) не обнаружен до сих пор. Весьма широкое распространение получило предположение о символической сущности букв глаголицы. Начерки глаголических литер в общем и целом слагаются из трёх христианских символов: креста (как символа Иисуса Христа и искупительной жертвы), круга-кольца (как символа вечности) и треугольника (как символа Пресв. Троицы). Глубочайшего смысла исполнен тот факт, что первыми словами, переведёнными Кириллом с греческого на славянский, были те, которые открывают Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Характер миссии святых Кирилла и Мефодия в Моравии заключался в том, чтобы устроить славянам богослужение на понятном им языке. Братья, добиваясь права славян на письменность, испытывали гигантское сопротивление современного им мира, который пытался утверждать, что знакомиться с божественными текстами можно только на трёх священных языках – еврейском, греческом и латыни. Требовалось в очень сжатые сроки перевести огромное количество текстов. Скорость появившихся переводов служебного Евангелия, Апостола, Паремийника и других книг хорошо объясняется, если представить, что фактически тексты были транслитерированы с кириллицы на глаголицу. Этим объясняется и наличие близких по времени двух корпусов раннеславянских текстов: глаголического и кириллического. Механизм транслитерации, как нам представляется, был запущен в 863 г. Кириллица же сохранялась у славян Византии. В Первом Болгарском царстве, возможно, ещё до прихода учеников «солунских братьев», кириллица тоже могла использоваться христианами. В Болгарии кириллическое письмо утвердилось в силу множества причин, в т.ч. традиции, лёгкости в восприятии из-за близости к Византии, но и принесённая из Моравии глаголица не была воспринята как абсолютно чужая азбука. Славянская книжность в двух письменных вариантах – кириллическом и глаголическом – распространилась и на восточнославянские земли. При святом равноапостольном князе Владимире, после крещения, пришли на Русь из Болгарии многие священники, принесшие первые славянские церковные книги.

«Свет просвещения» распространился на всю славянскую «ойкумену». «И отверзлись уши глухих для услышания слов книжных, и ясен стал язык косноязычных», – говорит Житие св. Константина. Если мы задумаемся об истоках духовной культуры славянства, то поймём грандиозность подвига святых Кирилла и Мефодия. Они способствовали преобразению стихии славянского слова, насыщению его высокими смыслами, дали блестящие образцы стиля, поистине «золотого Глагола», заложили начала школьного обучения на родном языке. Кирилло-Мефодиевское книжное наследие – неисчерпаемый клад мудрости, лучезарное наше сокровище. Свет, зажжённый святыми братьями из Фессалоник, уже не может быть поглощён мраком невежества и розни.

Грибанова Ирина Владимировна. Кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Южнославянского института Киевского Славистического университета (ЮИКСУ).

Игорь ПОХ

НИКОЛАЕВ. ЗАЗЕРКАЛЬЕ?..

Чем провинциальный Николаев отличается от других таких же провинциальных постиндустриальных и просто похожих хотя бы по численности украинских городов? Да, в общем-то, ничем особенным. Такие же полуразрушенные и полностью заброшенные мощные когда-то производства, дававшие работу в своё время трети городского населения, разбитые дороги, страшненькие лифты, загаженные подъезды серых неприглядных девятиэтажек, и протекающие крыши пятиэтажных «хрущёвок». Такая же власть, такая же оппозиция. Всё те же земельные вопросы на сессиях городского совета, одинаковые «будкограды» и пивные палатки на оживлённых перекрёстках. Бедный люд и одновременно невероятное количество совсем не дешёвых автомобилей на городских магистралях. Редко пустующие бары, кафе, ночные клубы и вечное нытьё случайно встретившихся приятелей или подруг о невыносимой от безденежья жизни. Страна одна, потому и картинка похожая. Исключениями из этой общности могут быть лишь несколько городов. Но на то есть свои причины, и не об этом сейчас речь.

При всей схожести внешней и внутренней, город бывших корабелов обрёл в последнее время, к большому сожалению, весьма дурную славу. В течение практически всей весны, особенно марта месяца, если кто вспомнит, во всех вечерних блоках теленовостей всех национальных телеканалов в очень негативном контексте звучали вести из Николаева. Со стороны это выглядело так, как будто все автонарушители, правонарушители, хулиганы, дебоширы, хамы, пьяницы, наркоманы и вообще нехорошие люди – проживают исключительно в нашем городе. Понятно, что таким образом телеканалы «нагоняли» рейтинги просмотров. Правда, понятно это далеко не всем, особенно людям, живущим за пределами города и страны. А в апреле в Николаев приезжала съёмочная группа программы «Ревизор» во главе с экзальтированной и чересчур говорливой блондинкой и сделала вывод, что все николаевские гостиницы и рестораны, за исключением одного (что весьма подозрительно), – это пыльные, грязные, неудобные заведения, где ни переночевать, ни поесть по-человечески нельзя. Можно замараться или отравиться. Ещё один гвоздь, так сказать... Наш город оказался в зазеркалье, куда не хочется заглядывать никому.

Во всём мире Николаев стали считать городом насильников, убийц и маньяков. Благодаря печальным мартовским событиям, связанным с диким по своей жестокости убийством молодой девушки из предместья и жутким избиением её сверстницы из областного центра. Во многих странах потенциальные болельщики стали отказываться ехать в Украину на футбольные матчи Евро-2012, напуганные публикациями крупнейших европейских газет.

Конечно, можно с «чувством глубокого удовлетворения» констатировать тот факт, что, дескать, все виновные разоблачены и наказаны справедливым решением суда (а как иначе?), нерадивые работники правоохранительных органов отстранены или уволены с занимаемых должностей (а иначе никак!) и т.п. Общественное сознание «промыто» с помощью пылких и охочих до жареных фактов СМИ как местного разлива, так и общенациональных газет и телеканалов, не говоря уже о российском «самом-главном-шоу-страны-имени-малахова» с постановочными истериками и крокодилыми слезами в «прямом эфире».

И вот, как и предполагалось, страсти несколько улеглись, и потихоньку у многих трезвомыслящих людей всё больше и больше начали возникать вопросы, в числе которых звучит, в общем-то,

главный. Вопрос из вопросов: а что нам делать с тем, что нынче модно называть имиджем города? Кто к нам после всей этой истерии в СМИ придёт с инвестициями? Хотя бы с небольшими... Кто не побоится? И как это всё выправить?

У нас и так никто и никогда городским имиджем (в положительном смысле) особо не занимался. Попытка показать красоты южного и солнечного Николаева посредством объёмных фотографий с помощью специально созданного сайта ничего не дала, потому что сайт тоже нужно рекламировать и раскручивать в Интернете, и этим должен кто-то заниматься очень целенаправленно. Чтобы не создалось впечатление разовой акции. Кто-то скажет: для брэндинга города нужны деньги, и немалые. Да, нужны! И вот тут-то нашей власти бы показать, что она реально заботится о городе! Могу напомнить, что, например, во Львове в структуре городской власти создан целый отдел, который называется «відділ промоції міста Львова». Вот этот отдел и занимается раскруткой положительно-го имиджа города. С помощью как бюджетных, так и внебюджетных средств. Можете поверить, во Львове достаточно людей, любящих свой город и готовых без всякого нажима жертвовать небольшие деньги для «промоції». Конечно, Николаев не Львов, и тем не менее...

Спасать город нужно незамедлительно, и бросить на это необходимо все силы, как бюджетные, политические, спонсорские, так и волонтерские, добровольные. Включать разработку социальной рекламы и её широкое использование. Не то недоразумение, что время от времени появляется в нескольких местах центральной части Николаева, а настоящую социалку: креативную, жёсткую, иногда даже несколько оскорбительную. Только тогда на неё станут обращать внимание горожане и гости города. Объявлять городские конкурсы на лучшие идеи социальной рекламы, лучшие фото города, лучшие видеоролики о городе. Средств на это благое дело по современным меркам нужно не так много. Зато эффект будет во много раз большим.

Недавно прочитал о том, что в Луганске (тоже городок ещё тот! – *Авт.*) местная власть приняла решение в шести городских скверах установить бесплатный доступ к Интернету (по Wi-Fi), который будет доступен 5 месяцев в году, то есть в тёплое время. Как вы думаете, сколько из городского бюджета на это дело потребуется средств? Вы удивитесь: по предварительным подсчетам, 5 месяцев бесплатного Интернета для горожан обойдётся Луганскому бюджету в 5000 грн. Правда, это только за сам Интернет. На все предварительные работы, включающие оборудование, установку и наладку, предполагается использовать внебюджетные средства – на шесть скверов порядка 50–60 тыс. грн. Согласитесь, это не такие большие деньги для бизнесменов – патриотов своего города. Если они, конечно, патриоты.

Подобных идей можно черпать сотнями, если не тысячами. Показать стране и миру, что Николаев – это красивый южный город, расположенный на двух реках, в котором живут прекрасные, умные и добрые люди; со своим неповторимым колоритом, близостью к Чёрному морю, курортными зонами, целебным степным климатом – вот задача для всех нас. А со своими «скелетами в шкафу», жлобами и хамами мы разберемся сами. Если, конечно, очень этого захотим. А не захотим, будем и дальше деградировать. И в этом нам с большим удовольствием помогут «ведущие» СМИ страны и остального цивилизованного мира.

Пох Игорь Леонидович. Окончил Московский издательско-полиграфический техникум, работал в Николаевской областной типографии, издательской фирме «Крус». Основатель и соредактор еженедельника «Партнер-информ». Член Национального союза журналистов Украины (2002). Отмечен грамотами Николаевского отделения НСЖУ по результатам творческих журналистских конкурсов, в т.ч. в номинации «Журналистское расследование». Постоянный автор популярных интернет-ресурсов.

Анатолий МАЛЯРОВ

ВЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

«Царь Фёдор Иоаннович» А.К. Толстого на сцене Николаевского академического художественного русского драматического театра. Постановку пьесы осуществил киевский режиссер из Молодого театра Николай Яремкив. Создатели спектакля посвятили его 1150-летию основания первого славянского государства.

История не уходит далеко от обывателя. Она может быть одета в хитоны, в ризы, в партикулярную форму, в сермяги и шаровары. То, что станет историей завтра, сегодня одевается эксклюзивно и весьма нескромно. А классики во все времена видели королей голыми... Эти рассуждения не мои. Я их подслушал у художественного руководителя нашего русского театра, заслуженного деятеля искусств Украины и России Николая Кравченко.

Горький пример из московской истории привёл у себя на подмостках именно Николаевский русский театр. Поэт и шутник Алексей Константинович Толстой задумал драму по летописям и легендам конца шестнадцатого века. Трон достался простодушному Фёдору, не готовившемуся править державой. У писателя получился увлекательный художественный анализ разрухи в стране...

– А не смущает ли вас версия трагедии о слабовольном властителе? – спрашиваю у режиссёра-постановщика. – В школе учили: после волевого и великого государя Ивана Грозного и убийства им же во гневе старшего наследника престол достался «недоразвитому» Фёдору?

– Я читаю пьесу по-другому, – размышляет Н. Яремкив. – Знаю, что даже сам Алексей Константинович в первой стадии работы над судьбой наследника Грозного касался темы бессилия правителя и последовавшего затем распада державы. Но гений классика выше первого впечатления от исторического материала. Сценическое действие у Толстого – трагедия доброго сердца в юдоли алчной борьбы за власть и за шкурные интересы. Трагедия вышла многогранной, написана слогом высокой литературы и удивительно интересна для зрителя сегодня. Не случайно первый общедоступный театр Станиславского и Немировича начался именно «Царём Фёдором Иоанновичем». И как начался! С февраля восьмьсот девяносто восьмого года по середину девятьсот первого года во второй столице Руси было сыграно сто спектаклей при переполненных залах. В тридцатые-сороковые годы и позже «Царь Фёдор» шёл и во МХАТе, и в Малом театре... Впрочем, Украина не баловала нас столь сложной, глубокой и дорогостоящей постановкой. Мы будем среди редких смельчаков.

Долго работал театр над духовным и материальным обеспечением столь масштабного спектакля. Ещё на последнем региональном фестивале «homo ludens» была проведена конкурсная лабораторная работа по постановке «Царя Фёдора». Два разных режиссёра из других городов воплотили по одному

акту. И весь театр был настроен на большую работу. Николай Яремкив нашёл выразительную и богатую сценографию, на каждую роль перепробованы все ведущие артисты театра. И вот – премьера.

Воистину серебряный туман проплывает над царскими палатами, а значит, над Русью конца шестнадцатого века. И трон, и столы, и скамьи бояр срублены из тяжёлого дуба, шаты на князьях, на всей думе – колоритные, знакомые по фрескам. Голоса спорящих – надрывные, убедительные. Накопилось противоречий столько, что разрешить их мог только волевой и коварный Иван Грозный. А тут, между двух могучих партий, Годунова и Шуйского, изящный молодой человек, который ни по рождению, ни по воспитанию не ладился в цари, – Фёдор.

Идеология честного и грубого Ивана Шуйского – традиционна: не тронь устои, дай людям самим справляться с горестями жизни, а вокруг трона пускай дремлет своя, устоявшаяся, как вода в пруду под кувшинками, жизнь. И за это старик стоит насмерть.

Годунов же, «этот татарин», видит опасность для Руси и внешнюю и внутреннюю – требует реформ, а значит, болезненных перемен.

Заслуженные артисты С. Чверкалюк (князь Шуйский) и В. Остафийчук (Борис Годунов) – люди просвещённые и глубокие, оба прониклись судьбой державы древней, как своей, нынешней. А постановщик, гость из столицы, аллегорично и глубоко связал коллизии прошлого с насущным биением сегодняшнего дня. Получилось страстное зрелище, образно говоря, искры сыплются от столкновений на подмостках.

Но А.К. Толстой – классик, потому его пером водил Всевышний. И у него вырисовалась коллизия на все времена – извечная борьба личностей, их интересов, преимущественно родственных. Так было при реформах Солона, при освобождении крестьян Александром II, при распаде Союза. Но это глубокая идея, которую осмысливаешь после спектакля. А в зрительном зале – ты в плену подлинного искусства.

Открытие спектакля – молодой артист Максим Шипин. Второй год на наших подмостках, по сути, вторая роль. Но, кажется, в труппе театра появился подлинный неврастеник по амплу. Обнажённый нерв, острота и многообразие реакций – всё позволяет исполнителю роли царя Фёдора вскрыть главную черту характера молодого и обречённого правителя: доброту и слабость. Молодому, пластичному, с послушным голосом артисту режиссёр предложил судьбу взрослого человека, который остался в чистом, очаровательном детстве и с высоты первой, незапятнанной морали пытается наставлять многоопытных, развращённых алчностью и склоками зрелых мужчин. Отсюда приливы неврастении, трогательная любовь к супруге, попытка всех примирить. Шипов хорош тем, что прекрасно обманывает нас, зрителей; он творит впечатление, что впервые вошёл не только в палаты старого кремля, но и вообще единственный раз оказался на подмостках. Слепым кутёнком тычется в кулисы, в партнёров, коллизии драмы. Нам хочется помочь ему, подыграть, подкинуть от себя толику сил и разума, мы становимся соучастниками событий. Такое поползновение рецензент пережил сам. Скажите, многим актёрам удаётся получить такой эффект?

Сюжет постановки как бы упрощён и прояснен акцентами, прямо бьющими в сегодня. Маэстро вроде бы своими средствами передаёт великое произведение, и только, а по сути – вскрывает наши потаённые догадки, воплощает зрительно то, что смутно бьётся в наших душах.

Хочется перечислить имена действующих лиц – это исторические фигуры, исследованные в течение двадцати лет А.К. Толстым и в «Князе Серебряном», и в его других исторических драмах, и в его поэзии. Хочется назвать исполнителей. Но ведь играет весь театр. Массовые сцены очень точно входят в ткань сценического представления, их встретишь в каждом из пяти актов трагедии. Колорит времени, видение событий, молва людская переданы очень убедительно. Ох, о многом говорит спектакль!

Маляров Анатолий Андреевич. Режиссёр, драматург, писатель. Окончил Киевский театральный институт им. И. Карпенко-Карого, работал главным режиссёром Николаевской телестудии (1960–69 гг.; 1973–88 гг.). В 1969–1973 и 1989–1993 годах работал режиссёром и заместителем художественного руководителя Николаевского русского художественного театра. Автор многочисленных повестей, телесценариев, пьес, рассказов и очерков. Пишет на украинском и русском языках. Член Национального союза писателей Украины (1983).

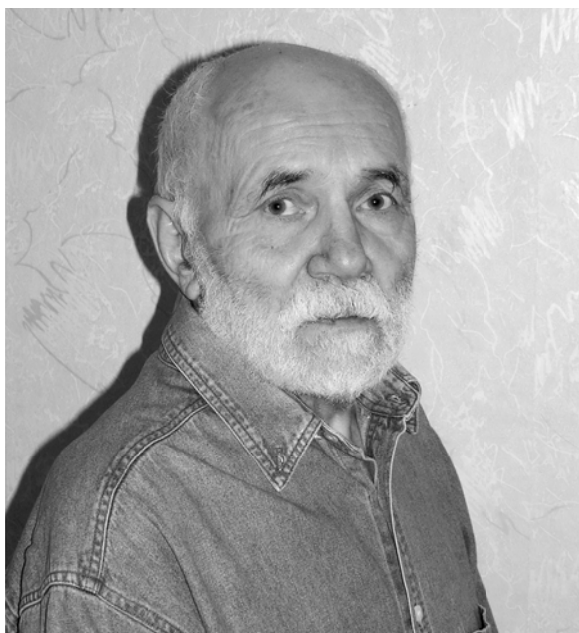

Екатерина НАТОЧА

ДВА ХУДОЖНИКА – ОТЕЦ И СЫН

Евнан Мирзоев и Рустам Мирзоев. В Николаеве их не путают, не сравнивают, не отождествляют. Два художника, два живописца, отец и сын. Совершенно разные поколения, жизненный багаж, профессиональная школа. Две неординарные личности. Два мира.

Евнан Мирзоев ищет ответы на все вопросы Свыше, философски переосмысливая действительность. Земная природа для художника – это всего лишь маленькая пылинка в огромном мироздании, человеческая жизнь мимолётна, бытовые проблемы – суета. Но раз мы пришли на эту землю, значит, это кому-то нужно. Каждая травинка, мурашка, цветок, дерево, предмет играют свою роль в большой круговерти Вселенной. Есть обыденность, а есть небо – над нами. От этой мысли – все живописные работы Евнана Мирзоева.

Евнан Мирзоев

Рустам Мирзоев

Рустам Мирзоев – чистый и честный художник, как слеза, как белый лист бумаги, хоть живёт в современном, не до конца честном мире. Но было бы неправильно утверждать, что он копирует действительность. Он ею жонглирует, создавая свою. Перетасовывает предметы, человеческие состояния, настроения, тени. Он не ищет ответы, как отец, а ставит вопросы. Художник идёт не от возвышенного, а от простого, обыденного, обо что спотыкаешься и больно ударяешься ногой. Снег – это чистый холст, считает художник, закрывающий на время привычную и не всегда приятную картину. Постепенно на этом белом холсте появляются кошачьи следы, протоптанные тропинки, заборчики, отпечатки колес. Ночью снег может выпасть снова и закрыть всё, что проявилось за день. Тогда на белом холсте проявляются новые картинки. Так рождаются целые серии работ на одну тему. Как правило, в чёрно-белом свете. Рустам Мирзоев формировался как художник на рубеже двух эпох, во времена перемен, смены строя, приоритетов. Соцреализм ему уже чужд, абстрактное арт-искусство

пробовал – не помогает. Он выбрал свой стиль, не похожий ни на какой другой. Может быть, это – откровенный (или иронический, как хотите) реализм. И этим его работы – совершенно реальные (реальнее не бывает), но с подтекстом, привлекают и цепляют за живое.

И всё же этих двух художников роднят и питают корни одного древа, семейные традиции, история рода. От этого никуда не денешься, не спрячешься. У сына руки большие и крепкие, как у отца. У отца – как у деда, прадеда. Мирзоевы – потомки ассирийского рода. В Николаеве они малочисленные представители национального меньшинства ассирийцев. Хотя – смотря чем мерить. Если человеческими особями, то меньшинство. А если измерить коэффициент полезного действия, то, пожалуй, семейство Мирзоевых потянет на большинство.

Впрочем, мало кто знает об ассирийцах, давно перемеленных в жерновах истории. Ассирия – древнее государство, располагавшееся на Ближнем Востоке в Северной Месопотамии по берегам реки Тигр, было разгромлено завоевателями и перестало существовать ещё в начале VI века до н.э. Ассирийцы разбрелись по всему свету, живут в Турции, Ираке, Иране, США, странах бывшего Советского Союза. Евнан Мирзоев в Николаеве живёт давно, уже 50 лет, прижился, выпитал его южный колорит, обзавёлся друзьями, семьёй, вырастил сыновей, растит внуков. Но это не стёрло из памяти прошлое его предков.

– Мои предки жили на территории Турции, – рассказывает Евнан Исраилович. – В начале XX столетия турки-османцы преследовали иноверцев, устроили кровавую бойню армян, истребляли ассирийцев-христиан. По семейным преданиям, мой дед (тоже Евнан Мирзоев) собрал уцелевших ассирийцев и повёл их через горы к Кавказу. Турки настигли беглецов, предводителю отсекли голову. Бабушка с детьми уцелела. В этом трудном переходе горными тропами как раз и родился мой отец Исраил. Семья поселилась в Азербайджане. Здесь отец вырос. Встретил жену Асю (мою маму), здесь и родились трое моих старших братьев, сестра и я – самый младший в семье. Меня назвали Евнаном в честь героического деда.

У Евнана Мирзоева в мастерской есть картина «Последний Ассирийский царь». Это автопортрет художника в пол-лица, вторая половина – изображение рельефа Ассирийского царя (подлинник рельефа работы древних мастеров находится в Британском музее). Автопортрет – как реликвия, дань истории рода. Тем более что история ассирийского рода Мирзоевых имела продолжение. Из Азербайджана семья, гонимая сталинским режимом, переехала в Чечню, откуда в послевоенные годы выселяли чеченцев. Поселились в маленьком селе, где и прошло детство Евнана. Затем чеченцы вернулись, пришлось переехать в Грозный, из которого снова бежали уже в годы «новой чеченской войны». Всё это было, ничего нельзя вычеркнуть из памяти. И всё же и детство, и юношеские годы Евнан Мирзоев вспоминает как самое светлое время своей жизни. Живописные горы, ущелья, сады, ломящиеся от спелых плодов хурмы, гранатов, инжира, яблук, – всё это тоже было в его детстве. Конечно, дети много трудились, помогали родителям – косили сено, собирали урожай фруктов, умели даже сами заработать деньги. Иногда уходили из дому рано утром, а возвращались поздно вечером. И эта свобода действий помогала свободе выбора. Однажды Евнан увидел в сельском клубе картину местного художника «Свежий ветер» и ахнул. Такой красоты он не видел никогда. Попросил у художника краски, кисти, этюдник и пошёл рисовать свой дом. Оказалось, что всё это не так просто.

Евнан Мирзоев поступил в Тверское художественное училище. После службы в армии приехал в Николаев, заочно окончил художественно-графический факультет Орловского пединститута. Можно сказать, в Николаеве прошла вся его сознательная жизнь. Здесь его приняли в Союз художников Украины. И здесь, взрослея, приобретая жизненный опыт, усваивая уроки своего прошлого, он становился художником. Таким, каким должен был быть. Ведь ничего в этой жизни не бывает случайным.

Как-то, ещё в детстве, Евнан со своими братьями и друзьями прослышал, что в одном ущелье зарыт клад. Отправились туда. Какой-то тюк, действительно, был припрятан в небольшой пещере прямо над пропастью. Любопытные мальчишки решили этот «клад» достать любой ценой. В ущелье полез старший брат, не удержался, сорвался в пропасть. Но... не разбился, потому что зацепился штанишками за одинокое дерево, вросшее корнями в скалы. Мальчишки не растерялись, быстро нашли

верёвку и вытащили брата. А «клад» они всё-таки достали. Там были тюки материи, ещё какое-то барахло – кто-то прятал украденное? Когда мальчики пришли домой, им здорово влетело от родителей. Понимание трагической ситуации пришло уже позже, когда Евнан повзрослел. Кто спас брата от верной гибели? Дерево? Или кто-то ещё?..

Евнан Мирзоев пытается искать ответы на подобные вопросы, философски переосмысливая действительность. Осознанно или по наитию, – но картины получаются такими. Маленькое деревце гнётся от ветра, но не сдаётся перед надвинувшимися грозowymi тучами. Одинокое деревце, одинокий цветок, букет полевых цветов – всё это только часть замысла. Весь смысл – в небе. Оно в разных состояниях – то предгрозное, то залитое солнечными лучами, то заплывшее туманом. В зависимости от состояния души художника. А вот на подоконнике рассыпаны яркие плоды граната, сквозь растрескавшуюся кожуру видны сочные тёмно-красные зёрна. За окном – гранатовый дождь. Так художнику видится «Щедрая зрелость». На зелёном сукне ярко горят разбросанные апельсины. Три обожжённых восточных кувшина (кумгана) с цветущей веточкой алычи на красном фоне. Яблоки, летящие над морем, – одни яркие, с чёткими очертаниями, другие, уходящие в небо, почти растворились в туманной дали. Это – «Память об ушедших друзьях». Картины Евнана Мирзоева – это его исповедь, состояние души и вся жизнь художника.

К празднику Троицы Евнан Исраилович по дороге в мастерскую возле церкви Касперовской Божьей Матери останавливается, ищет букет полевых цветов. Троица – праздник необычный, природа в самом расцвете и что-то творится в небесах. Эти полевые цветы с ароматом южной степи несут особый заряд, вдохновляют. Скоро созреет новая картина? Может, это будет «Троица». А может, что-то ещё. Завтра увидим...

Как правило, в творческой семье рождаются творческие дети. Рустам Мирзоев впитал запах краски в мастерской отца-художника и звуки маминой скрипки. Мама, музыкант, хотела, чтобы её дети стали музыкантами. Отец надеялся, что его мальчики будут рисовать.

Однажды Рустам и его младший брат Денис, пока родителей не было дома, разрисовали красками в квартире новенькие, только что поклеенные обои – нашло вдохновение. Разумеется, вечером мама и папа стали отчитывать «живописцев». Рустаму, как старшему, досталось больше. Нашкодившие пацаны стояли, низко опустив головы. И пока выслушивали воспитательную лекцию, Рустам, сам того не замечая, продолжал что-то царапать за спиной на уцелевшем клочке обоев. Но вот всё, кажется, родители добились от своих мальчиков раскаяния и, довольные проведённым на высоком уровне уроком примерного поведения, позвали на ужин. А когда увидели не только разрисованные, а ещё и поцарапанные обои, так и вовсе потеряли дар речи. Рустам смотрел на родителей чистыми искренними голубыми глазами из-под чёрных ресниц, и никто не знал, о чём он думает в этот момент и что творится в его душе. Впрочем, так всегда.

Ничего удивительного нет в том, что Рустам Мирзоев стал профессиональным художником. Окончил художественную школу, поступил в училище. В 15 лет уехал из дома и пустился в самостоятельное плаванье. Точно так же, как когда-то его отец. Правда, ему не было так трудно пробиваться в жизни, как отцу. Ведь Рустам родился и вырос в благополучное, стабильное, понятное советское время. Настолько понятное, что иногда брала тоска. И настолько лживое (когда с экранов телевизоров и в школе говорили одно, а в жизни всё происходило по-другому), что у Рустама с годами в организме выработалось противоядие против лжи. А позже этот протест преобразился в живопись. После училища приехал в Николаев. Единственное место, где он мог работать, это была мастерская отца. Конечно же, папе хотелось что-то подсказать, научить. Рустам всегда молча вежливо выслушивал советы отца и всегда поступал по-своему. А потом и вовсе уехал в Санкт-Петербург, куда звали друзья. Потом – в Крым. Снова – в Питер, снова – в Николаев. Не так быстро и не так сразу он нашёл то, что искал. А может, ещё ищет...

Когда журналисты просят Рустама Мирзоева рассказать о себе, он обходится несколькими фразами. Родился в Николаеве в 1974 году. В 1993 году окончил Крымское художественное училище им. Самокиша. В 2000 году принят в Союз художников Украины. Всё.

Вместе с тем, Рустам Мирзоев уже 12 лет – член творческого союза. На его счету уже более 20 персональных и коллективных выставок. Сколько точно, он и сам не знает, не считал. А зачем? Главное, что он пишет и как. Вот далеко не полный перечень персональных выставок: «Не буди папу», «Укра-ночь», «Black and dolls» («Чёрный и куклы»), «Полуденный маршрут», «Визуальная интоксикация», «Communication», «Живопись для среднего класса», «Необходимые вещи», «Дети детей», «Почти все», «Снег», «220» и др. Рустам Мирзоев участвует в коллективных выставках, совместных проектах арт-искусства: «Ню», «Южная парадигма», «Последний монолог Платона: «Не дожждётесь!», «Миф, как ключ коллективной памяти», «Марсово поле», «Бирючий 006», «ArtKiev», «Artistanbul», «Big City Life». Его работы выставлялись не только в артгалереях и выставочных залах г. Николаева, но также в Киеве, Москве, Санкт-Петербурге, Запорожье и даже на Кипре. Список можно продолжить.

Его работы вызывают большой интерес. О нём говорят, пишут, спорят. Одни хвалят молодого художника, другие – недоумевают, ругают. Но равнодушных нет. Кстати, спустя несколько лет после того, как Рустам уехал из Санкт-Петербурга, он снова вернулся туда, но уже с персональной выставкой «Чёрный и куклы». Все до одной работы из этой серии были приобретены в частные коллекции.

О Рустаме Мирзоеве нельзя судить по одной картине. Он пишет серии работ – это как кинохроника обыденной жизни. В основном в чёрно-белых тонах, как в старых кино, как на старых фотографиях. Каждая картина – это фрагмент, одна дополняет другую. Можно заметить, что уже значительная часть работ посвящена городу Николаеву. Но это не парадно-возвышенная, а другая живопись. Это как бы взгляд изнутри.

Как-то раз Рустам сел в переполненный николаевский трамвай. Из-за давки он всё сразу рассмотреть не мог. Но это было настоящее скрежещущее чудовище красного цвета с синей полосой, набитое телами. Жара, пыль, расшатанный вагон, сумки, набитые рыбой, мясом, овощами, потные лица, раздражённые голоса. Что ещё нужно домысливать художнику, если он уже в процессе творчества? Оставалось только ещё несколько раз проехаться в этом же трамвае, чтобы правдивее запомнить детали. «Документально-правдиво», – отмечали на выставке Рустама Мирзоева «Полуденный маршрут». «Слишком критично», – не соглашались другие. Рустам Мирзоев не спорит. Так видится, и всё.

Однажды вышел поздно ночью погулять с собакой. И вдруг увидел свой родной город совсем другим – чёрно-белым. Совсем по-другому во тьме вырисовывались улицы, дома, собор, тени и даже собака. «Укра-ночь» – так и назвал серию графических работ об одном из спальных районов. Ещё один цикл «220» Рустам Мирзоев посвятил городу Николаеву и его юбилею. И снова город наш получился не цветным, каким мы привыкли его видеть днём, а чёрно-белым, в полумраке. Может, когда-нибудь наш город обретёт другой цвет в глазах художника? Тогда что-то должно измениться в самом городе, а не в художнике.

Несколько лет назад по заказу фирмы «Наутилус» Рустам расписал наружную стену здания офиса по ул. Никольской. Группа людей стоит к улице спинами и смотрит вверх на уходящую подводную лодку.

– Почему субмарина в небе и люди смотрят вверх? – спрашиваю Рустама.

– А куда же им смотреть? – ответил художник.

...Рустаму 38 лет. Он уже состоялся, заявил о себе как незаурядный и талантливый художник. У него уже своя семья: жена Юля – художник-аниматор, трёхлетняя дочка Сонечка – продолжение рода. Соня любит рисовать. Иногда садится есть и тут же требует краски. Родители не препятствуют, дают бумагу и краски и не ищут в детских рисунках смысл. Вот и сегодня за обедом Соне дали краски. Разноцветные. А она потребовала – белую!..

Наточа Екатерина Ивановна. Член Национального союза журналистов Украины, работает в николаевской прессе с 1975 года, ныне – корреспондент газеты «Вечерний Николаев». Удостоена звания «Горожанин года» в номинации «Средства массовой информации» (2008).

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН: «ПОШЁЛ ПО СОБОРНОЙ...»

«Инженерная» автобиография автора знаменитого романа-автоутопии «Мы» сегодня достаточно хорошо известна. Скажем прямо: не многие специалисты-судостроители, что особо удивительно для нас, николаевцев, где полгорода – воспитанники местного кораблестроительного института, теперь национального университета Украины, получили столь широкую известность и даже репутацию классика русской литературы.

Е.А. Замятин (1884–1937) родился в провинциальной, далёкой от моря российской глубинке – г. Лебедянь Тамбовской губернии и из желания «поколесить по свету» определил для себя математическое будущее – кораблестроительный факультет Петербургского политехнического института, окончил его и добился того, о чём мечтал: плывал по Волге, Каме, Каспийскому, Чёрному морям, побывал на Кавказе, в Крыму. Истинный мотив охоты к перемене мест – познание старой дореволюционной России, такой, какой её видели в своё время Гоголь и Салтыков-Щедрин. Евгений Иванович даже получил предложение занять должность преподавателя кафедры корабельной архитектуры. «Одновременно с листами проекта башенно-палубного судна на столе у меня лежали листки моего первого рассказа», – писал он в автобиографии. Это был 1908 год. Позже он будет шутливо размышлять о своём «двоеженстве» – литературе и кораблестроении.

В последующие три года был занят уже привычным – цифрами, чертежами, реальными архитектурными проектами, специальными статьями в журналы «Теплоход», «Русское Судостроение», «Известия Политехнического Института». Вскользь упоминает писатель и другие факты студенческого прошлого: как участник революционных волнений несколько месяцев провёл в одиночке, скрывался от полиции, в 1911 г. был выдворен из Петербурга и лишь в 1913-м, после общей амнистии по случаю трёхсотлетия дома Романовых, получил право жительства в Петербурге.

Впрочем, как утверждают современные исследователи, не следует преувеличивать юношескую влюблённость Е. Замятина в большевистскую революцию. Да, он видел на одесском рейде взбунтовавшийся броненосец «Потёмкин», и это происшествие стало строками очеркового диалога. Важнее лишённые идеологической нагрузки его живые впечатления от встреч с людьми, личных наблюде-

ний, прочитанных книг. Иначе не удастся понять, как вызревало его творчество, причастное к самым дерзким художественным исканиям своего времени.

Литературную известность морскому инженеру Замятину принёс город Николаев. «Построил там, – сообщает он в автобиографии, – несколько землечерпалок, несколько рассказов и повесть «На куличках». Несколько рассказов – это «Непутёвый» и «Три дня». По рекомендации врачей в 1913 г. отправился в Николаев, где, исполняя обязанности портового техника, задержался на полгода, наблюдал за выполнением дноуглубительных работ и технических проектов. Эти факты историкам были известны давно. Менее известны письма, отправленные с юга. В этот год он побывал в Нижнем Новгороде, Царицыне, Луганске, Екатеринославе, Херсоне, и всё-таки Николаев стал для молодого писателя городом судьбы.

Рукописное наследие Е.А. Замятина, ставшее доступным в полном объёме в конце 90-х годов, открыло неизвестные ранее грани его жизни и творчества. Лишь в последние десятилетия Замятин, еретик и памятник литературной эпохи, выдерживает испытание на моду, дистанцию культуры, обретает неподвластные времени черты, становится понятным и близким новым поколениям читателей. Благодаря рукописным материалам Л.Н. и Е.И. Замятиных, хранящимся в Российской национальной библиотеке, мы располагаем сегодня ценнейшими эпистолярными свидетельствами.

В настоящей публикации представлены 18 николаевских писем 1913 года из 27 (были и телеграммы), отправленные Е.И. Замятиным жене Людмиле Николаевне. Первое – с адресом Лондонской гостиницы, № 8 – помечено 1-м июля, но ещё ранее в сообщениях из Луганска и Енакиево он с эмоциональным подъёмом писал о предстоящей встрече с городом на Южном Буге: «Я просто начинаю о нём мечтать – так устал от кочеванья» (22/VI.13). Замятин любил причерноморский край, стремился навстречу теплу, морю, отдыху, желанному писательскому труду. Евгений Иванович бывал на спектаклях в местном театре Я.Я. Шеффера, пользовался услугами общественной библиотеки (читал сб. писем А.П. Чехова, романы У. Локка, Д. Лондона), состоял членом городского Технического общества. Последнее письмо из Николаева он отправил 28 декабря.

Конечно, переписка близких людей не предназначалась для публикации. Сами тексты писем скажут много больше любого комментария, ибо содержат прекрасную картину эпохи, бесконечное количество бытовых деталей, примет регионального культурного прошлого. Биографы, разумеется, знали о недугах Замятина, он страдал хроническим заболеванием кишечника и рано умер, но мало кто догадывался, что почти всю зрелую жизнь писатель боролся с болезнями и много о них думал. Его послания жене-врачу (иногда по два в день) пестрят сообщениями о скверном настроении, бессонных ночах, медицинских диагнозах, названиях препаратов, диетах, посещении местной водолечебницы доктора М.Г. Кенигсберга. «Недурной городок», бугская волна и прохлада лимана дарили в знойный день покой и желание усаживаться за рукописи. «Пошёл по Соборной, зашёл, купил новых нот, чтобы в одиночестве себя утешить», – сообщал он в сентябре. «Самое живое у меня здесь – писанье», – исповедовался Людмиле Николаевне 3 октября. Пускай не смущают нас иронические оценки хозяек съёмных дач, заводских сослуживцев – в замятинских характеристиках порой больше самоиронии, опыта человека культуры, который умел уважать людей, радоваться жизни и охотно наделял своих литературных героев этим качеством.

Беглые записи передают сиюминутное настроение, но укладываются в сложный любовный роман. Его главами могут стать эротические страницы истории болезни и психического состояния талантливого человека. Пожалуй, ключевым мотивом всё-таки остаётся в разных вариантах повторённое обращение-признание Людмиле Николаевне: «Если бы Вы только смогли меня любить по-прежнему...» (29-30 июля). Читатель сам сможет проследить за перипетиями этого романа, хотя, кажется, «ваза любви» двух героев увеличивала трещинку, из писем уходит чувственность и персонажи придумывают какую-то новую, упрощённую модель свободной любви.

Людмила Николаевна всё-таки навестила Замятина в Николаеве, она оставалась его верным другом на протяжении всей жизни, в ноябре 1931 г. вместе с мужем выехала из России. Умерла она в Париже в 1965 г. и похоронена в одной могиле с Евгением Ивановичем. Остаётся добавить, что подготовка текстов писем и комментарии к ним принадлежат сотрудникам РНБ.

Евгений Мирошниченко

Письма из Николаева. Из рукописного наследия Е.И. Замятина

Портрет Е. Замятина работы Б.М. Кустодиева,
1923 г.

1 июля 1913 г. Николаев

1/VII.

Кажется, вчера впопыхах написал на отправленных вчера 2-х (Вам) письмах: «Никольская 18». Ещё раз пишу поэтому свой адрес: Николаев (Херсонской губернии), Лондонская гостиница, N 8.

Приехал в Николаев сегодня в ½ 7-го утра. Тепло, да. К начальнику порта ещё не ездил; может быть, поеду после обеда или завтра. Будет объяснение по поводу моего возвращения сюда и отказа от дальнейших поездок.

ЕЗ.

Гостиница очень хорошая; как-то будут кормить.

3 июля 1913 г. Николаев

3/VII 13.

Да, ваза, конечно, всегда была с трещинкой. Разве иногда только запаивалась эта трещинка на сильном огне. Но всё-таки в такую вазу с трещиной можно было ставить цветы. А в черепки –

В эти отвратительные моменты я всегда думал: могло ли быть такое вот в Гельсингфорсе, или вот в Ивановском? И отвечаю: нет. – Следовательно... И ничего не поделаешь с этим силлогизмом.

Ах, Мила Николаевна, нет, не так легко я мирюсь с Вашим отсутствием. Я буду откровенен (издали легче): первые, скажем, неделю-полторы – во мне всегда бывает сильно чувство освобождения, вот от всех таких «моментов». Ну, а потом они забываются, и выступает на сцену другое. Другая Вы, которую я все-таки люблю, а первая – оседает где-то на дне. И о другой – в подходящий момент подумаешь: вот, хорошо было бы... Так было, скажем, в Потемкинском саду, на берегу Днепра, так было вот тут в Николаеве, на бульваре, на берегу Ингула и т.д. И так как, кажется, для меня закон «loin d[ic] соеиг – loin des yeux»* – имеет обратно-пропорциональное значение, то, вероятно, чем дальше, тем это

будет пуше. Иногда я недоволен собою, тем, что стал так слаб, беспомощен, что не могу быть один, не могу обойтись без Вас. Постараюсь поэтому все такие моменты, когда буду нуждаться в Вас, пережить одному. А когда будут мотивы какой-нибудь более высокой марки...

Довольно. Вернёмся к конкретному.

Моё путешествие по Волге? Первые дни до самого Саратова – мешал холод. Но всё-таки многим любовался, и даже не только отвлечённо, но даже слегка испытывал подходящие эмоции. Это – в таких местах, как Ярославль, посад Пучеж и др. Дальше стало ещё холоднее и оттепело только в Саратове. Везде при больших остановках слезал и ездил по городам с своим приятелем (наш Крымский тип)¹. С Саратова уж сидел на палубе и любовался берегами: высокие и красивые. Знакомств было мало. Образовалась под конец небольшая компания петербуржцев: я и мой приятель, один петербургский инженер с женой (как будто, еврей), умная дура – жена петербургского архитектора и офицер. Офицер – преподаватель где-то в академии, окончил университет, очень милый и забавный, рассказывал массу всяких вещей. Инженер (потенциальный еврей) тоже человек бывалый и тоже рассказывал. Я, понятно, слушал. Обе жены – ничего замечательного. И это – все знакомства.

В блокноте исписал разве две-три странички. – Во время странствий по заводам попадались любопытные типы, но немного, да и некогда было там глупостями заниматься, приходилось много работать. С удовольствием встретился на мариупольском заводе с Ратьковым.

Вчера был, наконец, у начальника работ. Рассказал ему, в чём дело. Был очень любезен. Либо потому, что я был в кителе своём со знаком, либо потому, что я к слову вернул, что я, мол, преподаватель Института. Словом, дело кончилось тем, что дурак Куткин² едет завтра по заводам, а я сижу здесь.

Вчера же приглашён был к начальнику работ (инженеру Юстусу) обедать. Большой дом, сад террасками. Сам Юстус, старик, и его жена, беловолосая, только двое, Филемон и Бавкида³. Был ещё за обедом какой-то племянник. Перед обедом Юстус на моторном катере обвёз меня по Бугу кругом всего Николаева (целый час). Просидел у Юстусов часов до 6 вечера. Устал: нужно было стараться, очки втирать, очаровывать на всякий случай. Получил приглашение на четверг на жур-фикс (вечер для гостей. – Е.М.).

Видел вчера в Управлении работ (где получил 2 Ваших письма и одно Кункинское⁴) Куткина. Сегодня иду с ним в 1 час на завод.

Николаев – в общем недурной городок.

Много зелени на улицах – акации, некоторые цветут во второй раз. По вечерам – очень оживлён. Недурные магазины, конка, электричество, газетные киоски, итальянская опера, театр миньятюр. За городом недурной лесок или парк. – Как устроюсь оседло, – ещё не знаю: комната или квартира. Узнал, что можно иметь на прокат мебель.

Теплоуховские⁵ лекарства начал принимать только вчера (кстати, что такое Atophan⁶? На мой взгляд – какой-то органический препарат, вроде rancreon⁷?). Пояса ещё не начинал носить. Отговоркой для меня было то, что болел палец. Впрочем, он давно перестал болеть; ноготь – чёрный, страшный. В весе, вероятно, потерял, чувствую. Благодаря каплям Тильмана (а это что такое, вероятно, есть опий?) унял холеру. Вчера было сносно. Что сегодня не знаю. Тоже удовлетворительно.

Посылаю 2 вырезки. Вы их не бросайте, Мила Николаевна. Поклон Марии.

Написал в «Заветы»⁸ – чтобы прислали оттиски и денег.

* с глаз долой – из сердца вон (фр.).

1. Вероятно, Э. Юнг.

2. Куткин Иван Яковлевич – инженер, работал на Механическом заводе в Петербурге.

3. Филемон и Бавкида – герои древнегреческого мифа, синоним неразлучной пары супругов.

4. Письмо от И.Я. Кункина.

5. Теплоухов Константин Николаевич – врач, ассистент Императорского клинического института великой княгини Елены Павловны.

6. Atophan, Atophanum (лат.) – фенилцихониновая кислота – мочегонное средство.

7. Pancreas (лат.) – поджелудочная железа.
8. «Заветы» – ежемесячный литературно-политический журнал, выходил в Петербурге с апреля 1912 по июнь 1914 г. Редактор – П.П. Инфантьев, с 1913 г. – И.И. Краевский, в 1914 г. – Н.М. Кузьмин (он подписывал журнал по цензурным соображениям, фактически журнал редактировал С.Д. Мстиславский (Масловский)). Издатель – С.А. Иванчина-Писарева. В журнале принимали участие Иванов-Разумник, К.Р. Качоровский, В.В. Лункевич, С.П. Постников, А.В. Пешехонов, М.М. Пришвин, Б.В. Савинков, В.М. Чернов (редактор политического отдела) и др. Замятин просит прислать ему оттиски повести «Уездное» и гонорар за неё.

15–18 июля 1913 г. Николаев

15/VII 13.

Как это у меня полагается – начинаю уж мечтать о Вас. Вот-де, приедет – пойти в яхт-клуб, по-возить на моторной лодке. Хожу мимо гор всяких фруктов – думаю: мне-то уж куда там, а, вот, мол... Сижу в театре один, зеваю, – думаю: вот, если бы... – Ну, не старый ли дурак, а?

Всё время искал квартиру – и тоже не без задней мысли, которую скрывал сам от себя. Но так, кажется, квартиры и не удастся найти: все плохие или непременно с условием, не меньше, чем на год. А я едва ли просижу тут год: чувствую, что не вытерплю. До декабря досижу – а дальше – конец. В Питер опять. Да и соблазн есть за границу съездить – в феврале-марте будет в Гамбурге приёмка ледокола. Завтра смотрю ещё одну – последнюю – квартиру. Если не подойдёт – селюсь в комнатах (займу 2, меньше не хочу). Так медленно идут мои розыски оседлого помещения потому, что много дела: каждый день езжу (в форменном кителе и со знаком!) на завод, устаю – жарница, и на поиски остаётся мало времени. Впрочем, может, и к лучшему, что не нашёл квартиру: квартира (маленьких нет, все 5–6 комнат) стоила бы дорого (руб. 50–60), мебель, и того пуще, прислуга здесь плохая – сгиб бы с этим делом. Тем более, что мои финансовые дела, по крайней мере, временно – не важны: проездил тьму денег, гостиница хорошая, но дорогая тоже. А «Заветы», черти проклятые, денег, понятно, и не думают посылать; на днях пошлю им второе письмо, уже менее любезное, чем первое.

Сказал я, что дела много. Да – но это временно, пока Куткин ездит – принимает материал по заводам. Как вернётся он (через неделю-две) – я уж решил – забастую. Буду только раза 2 в неделю ездить на землечерпальную эскадру (верст за 8 по Бугу). А то – буду дома сидеть (надеюсь, к тому времени «дом» будет), на пианино играть, может, и напишу кое-что.

Хотя – жарница такая, что куда там мозгам работать, тают они, мозги-то. В приличном, европейском, платье – днем и думать нечего ходить. Хожу, вот, в кителе одном, надетом на сетку – не иначе.

Чувствую себя не очень замечательно: кишки – день сносно, день плохо, и так – ни с того, ни с сего. Теплоуховские лекарства всё ещё не аккуратно принимаю, пояса – не ношу. Конечно – не купаюсь. Ем здесь, в ресторане гостиницы. Ресторан приличный, но обеды чаще всего приходится составлять из особых, своих, блюд (что, конечно, дороже).

Кончу, вот, письмо и спущусь в ресторан – поужинать слегка. Сижу в закупоренной комнате – хотя чудесный вечер. Дело в том, что в июне и июле – здесь тьма противных каких-то чёрных жучков, которые массажируют в комнату, на лицо, на шею – черт их возьми, – так что приходится за-пираться. Кусочек листка оставляю на завтра: авось ещё чудом каким получу от Вас письмо, и нужно будет на что-нибудь ответить.

18/VII.

Я приобрёл, наконец, оседлость. Квартиры так и не нашёл, к сожалению. Но зато нашёл благодетельную старушку, у которой можно иметь помещение и стол. И что меня сейчас особенно привлекает – так это то, что можно месяца на 2 поселиться у ней на даче. Хозяйка (старушка эта) на дачу приезжает очень редко, так что в моём распоряжении будут большей частью 3 комнаты (2 этаж), одна из которых с балконом в сад; собственно моей – будет одна маленькая комната, где я буду спать. Платить буду за это – 30 рублей. В этих комнатах, наверху проживу до начала августа, а потом осво-

бождается маленький флигель из 2-х комнат и передней – поселюсь там. Вот к этому времени может захотите приехать в Николаев и Вы? Здесь, на даче, хорошо: на самом берегу Буга, до воды спускается небольшой сад дачи. Есть купальня: кажется, я рискну попробовать покупаться – будь что будет. Рядом, недалеко от дачи, небольшие рощицы, очень близко яхт-клуб. До конки, минут 15 ходьбы.

Завтра приезжает (из поездки по заводам) Куткин, я сдаю ему дела и забастовываю: сижу на даче, на завод не езжу. Буду отдыхать, а потом, может, и напишу – побалуюсь. – Получил письмо от Кункина из СПб; поздравляет меня с успехом: читал, говорит, в Биржевке вечерней Измайловский фельетон¹, посвящённый Барыбе. Я этого не читал; надо поискать. Да, в этом везёт (денег и оттисков, впрочем, ещё не получил от «Заветов»); а вот кишочки... Вчера у старушки нарочно завтраком ел чёрное мясо (филе) и выпил стакан кофе. – К вечеру – готово. Адрес: Николаев, Глазенаповская 12, ЕВР. О.А. Вимут для меня.

Мила Николаевна, так Вы в самом деле напишите мне поскорей, захотите ли Вы приехать «ко мне на дачу». – Обедать буду у этой самой госпожи Вимут, либо ездить к ней в город (1/2 часа), либо она мне будет присылать.

21–22 июля 1913 г. Николаев-Херсон

21/VII 13.

Дождь такой уютный, – открыто окно, и он шумит по крыше, шумит. На столе – самовар, лампа. Я один – наверху, в трёх комнатах, на даче – один. И вот уютность эта самая – дождя, самовара, тени от лампы – ещё больше подчеркивает одиночество.

Вот, понимаете, Мила Николаевна, вчера вышел я на балкон вечером (только вчера переехал на дачу) – под балконом качаются деревья, какие-то тёмные вершины, острые тополя, – и через деревья сквозит сумрачное небо и стальная вода. И – так это было красиво и так было одиноко мне, и так грустно. Сидел я на балконе – и звал Вас. – Кажется, окончательно я пропащий человек: никак, вот, всё не могу без Вас.

Я жду от Вас ответа – насчет плана моего – приехать Вам и пожить здесь на даче, право, здесь мило. Сейчас, вот уж третий или четвёртый день льёт беспросветный дождь. Совсем бы, кажись, Питер, солнца нет, – а всё-таки тепло; сегодня и без солнца было утром 18 ½°.

В пятницу получил телеграфный денежный перевод от «Заветов». Правда, немного – 200 рублей, но это было чрезвычайно кстати. Деньги в кармане у меня ещё были – рублей 60, но нужно было расплатиться в гостинице и потом заплатить за месяц вперёд за комнату: никак не хватало. Ломал голову – лежал утром – как бы выкрутиться; из Питера царское жалованье переведут не раньше 23–22-го. И вдруг – стучат в дверь – почтальон. Вот он, когда пригодился-то Барыба-дурак.

Разыскал (и украл) в библиотеке вечернюю Бирженку двистительно², там есть целый Измайловский фельетончик, посвящённый Барыбе и... мне (этот уникум Вам не посылаю – как бы не затерялся в дороге; вот приедете – прочтёте). Как же ловко, должно быть, умею я притворяться: такие чудные, на самом деле на меня похожие, предположения обо мне. Но в общем, пожалуй, Измайловский фельетон – наименее хвалительный; есть кой-какие кислые места.

Это – маленькое удовольствие скудной моей жизни. – Гораздо больше неудовольствий. Самое главное, конечно, – колит, colitis mucosa³. Чёрт его знает, вот вчера – ни с того, ни с сего – ел самые невинные вещи – опять холера. Да и теперь это бывает куда свирепей, чем, скажем, весной, – теперь по-настоящему. С горя взялся за последнее: напялил на себя пояс Теплоуховский. Затянулся так, что живот трещит, бока (бёдра) болят отчаянно. Но всё-таки целый день сегодня терплю. И вот – croyez vous* – сегодня лучше, меньше эти противные, тянущие боли, не было продолжений холеры. – Завтра утром в 11 сажусь на пароход и еду в Херсон (6 часов езды на пароходе), там будем доиспытывать опять рефулер (плавающий трубопровод. – Е.М.); вернусь во вторник вечером, конечно – на дачу.

Что хорошо у южан у этих, – и тут на даче, и везде – так это ставни. Вообразите моё торжество: почти не надо завешивать.

Неподалёку от дачи – яхт-клуб; возле яхт-клуба есть наёмные парусные лодки. Вот, приезжайте, катнёмся когда-нибудь.

Я – всё последнее время сижу дома; абонировался в библиотеке – и читаю. Единственным выходом моим – был выход в театр; неприличнейший какой-то фарс.

Сегодня с дачи ездил только на обед в город, к хозяйке m-me Вимут (в дальнейшем, обеды в те дни, когда я не буду уезжать с дачи в город – будут мне присылать на дачу).

Ну, уж и публика у неё (сегодня обедало 3 посторонних гостей). Два инженера и товарищ прокурора (полезное для меня знакомство!). Черносотенцы – hoggeug. Только и слышишь – жид, жид, жид... Раз, другой любопытно послушать, – но чтоб часто – не-ет. Из-за этого одного я откажусь от комнаты в доме, где живут Вимут, а возьму 2 комнаты в другом её доме (на зиму).

Сегодня заходил в Лондонскую гостиницу; сказали, что мне было письмо, которое уже отправили к Вимут. Но отправили почтою, так что получу я его только... во вторник, по возвращении из Херсона. Подозреваю, что письмо Ваше, хоть Вы меня письмами и не балуете.

Извините за карандаш – чернил на даче нет. Последняя новость – я пью чай с 2 кусками сахара на стакан. – Ваша наука.

22/VII 13.

Вот уж скоро Херсон. Я выехал на пароходе в 11 утра; сейчас 3 ½; часа в 4 ½ буду на месте. Пароход очень хороший; чисто, публики совсем почти нет. Это тебе не Валаам. Сегодня ветер очень свежий, и почти не качает. Вот, коли соберётесь приехать сюда, так мы с Вами могли бы как-нибудь спутешествовать в Херсон, а то так и в Александровск. Билет до смешного дешёв: до Херсона 1 р. 25 коп. в 1 классе. Могли бы даже, в хорошую погоду – прокатиться в Константинополь: от Херсона часов 36-40 езды. И, кажется, с помощью моего товарища в Херсоне – портового техника – persona grata** у капитанов – можно будет устроить эту поездку без заграничного паспорта. – Сегодня, увы – утром опять cholera nosrra[s]***; правда, только однократного вида, но...

Прощайте, Мила Николаевна.

1. В газ. «Биржевые ведомости» (1913, 23 июня. Веч. выпуск) был напечатан фельетон А.А. Измайлова «Пришедший хам».
 2. Так в рукописи.
 3. Colitis mucosa (лат.) – кишечная палочка.
- * Поверите ли (фр.).
** личность, достойная доверия (лат.).
*** холера, европейская холера (лат).

26 июля 1913 г. Николаев

26/VII.

Вот, Мила Николаевна, упился чаем (обязательно, чай у меня с видом, на балконе) и сажусь писать письмо – всё на балконе же. – День очаровательный: не солнечный, а так – под зонтиком из мелких облачков. Вон скользят под парусами лодки, слышны плески и крики внизу – купаются (до реки добежать – 2 минуты). А я сижу тут один, смотрю, молчу, думаю.

Вот когда я начинаю отдыхать. Куткин приехал из своей поездки по заводам; пушай работает. А я забастовал – и вот, три дня, до понедельника, не двинусь с дачи (обед приносят сюда).

Пока – не работаю (я говорю, конечно, о бумагомараньи каком-нибудь). Много читаю, сижу одинёшенек на берегу реки. Тут есть недалеко, минутах в 15 ходьбы – очаровательная рощица, местами пожиже, местами совсем тенистая; позавчера гулял в ней, всё о Вас думал, вправо вертел, влево – да и заблудился как-то. Вышел – гляжу, какие-то бахчи незнакомые; пришлось дорогу спрашивать.

Внизу живёт какая-то семья; двое детей и при них француженка – гувернантка, толстая такая дева в пенсне. Оказывается, никто из живущих на даче – не может ей соответствовать, кроме детей. А я всё-таки, как никак, почти всё понимаю и могу подавать подходящие реплики. Поэтому, по вечерам, уложивши детей, она избирает меня слушателем и рассказывает разнообразнейшие вещи: и о Нанси, своей милой родине, и о президенте Пуанкарэ, и о том, как забрались однажды к ним на дачу воры. Я доволен, что может, между делом, и научусь немного хорошему (сиречь, по-французски). Жалею, что никакого словарика или учебника.

К моему величайшему удовольствию – хозяйка, эта противная старушенция – вот уж неделю не приезжает на дачу – и я один себе царствую в 3-х комнатах. Она вчера (вчера я ездил в город и обедал у неё) уверяла меня, что те 2 комнаты – отдельный флигелёк, о котором я писал Вам – освободится в августе, в начале. Но я что-то ей не очень верю: лживая старушонка. Я думаю, впрочем, что если нельзя будет использовать этот флигель, так можно будет, если Вы пожелаете меня навестить, как-нибудь устроить дело с тем помещением, где я живу. Старушонка до денег жадная – ну, и...

На днях получил письмо от очаровавшего Вас секретаря «Заветов». Пишет, что о «Барыбе» так много пишут, что ему трудно пересчитывать всё в письме и что за журналом остаётся ещё долг мне около 100 рублей за «Барыбу». Вот. – Кроме того, получил на днях гнусное предложение от московского книгоиздательства «Современные Проблемы». Просят разрешения издать «Уездное» отдельной книжкой. Я решил, что если они такие дураки – так пусть себе издают. Условия – 15% стоимости каждой проданной книжки – автору; сам издатель, я так считаю, наживает на каждой книжке – не менее 30%–40%. Заработать на этом, можно, конечно, немного, но всё же лестно, что находятся такие дураки, которые предлагают делать отдельные издания. Пущай. – Получил вчера письмо, очень любезное, от Миролубова¹. Пишет, что с осени начнёт издавать журнал, вроде прежнего своего «Журнала для всех»². Просит дать что-нибудь – и, чудак, предлагает авансом деньги, если они мне нужны. Думает: бедный, мол, литератор, наверно, закладывает уж последние штаны...

Ну вот, видите ли, какие дела. И так как – noblesse oblige*, то, волей неволей, придётся писать. Здесь, на даче, это удобно. Но соберусь ли с силой – не знаю.

Кишечные дела – средне, но всё же вчера, как будто, холера кончилась (тьфу-тьфу через левое плечо); тянулась 1½ недели. – Кормят меня – так себе; вчера вдруг получил – куриные котлеты... с перцем. Если будет так дальше, то после дачи я от этой милой старушки сбегу.

Что значит телеграмма? Мне казалось, что я пишу часто – куда чаще, чем Вы. Может, пропадают письма? Кажется 20 – и 23-го я отправил Вам 2 закрытых письма. Пишите мне чаще.

Каковы же, наконец, Ваши намерения? Когда и куда из Златоуста? – А propos de bottles**: мой вес, неделю тому назад, был 3 пуда 17 фунтов, но... в платье. Следовательно, так: вероятно 3 пуда – 8 или 9 фунтов.

Спал сегодня до 10 часов; вчера видел Вас во сне – именно Вас. *Norreur!*

1. Миролубов Виктор Сергеевич (1860–1939) – издатель и редактор ряда популярных журналов. Это письмо среди других писем Миролубова к Замятину сохранилось (ИМЛИ. Ф.47, оп.3, № 141. Л.2).

2. С 1901 г. Миролубов издавал «Журнал для всех» (с подзаголовком «Ежемесячный иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал»); с № 4 за 1903 г. издание выходило под заглавием «Ежемесячный журнал для всех». В сентябре 1906 г. вышел последний, девятый номер – журнал был закрыт цензурой. С 1914 г. В.С. Миролубов начал издавать, а позднее и редактировать «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни» (с № 10 за 1914 г. – под названием «Ежемесячный журнал»), который выходил вплоть до 1918 г. Последний номер – 4/6.

* положение обязывает (фр.).

** без связи (фр.).

29/VII 13

У меня сегодня скверно что-то «там внутри». Нет, не в кишках, а на душе. Пасмурно. Вот, и к реке ходил, посидел – не легче. Видел – луна сквозь деревья, и деревья кажутся совсем чёрными, угольными, и на воде – серебро, и воздух, – а я вижу это, но не чувствую.

Кишки – всё тож. Это уже недели 2 без просвета (только на один день было чуть лучше). Эти 2 недели носил пояс, но Теплоуховских лекарств никаких не принимал, ежедневно ел курицу или цыплёнка с рисом, кашу и кисель, – вещи самые невинные, принимал tannalbin, bistuthum*, – и всё-таки...

Я, Мила Николаевна, начинаю серьёзно подумывать, что, в конце концов, у меня tbc** кишок. И вот, как подумаешь – так не то, чтобы умирать не хочется, а хочется ещё пожить, ещё сделать.

Сегодня целый день ездил по лиману и морю и вернулся на дачу только к 9 часам вечера. Ездил на казённом пароходе на землечерпательный караван, аж под самый Очаков вёрст за 100. И так как пароход этот уходит из Николаева часов около 8, то чтобы уехать с ним, мне нужно было на нём переночевать. Это я и сделал в воскресенье (спал, конечно, отвратно, хотя каюта была очень милая, и вообще на пароходе относились чрезвычайно предупредительно, как к некоему начальству). Сделал потому, что на дачу приехала хозяйка и гости, началась беготня, я злился, и решил лучше уехать. А сегодня вернулся, ах черт возьми, хозяйкина тётка, старушка старая, ночует здесь, на даче. Положим, что эту старушку (ей лет 80), я куда больше люблю, чем свою хозяйку, m-me Вимут, но всё же и этой достаточно, чтобы в известной мере отравить существование. А это противное существо, когда я спрашиваю теперь насчёт 2-х комнат – говорит «ничего пока ещё не знаю». Раньше, небось, другое пела. – Если с этими комнатами ничего не выйдет, так я, ей Богу, от этой особы уйду. Тут я проходил – видел на одной из соседних дач надпись: сдаётся квартира. Переселюсь туда, вот и всё. Прислугу предлагает мне мать давно уж, специально дрессированную.

С завтрашнего дня опять начинаю принимать всё Теплоуховское и питаться кашами, рыбами, зеленью – без мяса. Так – на неделю, в виде последнего опыта. Раньше, когда я жил в гостинице и был на такой диете, так дела лучше были.

30/VII.

Спал сегодня хорошо. Утром принимал опять atophan и пр. Опять всё холера. Погода прелестная, не жарко, ветер, Буг шумит. А мне не весело.

Сажусь работать – сиречь, писать, вернее переписывать (на завод не иду, к черту). В субботу вечером и воскресенье утром – написал небольшой рассказец, так на $\frac{3}{4}$ печатных листа, назначаю его для Мирослобова. Называется «Непутёвый малый»¹ – тип милого забулдыги, московского студента². Сколь хорошо выйдет – не знаю. Письмо это отправлю Вам завтра.

Мне нужно знать, когда Вы собираетесь, вообще, покинуть Златоуст и когда хотите попасть в клиники. Вы мне это поскорей напишите.

7 часов вечера.

О, господи – так всё хорошо здесь. И так мне всё тошно. Прикидывал: да не уехать ли в сентябре в Питер? Вот, жду Вас и Вашего совета. А то, ей-Богу, что-то ум раскорячился (слыхали ли Вы когда-нибудь такое выражение?).

Злился сегодня на обед: поздно принесли, и скверный (каша белая, капуста цветная переваренная и кисель клюквенный вместо черничного). Рыбы хозяйка не даёт: дорога, говорит. Чёрт знает что.

Сегодня вечером пойду ужинать в ресторан, а то голоден. Днём гулял в лесу.

Так всё хочется с Вами быть, что Беда. Ну, вот, не везёт, кляксу посадил в самом патетическом месте.

Такое настроение, что на этом бросаю письмо. А Вы мне ответ поскорее отпишите. Мне нужны Ваши письма.

Е.

Удивляюсь, как это вышло, что от меня не было писем 2 недели. Больше недели я не пропускал, да и то в досаде на то, что от Вас писем нет.

Мила Николаевна, если бы Вы только смогли меня любить по-прежнему, а не так, как... Право, могло бы хорошо нам быть!

* Tannalbin bistuthum, tannalbinum (лат.) – таннальбин, вяжущее средство при острых и хронических заболеваниях кишечника.

** Тбс. – туберкулёз.

1. Первоначальное название рассказа «Непутёвый».

2. Прототипом героя в рассказе «Непутёвый» был Я.П. Гребенщиков. На это позднее указал Замятин в статье «Закулисы» (1930): «Ни его внешности, ни действительных событий его жизни в рассказе нет – и, тем не менее, именно от этого человека взята основная тональность рассказа» (Соч., с. 466).

3 августа 1913 г. Николаев

З/VIII 13.

До чего же очаровательна ночь здесь – вот сейчас деревья резные, чёрные – не шелохнутся. Тепло до того, что я вот сейчас сидел над рекой (на ступеньках купальни) около часу почти не одетый: одна только шёлковая рубашечка (конечно, кроме...). На реке не видно ничего – огни только на мосту – а голосов столько слышно, смеха, пение, что как будто всё население речное вылезло со дна. Это всё – лодки. Да вот, я сейчас посмотрел на термометр – 20° R. Это в 11 часов.

Что за жара была сегодня днём! За мною на дачу приехал на своей лошади хозяин судна, которое я должен был осмотреть (я тут, между прочим, исполняю обязанности портового техника). Вернулся часам к 4, к обеду, и так голова разболелась, что беда. Между прочим, любопытно: сегодня, первый раз в жизни – давали мне взятку, самую настоящую. Кончил осмотр, прощаюсь с хозяином, – «Благодарю вас, благодарю вас» – пожимает руку – и в моей руке две бумажки, не разглядел каких. Был очень сконфужен, когда я ему отдал назад.

Но это всё – болтовня. А дело – дело в Вашем приезде. Понимаете, – сомневаюсь, что «флигель в две комнаты» скоро освободится; Вимут просто, я думаю, врала, чтобы меня завлечь на дачу. А по моему, Вам есть смысл приехать скоро, пока здесь так хорошо. Может быть, удастся уломать m-me Вимут и устроиться с Вами наверху (где я живу). Это было бы, конечно, самое лучшее. Ну, а если нет? Что тогда? – Я смотрел здесь несколько дач – все без мебели, не годятся. Завтра погляжу ещё, есть ещё – видел – сдаются. А если не найду и дач? В самом конце Спасска, где кончаются дачи, я видел 2 объявления о сдаче комнат, одна, помню у акушерки. Это – минут 15–12 ходьбы от дачи Вимут. Если Вы, несмотря на благоприятные обстоятельства всё-таки захотели бы приехать, не удовлетворила ли бы Вас такая комната? Да, как в Гельсингфорсе. Но мы – особенно я – уж не те: я – будем откровенны – руина, по крайней мере пока. И вот что, Мила Николаевна, если Вы рассчитываете ехать скоро, то Вы, получивши это моё письмо – телеграфируйте, согласны ли даже на комбинацию с комнатой. Можно телеграфировать на Глазенаповскую 12/2, или прямо на дачу Вимут № 6, Спасск, всё равно. А я, устроивши всё – телеграфирую Вам. А Вы, выехавши – мне, когда приедете (лучше послать – из Екатеринослава).

К сожалению, всё-таки следующие недели 1 ½ (7–15 августа) я не буду совершенно свободен: Уткин¹ опять уезжает, и мне раза три в неделю придётся ездить на завод. Завтра и в воскресенье я сижу дома. – Сегодня отвратительно спал: мешала мышь, жарко, и потому ещё, вероятно, что до самого сна писал – всё тот рассказик «Непутёвый малый». Сегодня – совсем кончил, кажется, недурно. Хотел бы показать Вам.

Холера – по-прежнему; таннальбином, или чем ещё не знаю, добился только, что это бывает une fois chaque jour*.

Е.

Эти дни работал над рассказом, всё сидел дома, – один раз только катался на моторной лодке. Внизу приехали хозяева. Я их почему-то презираю. Перестал гулять в саду, разговаривать с французской. Совсем одичал «ободиночел». И никуда одному не хочется. Вот жду Вас.

4-го августа. Чтоб Вам пусто было, Мила Николаевна: сегодня Вас видел во сне. – Холерка по-прежнему.

Иду сейчас отнести это письмо (кажется, есть ящик около яхт-клуба), а оттуда – посмотрю ещё несколько дач. Жарища опять сегодня – уже 26° в тени (11 часов утра).

1. Уткин Николай Яковлевич – инженер, служил в Отделе торговых портов Министерства торговли и промышленности.

* раз в день (фр.).

7 сентября 1913 г. Николаев

7/IX 13.

Дней пять, вот, как спали с меня путы, и появилось немножко энергии, – вероятно потому, что брус стал ещё хуже (частое очищение органа от продуктов распада и пр.).

В среду и в четверг пришлось рано вставать: ездил на моторном катере на «мой» рефулёр с дизелями. В среду – вдвоём с Юстусом, в ½ десятого отчалили от моста под бульваром; в четверг в 9 утра (ноггеур) отчалили оттуда с комиссией – все на рефулёр. Зато на завод совсем не хожу: пушай Куткин занимается.

В четверг положил перед собой лист чистой бумаги и карандаш – и сказал: «Ну, дурак, – пиши».

Понимаешь, Мила Николаевна – иногда прямо ужас берёт вот, когда сядешь перед пустой белой бумагой: что написать? Как можно что-нибудь написать? А потом этот timor primaе noctis*, так сказать, проходит – и работаешь, если не с любострастием, то во всяком случае – как будто карандаш повазелинен, легко ходит по бумаге.

И вот – за четыре дня – из ничего создано 25 страниц – 6 глав. Правда, не всеми доволен, но есть места, которые мне нравятся. И это преимущественно неожиданные, необдуманые заранее.

Сегодня – не писал: утром ездил в Управление, вечером в 5 часов – опять на катере на рефулёр; вернулся только в 8 часов. Завтра до 12 ½ утра – пишу; в час – еду на катере на рефулёр. В среду – к 10 часам утра на завод с Юстусом.

Сегодня получил письмо от Рождественского, очень любезное. Сообщает, что командировка продолжена до 31 декабря. Я доволен: это даёт мне возможность использовать праздники. Сегодня же получил «Теплоход»¹ и оттиски «Барыбы» от «Заветов». Оттиски – неважные; всё же pošлю на днях Нюне и Вам (тебе). Ради Бога, Мила Николаевна, напиши мне адрес Ниша – надо ему послать. А также Якова, если он здесь, новый адрес Вади (было ли новоселье?).

За присланное – «День»² и «Вестник Знания»³ – спасибо. В тот вечер, как получил их, у меня на руках был совершенно случайно № «Биржевых Ведомостей». Утренний выпуск. Там фельетон Л. Василевского⁴ о поэзии и литературе. Читаю о том – о сём, и между прочим фразу: «Нельзя сказать, что в литературе нет талантов... В наше время, когда пишут Л. Андреев, Мережковский, Сологуб... Когда появилась плеяда таких молодых, как И. Шмелёв, Саша Чёрный, Замятин, Винниченко и др. ...»⁵ *Somme ça***. Вырезал и спрятал.

Всё об одном я и об одном. Но что ж, Мила Николаевна делать, когда это единственное, чем я забиваю немного пустой и дырявый мешок теперешней моей жизни. – Вчера перед закатом гулял около реки. Вечер был тёплый, летний. Закат такой будящий, тревожный. В миллионный раз проклинал себя за то, что Вы не со мной... Но...

Мила Николаевна, хотя бы почаще только писали мне. Как-нибудь до декабря досижу, не подохну. А может быть...

Недели 3 назад свесился (в кителе) – 3 пуда 11 фунтов; сегодня 3 пуда 17 фунтов в пиджаке, так что вероятно вес – *idem****. Брунс – *idem*. Сплю – разное.

Е.

Сегодня только первый день – сумрак. А то все дни такие ясные стояли, солнечные «Кумиры»⁶, наконец, прочёл. В общем – читаю мало теперь, некогда.

В октябре будет на заводе спуск броненосца. Говорят – приедет царь⁷. Вот, гадаю всё: пустят меня на спуск или нет?

* страх первой ночи (лат.).

1. В журнале «Теплоход» (1913–1914. № 1–4) опубликован выполненный Замятиным перевод с английского: «Положения Классификационного О-ва о судовых моторах внутреннего горения и взрывных», в журнале «Заветы» (1913. № 5) – повесть «Уездное».
2. Газета «День» (1913. 9 сент.) напечатала статью журналиста Р.Г. Крахмальникова (под псевдонимом Р. Григорьев) «Барыба».
3. Журнал «Вестник знания» (1913. № 7) опубликовал обзор текущей литературы «Бесслёзные глаза» В.Г. Голикова, в нём значительное место уделено повести Замятина.
4. Василевский Лев Маркович (псевд. Авель, 1876–1936) – поэт, прозаик, журналист, литературный и театральный критик. С 1906 г. регулярно печатался в газете «Речь».
5. Источник цитаты не установлен.

** вот так-то, каково (фр.).

*** тот же (лат.).

6. «Кумиры» – роман английского писателя У. Дж. Локка.
7. 18 октября 1913 г. в Николаеве были спущены на воду миноносцы «Беспокойный» и «Гневный». Николай II на этой церемонии не присутствовал. Городская газета на следующий день напечатала подробный отчет об этом событии (И. М.-с. Военно-морские торжества в Николаеве // Трудовая газ. (Николаев), 1913. 19 окт.). На спуске присутствовали: морской министр, генерал-адъютант, адмирал И.К. Григорович, начальник Главного управления кораблестроения вице-адмирал П.П. Муравьев и др. Корреспондент отметил также присутствие члена Правления Общества Николаевских заводов и верфей, профессора К.П. Боклевского.

15–17 сентября 1913 г. Николаев

15/IX 13. 8 час. веч.

Ой, Мила Николаевна. Пусто, тихо, мёртво в квартире. Потушил огонь, остановился – и страшно двинуться. Так тихо.

Напился чаю, выставил самовар, убрал за окно сливки, масло. И каждая такая мелочь напоминает о Вас.

Ложусь на диван читать. Да буду ли? Ничего нейдет на ум...

16/IX 10 час. в.

Ну, Мила Николаевна, какая без Вас мне тоска-а, беда. Я уж и не запомню, когда так скучал, разъезжаясь с Вами, как теперь. А может, правда – уезжать лучше, чем оставаться?

Вчера вечером пошёл в Лондонскую ужинать. Встретил там тех самых трёх дураков, которых мы видели за обедом 15-го. Пришлось сесть с ними за столик и выпить бокал белого вина. И... наутро холера – сверхнормальная.

Из-за холеры этой проснулся пол-девятого, побежал в брунс. Лёг, полежал – девять с четвертью. Чего, думаю, спать, когда в 10 – приедут. Встал, мелом зубы почистил, тороплюсь. Дай-то, мол, Бог, чайку попить одному, с Биржевичкой вдвоём. Напился. Десять часов. Четверть одиннадцатого, половина. Жду-пожду, никого нетути.

Одиннадцать, двенадцать – пол-первого – никого. Ноггеиг, не приехали! И почему? («А я знаю?»).

Отправился на завод, вернее в управление. Приехал Юстус. Проболтался там до пол-второго. Как-то из рук всё валится, такое скверное без Вас настроение – на завод не поехал. Пошёл по Соборной, зашёл купил новых нот, чтобы в одиночестве себя утешить. Пообедал в Лондонской – довольно-таки незамечательно. Вернулся домой. Тоскища такая, что не выдержал, пошёл, купил Сен-Рафаэля бутылку, и как настоящий алкоголик – начал пить рюмку за рюмкой, сам с собой вдвоём. Выпил таким манером шесть рюмок. И до 6 лежал в туманном состоянии, не читая. Пришёл Иван. Булок не купил. Пока он ставил самовар, я сам сбегал за булками в лавочку за углом. Напился с горя чаем по самое горлушко и наелся мёду. Впрочем, слаще не стало.

До пол-десятого играл. Попробовал читать – не могу (последнее дело). Сел писать письма – это первое.

Ужинать в Лондонскую не пойду – не хочется. Сварю себе яиц всмятку и какао.

Ну, приедут ли хоть завтра? Этак – сбежишь.

17/IX 12 часов дня.

Разбудили меня сегодня – кто-то шёл по лестнице – в четверть восьмого. Лежал – лежал – не сплю, да и только. Наконец-то заснул. Просыпаюсь – четверть одиннадцатого. Значит, никто не звонил? Значит, опять не приехали? – Выхожу в столовую – сидят: Иван впустил через чёрный ход. Сейчас уехали на базар.

М. А.¹ приехала только недели на 2–3, не больше. Что-то я один буду делать?

1. Мария Александровна Замятина, мать писателя.

23 сентября 1913 г. Николаев

23/IX 13.

Стою на почте в очереди – сдаю перевод в Питер, выписываю Биржевку (стыд!). А потом – еду на завод. – На завод езжу, приблизительно, через день – работой меня пока не очень заваливают. Себе работы – писальной – тоже не очень много даю. Вчера кончил «Три дня»¹. Сегодня вечером просмотрел и отдал в переписку.

Сегодня получил письмо от Иванова-Разумника². Извиняется, что не отвечал раньше, спрашивает, когда дам что-нибудь в «Заветы»?

Какой я дурак, Мила Николаевна: стоял вот сейчас в очереди, писал – и опрокинул чернилку на перевод. Пришлось из очереди выйти. Горе... Уж ½ первого – сегодня не успею послать. Еду на завод.

Коська Боклевский в пятницу не приехал. В субботу я на заводе не был.

Нигде не бываю, сижу дома, кормлюсь. Сплю здорово (вчера проснулся ровно в 11 часов). Был у Вимут³, расплатился. Вот чертовка-то – за обед из четырёх блюд взяла по 1 р. 35 к. – вот жулик-то.

3.

Пиши мне о Питере – пиши. О театрах – если там будешь, о Вадях⁴, о Ланге.

1. Об этом же рассказе Замятин сообщил А.В. Амфитеатрову 29 августа 1913 г.: «...написал... один очерк... – несколько эпизодов и несколько настроений толпы из истории Потёмкинского бунта в Одессе, которого я был очевидцем» (Темы и вариации. С. 358).

2. Иванов-Разумник (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов, 1878–1946) – литературовед и критик, вёл в журнале «Заветы» литературно-критический отдел.

3. О.А. Вимут.
4. Один из них – Вадим Дмитриевич Никольский; кого ещё имеет в виду Замятин, не установлено.

24 сентября 1913 г. Николаев

24/IX 13. 8 час. веч.

Видишь ли, Мила Николаевна, – человек предполагает, а Бог располагает. И поэтому совершенно неожиданно-негаданно встретился я вчера на заводе с Коськой. Черт бы его взял, – он очень милый господин, конечно. Но из-за него вчера я вернулся домой в 5 ¼, поздно обедал, поздно ужинал, поздно лёг спать, не выспался. Тем не менее так люблю его, что иду, вот, после чаю на свидание с ним – на заседание Технического общества.

Вчера получил письмо от очаровательного Сергея Порфирьевича¹. Пишет: «Мы все очень опечалены, что Ваш новый рассказ миновал «Заветы» – это о «Непутёвом»²-то. Прислал 2 рецензии – одна в «Дне» от 9/IX, другая в «Калужском Курьере»³. В «Дне» фельетон «Барыба», очень интересный. Очевидно, в «Заветах» известие о том, что «Непутёвый» попал не к ним – действует. Сергей Порфирьевич пишет «деньги –100 рублей (раньше было только 75) – немедленно вышлем, куда прикажете, оттиски сегодня высылаю». – Впрочем, оттисков ещё не получил.

Мила Николаевна, хочу просить, чтобы пошла на Невский и накупила мне рецензий. Значит нужны: 1) «Голос Москвы» от 14 июня⁴; 2) «День» от 9 сентября № 243 и 3) «Свет» – да, да – «Свет»⁵. Здесь рецензия была в июле, кажется, так что это трудней разыскать. Коли трудно, так и не надо.

Это письмо – четвертое по счёту. Напиши, все ли получены?

Вероятно, займусь теперь переделкой «Непутёвого». Сегодня написал 6 страниц, совсем новых и о новом.

*Чета Замятиных в эмиграции.
Париж. 1932 г.*

1. Постников Сергей Порфирьевич (1883–1965) – журналист, издательский работник, редактор, один из основателей журнала «Заветы» (см. подробнее: Ушаков А.И. История гражданской войны в литературе русского зарубежья: Опыт изучения. М., 1993. С. 113–122).
2. «Непутёвый» был опубликован в «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» (1914. № 1).
3. В газете «Калужский курьер» была опубликована рецензия на повесть «Уездное»: А. С. «Света! Больше света!» (1913. 14 сент.).
4. В газете «Голос Москвы» (1913.14(27) июня) был напечатан под псевдонимом «Олег Леонидов» обзор литературы О.Л. Шиманского «Листки из блокнота». Критик высоко оценил талант автора «Уездного»: «Это – самородок. Человек, безусловно, не книжный, вобравший в себя не премудрости печатного листа, а весь трепет и мощное дыхание жизни».
5. «Свет» – петербургская политическая, экономическая и литературная газета; имела подзаголовок: «ежедневная, независимая, самая дешёвая и распространяемая газета». При сплошном просмотре номеров газеты «Свет» с 1 июня по 1 октября 1913 г. упоминаемую рецензию найти не удалось.

25–27 сентября 1913 г. Николаев

25/IX 13.

Милая Мила Николаевна. Какое-то у меня сегодня беспокойное настроение. Сел было писать – не могу. Решил – дам себе отдых сегодня, сяду Миле Николаевне письмо писать.

Вчера вечером отправился, Коськи ради, на заседание Технического общества. Инженеров наших было несколько человек. Какой-то дурак предложил меня в члены. Выбрали. Придётся заплатить за эту честь десять рублей.

Читался в заседании скучнейший доклад об аэропланах. Кончили в половине двенадцатого. И – как я и ожидал – с Боклевским в Лондонскую ужинать.

Было нас человек двенадцать, в том числе три дамы. Ужин был скромный. Сначала водка и к ней тьма всяких закусок (водку я, конечно, пил – английскую). Белое вино (тоже, конечно, пил). И затем – по одному блюду, кто что заказывал. Закончили – кофе. Ни шампанского, ни тостов не было.

И всё же домой я вернулся только в 2 часа. Конечно, не выспался. Конечно, *cholera*. Тем не менее – чувствую себя сносно.

Но какой сегодня день. Понимаешь, Мила Николаевна – я ездил в одном только чёрном кителе, и всё-таки было жарко, прятался в тень. Совсем лето. И ночи последние – тёплые. Вчера был очаровательный летний дождь.

И в такой день особенно горюю, что один – без Вас. Сегодня, как дурак, ходил, ездил и думал о Вас. Вот какие дела. «Ах, думаю, – вот, взяла бы да и приехала, так, неожиданно-негаданно, но...»

Ну, вот, и всё, что сегодня хотел сказать. Что будет завтра – увидим. А сейчас – беру роман и ложусь читать.

Замятин с женой. Ривьера. 1932 г.

27/IX.

Довольно одинаково всё это у нас идёт: я ждал тоже письма, чтобы отправить это. – Ну, не скажу, чтоб у меня дела шли хорошо: кишки – всё так же, пишу – гораздо меньше, чем хотел бы, сплю скверно. Вот уж четвертую ночь подряд сплю часов по 6: первая ночь – задержал Боклевский на заводе, вторая – ужин с Боклевским в Лондонской, третья – вернулся поздно с завода, поздно обедал и прочее, а вчера – писал «Непутёвого» – и не мог заснуть очень долго. А проснулся – знаешь отчего? Проснулся – чувствую – зуб во рту, да большой какой. Вот так, думаю – здорово. Спичку зажёл – поглядел, не зуб – а... мятная конфетка. Вот дурак-то, а? – Сегодня думаю взять ванну, авось буду спать.

Приехал сегодня дурак – Уткин, значит завтра и в понедельник не иду на завод, сижу и пишу. Кончаю переделку «Непутёвого», уж хочу, чтоб вышел хороший рассказ, а то не очень он мне нравился. А потом примусь и за «Кулички»¹. – Что же дураки говорили о самом «Барыбе»? Да вот вопрос, – нет, не задам, Вы на язык слабы, не скажу. Ну, ладно, чертовка, я-те покажу когда-нибудь, я-те покажу: зачем мне про «Кумиры» написала? Убью. – Впрочем, я прочитал не все. Вижу: Гью и Рени, э, думаю, стоп. Но откуда же начинать читать письмо? Пропустил (закрыв рукою) строк пять, читаю: «Минна отравилась»². Ах, ты, чертовка, погоди.

Прощай, чертовочка. Хочу письмо отправить сегодня же, поэтому кончаю.

Нужен мне «Вестник Знания», июнь или июль, не помню, – июль, кажется. И, кроме того: «Голос Москвы» от 11 июня, «День» от 9 сентября и «Свет» от неизвестного июня.

1. Замятин вернулся к замыслу, который возник ещё в январе 1912 г. и переработал рассказ «Владивосток» в повесть «На куличках» – о жизни военного отряда на Дальнем Востоке.
2. Гью Кольман, Ирен Мерриам (Рени), Минна Гарт – персонажи романа «Кумиры» У. Локка.

30 сентября 1913 г. Николаев

30–IX–13.

Извини, милая Мила Николаевна, если письмо выйдет несуразное. Понимаешь, весь вечер вчера не было электричества и ½ вечера – сегодня. Только сейчас, вот, дали. Я чуть не лопнул от злости. Пробовал писать – не мог. Так – два вечера пропали. Не выпался. Не знаю, что сегодня буду делать. Сидеть дома – отчаянно скверно, итти – нет сил никуда, нет энергии.

От «Заветов» сегодня получил – не оттиски, а экземпляры майской книжки – 10 штук, чёрт бы их взял, не могли оттисков сделать.

Что-то всё скверно: сплю скверно, брунс отчаянный. Argentum – пока без употребления, пробую ещё раз настой некий. Хотя пока, конечно, результатов никаких. Но вся суть в том, что мне не хочется возиться с argentum – изобретаю предлог.

Жду писем.

ЕвгЗ.

«Непутёвого» – почти кончил, но больше ни за что не принимаюсь.

3 октября 1913 г. Николаев

3–IX1–13.

А я всё – закрытки да закрытки: часто пишу, оттого. – Понятие о строе моей жизни? Миленская – да разве я живу теперь? Жить – прежде всего двигаться вперёд. А я не знаю, зачем мне итти вперёд, нет цели, не за чем. И если всё-таки плетусь понемногу – то так, по какой-то странной старой инерции. Самое живое у меня здесь – писанье, конечно. Всю эту неделю – очень плохо шло. Никак не мог приделать новый конец к «Непутёвому». Принимался несколько раз, сделал четыре варианта – и ни один вполне не удовлетворил. Сегодня принялся, наконец, за «Кулички» – написал первые 3 страницы. – Вот два последних дня приходится рано вставать: в 8–8 ½. Нужно ездить на рефулёр, который перетасили в Николаев из Херсона. Подают моторный катер под бульвар – и еду (рефулёр стоит у Варваровки). Сегодня ездил вдвоём с Юстусом; Юстус звал на журфикс дурацкий. Делать нечего, пойду. Вернусь рано, т.к. завтра – едет на рефулёр комиссия в 9 утра: надо к этому времени чаю попить и поспеть. Обедал сегодня в ½ второго, чай пил в 6, – вот как. Чувствую – сносно. Сегодня с этой поездкой о брунсе забыл и вечером был приличный.

ЕЗ

Получил письмо от «Современных проблем»². Пишут, что они «решили» выпустить том без «Непутёвого». А я написал: запрещаю. – Пришли Вольфовские известия³.

1. Ошибочно. Должно быть – Х.

2. Вероятно, Замятин получил письмо от владельца московского издательства «Современные проблемы» Николая Абрамовича Столяра (ИМЛИ. Ф. 47, оп. 2, № 44); в нём содержалось предложение издать том повестей и рассказов. Однако условия, предложенные издателем, не удовлетворили Замятина (См. об этом: Письмо Е. Замятина Н.С. Ангарскому-Клестову от 14 февраля 1914 г. // РГБ. Ф. 9 (Н.С. Ангарский-Клестов), карт. 1, № 49. Л. 1).

3. Речь идёт об иллюстрированном библиографическом журнале «Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии», издавался с 1901 г. В 1908–1916 гг. – по 12 номеров в год. Редактор – Л.М. Вольф.

12–13 октября 1913 г. Николаев

1913–X–12.

Истина и последняя близость... Ах, Мила Николаевна. Зачем она – истина? Зачем раздевать ложь и присматриваться к ней под микроскопом? Истина – самая последняя и самая настоящая – всегда страшна, под микроскопом – все безобразны... А может – и нет ее, истины-то.

Вот эта самая – истинная любовь, о которой я когда-то мечтал – когда был юн и глуп – есть ли она? Или, по крайней мере – есть ли она для меня, была, будет?

Нет, такой, истинной, настоящей, целой, нигде не разорванной (а юные и глупые мечтают о такой) – не будет. Сил для этого – у меня уже нет. Была ли? – Да, казалось, бывало, что такая истина моментами есть. Моментами.

А потом – цепь обрывалась, не было бесконечности, непрерывности – не было истины.

А теперь? Ведь я теперь – неживой. Что ж во мне может быть живого и настоящего? Какие-то уродливые недотыкомки – чувства есть. И эти чувства принадлежат Вам.

Ну, вот – значит, истина такова: такую любовью, которою она когда-то представлялась мне, когда я был ещё жив – такую любовью – никого не люблю. А такую, какую теперь могу любить – люблю только Вас.

Впрочем, и это бедное существо – мою любовь – мы, ведь, не очень щадим: так иной раз дубасим его, что оно падает в обморок. И тогда во мне ничего не остается – кроме меня самого. А я – холоден, презрителен, живу в себе, не люблю людей. Таков я бываю и к Вам.

Что было бы, если б я теперь был другой, живой, как раньше? Диапазон жизни был бы больше, больше были бы колебания вверх и вниз. Несомненно бывали бы более яркие моменты любви к Вам и более глубокие, резкие разрывы. Они зависели бы не только от Вас, но и от меня. И вот почему.

Когда-то – во мне было жизни на двадцать человек и столько же любопытства к жизни, желания изведать её. И столько же желания перешагнуть через людей, овладеть ими – многими. И столько же воли – перевернуть жизнь по-своему, устроить не так, как все.

Вот, если б я был такой – вероятно, я много себя отдавал бы другим – и мужчинам, и женщинам. Владел бы ими, создавал бы себе моменты кажущейся – как искра – блеснула и потухла – любви, падения, подъёмы, – раскрывал бы людей, может быть, резал бы, чтобы узнавать, – узнавал бы. И всё это, вероятно, при постоянной доминанте – любви к Вам.

Слава Богу, впрочем, что этого нет и не будет – слава Богу, я мёртв – любопытства, к жизни, к людям – у меня уже, кажется, нет.

Оживить? Ведь, я – материалист, в конечном-то счёте, и верю, что дух определяется телом. А кто же может теперь оживить мое тело? (Кроме... Теплоухова).

Ах, эта Ваша фраза о «московских друзьях»... Какой я простофиля. Я читаю это (как раз в конце страницы) – и думаю: «Вот любовь – вот, самоотверженность. Она думает, что мне так плохо, так скучно, что хочет...»

И вдруг – перевёртываю страничку и... «чудовище, с зелёными глазами»... Знаете ли Вы ему имя? Ох, как я смеялся над собой, с каким удовольствием говорил себе: «Ах, простофиля, простофиля! И мог подумать только, что здесь что-то столь возвышенно-сверхчеловеческое»...

И это тоже, дальше, об оттисках, о «Заветах». Милый мой друг – и недруг. Оттиски я получил недавно, нужно было их переклеивать, чтобы дать им приличный вид (как сделал для Ньюни).

А я – писал много, некогда было этим заняться. Вот и не посылал. И я очень рад, что послал оттиски раньше получения Вашего письма от 7/X, а то слишком было бы похоже, что испугался – и послал. Послал три оттиска, Вам, Ньюне и Уржумцеву. Больше пока никому не посылал.

...Похоже, что испугался. Почему – похоже? Ведь, я, и правда, иногда боюсь Вас. Нет сил, нет самообладания, как раньше – боюсь этих «обмороков» своего чувства – вот, и сейчас даже, когда пишу почти физическая боль в сердце. Милый мой друг, bon tabl[e]au*: любовь... и страх. Ах, что уж это за любовь.

1913–X–13.

Какой сегодня чудесный день, солнце, синяя вода, запах опавших листьев, тепло, весёлая толпа.

А я опять ходил, бесконечно один – и думал: «Всё-таки, всё-таки во сколько раз я был бы счастливее, если бы здесь была она». Она – Вы, конечно.

И хотя в последнем письме Вы говорите: «Помните, если только Вы очень захотите – я буду с Вами» – все-таки я не знаю, не момент ли это жалости, не настроение ли, вызванное моим каким-нибудь жалобным письмом. Пожалуй, слишком трудно и неудобно было бы Вам уехать теперь из СПб. Ведь так?

А у меня опять – скверное, никудышнее настроение. Работать не могу, иду, должно быть, сегодня в театр – хотя и это не хочется.

«К куличкам» у меня написано страниц 40, т.е. может быть – половина. Но мне многое не нравится. Всё же до отъезда надеюсь кончить.

А отъезд этот – числа 15–20 декабря. В Лебедянь, наверное, не поеду – слишком неудобные поезда, да и не очень-то хочется. Поеду – или прямо в Петербург, а оттуда на святки все куда-нибудь в Финляндию (в Министерство явлюсь только 1-го января). А может быть, если б случилась эта неожиданная вещь и вы приехали – поехал бы с Вами в Крым или Гагры: каково-то там в это время?

Середину следующей недели – пишу; понедельник и вторник занят на двух заводах. В конце недели – спуски на всех заводах, приедет Костыка, будут пиршества, буду пить. (Ах, с каким бы удовольствием пошёл и напился сейчас). Мила Николаевна – потеха: для присутствия на спуске нужно иметь фрак или чёрное пальто – и цилиндр. Пойду вот, раздоставать себе на прокат.

Кишки – idem. Никаких настоев не пью. Пил не потому, что верил, а оттого, что это давало мне какой-то предлог не начинать возиться с разными неприятными вещами.

ЕЗ.

Спасибо за присланный понедельничный «День», жду ещё. Сегодня не получил «Речь»; должно быть конфискована.

* хороша картина (фр.).

Общество Николаевских Заводовъ и Верфей имеет честь просить Васъ съ супругою почтить своимъ присутвіемъ закладку четырех эскадренных миноносцев «Безпокойный», «Гневный», «Дерзкій» и «Пронзительный» и спускъ первыхъ двухъ на воду, имеющіе быть 18 Октября 1913 года.

Начало церемоніи въ 10 часовъ утра.

Форма одежды обыкновенная.

Пригласительный билет на закладку и спускъ судов (1913) с пометами Е.И. Замятина.

19 октября 1913 г. Николаев

Милая Мила Николаевна. Я сошёл с ума – или – или не знаю что. Вот слушай.

Сейчас – половина пятого – ночи. А я не сплю. Сегодня, чтобы заглушить в себе это – я был в театре. В двенадцать вернулся, лег и...

Мила Николаевна, милая, единственная – безумно хочу тебя. Да, да, да. Тебя, тебя, тебя. Лежу, мучаюсь, мучаюсь, целую, вдыхаю, хочу. Сдавливаю себя, приказываю замолчать, заснуть, завтра надо работать... и не могу.

...Два, три. Наливаю себе воды, беру книгу, читаю. Целый час. Ну, может быть, теперь... – Нет, опять ты–ты–ты. Думаю, думаю... Ну, что же, послать ещё телеграмму? Или письмо? Как? Когда...

Мечтаю о «последней близости». Говорю себе, что её нет отчасти, а может и больше всего – потому, что мы не живём, как муж и жена. Вспоминаю о том, как это бывало последние разы, о всех противных приготовлениях... О том, как хочется сбросить всё, всё это мешающее и войти в тебя без всего мешающего, ненужного.

...И опять – хочу тебя, хочу тебя. И думаю: ну, как же тогда... Надо ей написать, чтобы купила вот это... пусть сама пойдёт и купит, и пусть ей будет стыдно, это очень хорошо... За этот стыд, я ей... а если писать, значит нельзя телеграфировать...

И опять смотрю на часы – половина пятого. Не спать совсем? И не лучше ли будет – встать, сесть, написать всё это, пусть знает... – Пишу...

Мила Николаевна – и так со мной не первый день, – отчего это? Я не хотел писать об этом, было стыдно. И так стыдно, и того стыдно, что не могу без вас жить здесь. Вот уже, вероятно, недели 1½ всячески мечтаю о тебе: и как о друге (всё-таки ведь ты мне – друг, и можешь быть ещё большим, если захочешь – захоти только), и как о женщине – о жене – называй, как хочешь. Так было, может быть, не в такой только бредовой форме, как теперь, и тогда, когда я написал тебе это последнее, закрытое, письмо, такое скептическое. И чтобы удержаться от такого сумасшедшего письма, как это – я и написал. Попробуй, пойми это – и...

В церквах благовестят к заутрене, за окном полусвет. Пойду, попробую опять... помучиться в кровати.

28 октября 1913 г. Николаев

28–X–13.

К счастью, состояния буйного помешательства бывают обычно непродолжительны. Так было и со мной. По прошествии припадков я впал было в прострацию и собирался писать соответственное апатическое письмо – как вдруг эта самая твоя милая телеграмма. Это апатию разогнало. Начал мечтать. Думать: «а не купить ли ей, в самом деле, билет на Плевизицкую? А то вдруг приедет – и не будет...»

Опасения были напрасны...

Мила Николаевна – делай, конечно, так, как тебе удобно. Повторяю – буйное сумасшествие прошло, теперь – тихое помешательство *dementium graecum**. И в этом периоде сознание. Что ты хочешь приехать и скоро приедешь – достаточно, чтобы предупредить новые припадки.

Итак, кончай все свои дела, посвятив им сколько надо времени, покупай билет 2-го класса – и...

Милая Мила Николаевна – насчёт Рождественских праздников окончательно мы решим после, вместе, после дискуссии. В Лебедянь, между прочим, я ещё и потому не хочу ехать, что отчаяннейшее сообщение, невероятное. Из Николаева у меня всё же есть мысль уехать, 20-го декабря, а куда? – ещё вопрос.

Недавно мне предлагали устроить себе бесплатный проезд на пароходе из Николаева в Галац – бесплатный и без заграничного паспорта. Это уж недурно, а? Может, это мы и проделаем? Во всяком случае, мы, я думаю, проедем в Одессу, так как с начала ноября пароходы начнут ходить днём.

Итак, Мила Николаевна, моя миленькая, я тихо и смиренно тебя жду. Пока – знаешь ли что я надумал? – лечиться. Пошёл вчера в водолечебницу – благо она близко – а сегодня уж первый раз проделывал... манипуляции. Они вот какие: 1) душ на живот в 33° под давлением; 2) ванна (5 минут) в 26° (будет постепенно понижаться температура) с лёгким массажем после ванны и 3) дождевой душ – 24°, кажется, словом довольно прохладный – 1½ минуты. А через день вместо душа будет обёртывание в 43° на ½ часа с каким-то особым приспособлением на живот – этого ещё не делали, не знаю. Всё удовольствие – 20 рублей в месяц. Правда, не так уж дорого?

В водолечебнице взвесился голый – как это ни совестно. Вес – 3 пуда 13 фунтов. Это тоже, пожалуй, неплохо. И ещё одно: по неведомой причине 2 дня приличный брунс (уж не телеграмма ли?).

Еле-эле отвертелся на днях от поездки в Александровск и на заводы: боялся – уеду и вдруг ты-то и прикатишь. Ну, ничего, пронесло, уехал Уткин, а я ежду на завод – день, а другой день – пишу: хочу кончить «Кулички» вчерне до твоего приезда, чтобы можно было прочитать их.

Так, до свидания, миленькая. Пиши же больше.

Е.

Миленькая – миленькая, до чего сейчас всё-таки хочу Вас целовать, – беда...

Ну, да авось холодной водицей вылечусь.

5 ноября 1913 г. Николаев

Вторник 5–X¹–13.

Миленькая, я хотел бы, чтоб это моё письмо было последним – чтоб следующие уже не застали тебя в Питере...

Дня четыре последних здесь были очаровательные, свежие, тихие, солнечные. А сегодня двинулся туман и ветер с моря – не знаю, будет ли хорошо к Вашему приезду.

Я хожу, лечусь кажинный Божий день; толку пока мало, кишки всё *idem*, а нервишки – и ещё хуже. Ну, это-то уж, не от лечения, конечно, а от другого... Плохо стал спать – беда: последние дни засыпаю всё часа в 3, в 3 с лишком – и просыпаюсь около 11 – голова сумная. – «Кулички» мне надоели уж. Начерно я набросал их – и заложил. При теперешнем моем состоянии они уже *pas* – и отвлекать меня. Нужно было что-нибудь новое, занялся новым, совсем неожиданным рассказом, который уже почти и кончил – написано 6 глав, осталась одна².

И этого всё-таки мало: веду себя нынче в театр на «Не убий» Андреева³. Это – в наказание Вам за то, что «10 дней» всё растут...

Конечно, знаю, что такое «*dementia praecox*»: да у меня и есть – преждевременное старческое слабоумие.

Книжек-то купи. Не купишь ли Розановское «Уединённое»?⁴

* преждевременное безумие, сумасшествие (лат).

1. «X» исправлено Л.Н. Замятиной на «XI».

2. Вероятно, речь идёт о рассказе «Чрево», действительно состоящем из семи глав.

3. 5 ноября 1913 г. драматическая группа Товарищества В.Н. Викторова играла спектакль «Каинова печать» («Не убий») по пьесе Л.Н. Андреева в театре Я.Я. Шеффера. См.: [Анонс] // Николаевская газ. 1913. 5 нояб.; Н. Театр и музыка: «Не убий» // Там же. 7 нояб.

4. Имеется в виду изд.: Розанов В. Уединённое. – СПб., 1912.

Александр Иванов. С подлинным верно. Биографическая проза Малярова. — Николаев: Иллион, 2012. — 228 с.

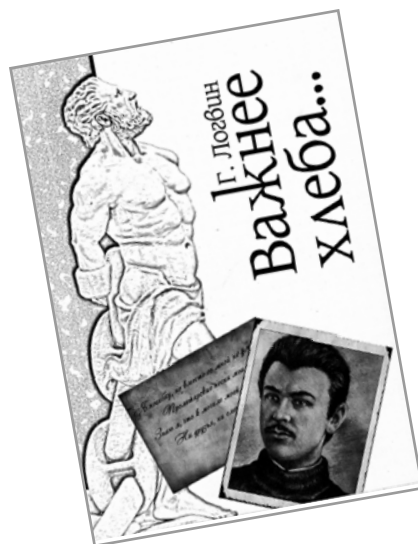
Поэт, музыкант и эссеист А. Иванов взялся анализировать биографические тексты популярного николаевского прозаика и драматурга Анатолия Малярова. Жанр изданного сочинения определить сложно: Иванов в новой книге выступает в качестве литературоведа, вторгается в психологию творчества, ибо пытается размышлять, как следует изображать реальную действительность – сочинять или рассказывать самое значительное, что пришлось наблюдать в жизни. Делает это так: цитирует фрагмент прозы или драмы и комментирует их, свободно и по-своему убеждая в оригинальности художественного мышления своего коллеги. Ему импонирует принцип, которого придерживался Федерико Феллини: «Единственное достоверное свидетельство, на которое имеет право человек, это свидетельство о себе самом». Все это так, согласимся мы, но как передать это свидетельство на страницах романа, что взять из биографии, чтобы сделать биографический факт общественным достоянием? «С подлинным верно», – выносит критический вердикт автор. А. Малярову удалось найти такую правду о себе, которая волнует нас, примиряет писателя с жизнью и дает добрую надежду продлить свой век в слове. А. Иванов даже подыскал шутивную эпитафию для земляка:

*Пусть на его напишут
пьедастале:
Грешил он много, но его читали.*

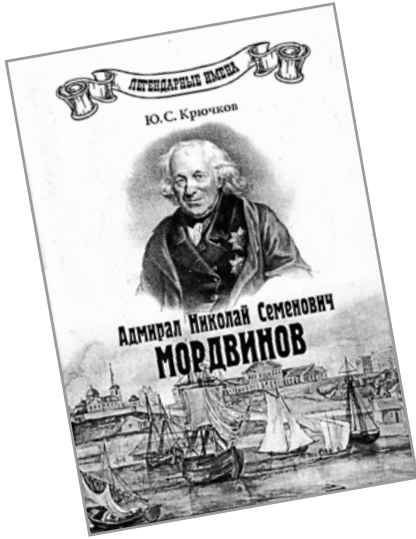
Оксана Смола. Білий рояль: оповідання. — Миколаїв: Видавець П.М. Шамрай, 2011. — 56 с., іл.

Она родилась в г. Баштанке на Николаевщине, дебютировала в областной периодической печати в 2006 г. и с тех пор опубликовала в литературных изданиях («Вітчизна», «Березоль», «Дзвін», «Тернопільський оглядач», «Літературна Україна» и др.) более десятка прозаических эссе, подборок поэтических произведений, книгу новелл «Першотвори» (2007) и роман-мозаику «Рух назустріч світлу», который в редакционной аннотации назван «автопортретом в слове, написанным сильными и яркими красками». Роман вышел в местном «Иллионе» (2010) и получил финансирование в рамках областной программы поддержки общественно важных изданий. «Белый рояль» продолжает излюбленную тему автора – исследование средствами словесного творчества вечной проблемы человеческого бытия: мещанского сознания и романтики мечты, обыденной жизни и высокого назначения талантливей личности. Герой рассказа Михаил вынужден бороться с семейными обстоятельствами, которые в конечном счете берут верх, и всё-таки не могут победить одарённого человека; под его пальцами – в звуках рояля – рождается гимн красоте и добру. Следует сказать, что сюжет рассказа, его финал нельзя назвать маргинальными, они содержат декларативные моменты и потому произведение не даёт убедительной картины психологической драмы литературного персонажа. Думается, лучшее сочинение О. Смолы ещё впереди.

Григорий Логвин. «Важнее хлеба...». О творчестве А.М. Гмырева. — Николаев: Издатель Прокончук Т.Ю., 2011. — 124 с.

В 1914 году, готовя к изданию первый сборник произведений писателей-самоучек, А.М. Горькому пришлось просмотреть несколько сот произведений авторов из рабочей среды. К этому ряду принадлежал и талантливый поэт, мастерской Николаевского судостроительного завода «Наваль» Алексей Гмырев, в ушедшем году исполнилось 100 лет со дня его трагической смерти. Сегодня эпоха первой русской революции, певцом которой был Гмырев, интересует, пожалуй, лишь дотошного историка, значение «пролетарской литературы», достаточно хорошо изученное и в XXI в., вряд ли способно вызвать душевный трепет читателя. Впрочем, остается интересной сама личность поэта, его лирика, эпистолярное наследие. Об этом можно было судить по реакции старшеклассников, которые приняли участие в литературном вечере, посвященном творчеству А. Гмырева, в городской библиотеке № 2. Ветеран педагогического труда Г.П. Логвин своей монографической работой напомнил о «поэзии революционного оптимизма». К сожалению, редкое исследование (единственное за последние тридцать с лишним лет), не дает убедительного ответа на вопрос, чем близки нам сегодня стихи рабочего. «Эстетика революции, которую несет поэт-реалист, дороже любых побрякушек», – пишет автор. Категоричность и полемичность такого утверждения очевидны.

Юрий Крючков. Адмирал Николай Семенович Мордвинов. — Николаев: Издатель Торубара Е.С., 2011. — 36 с. илл.; Адмирал Иосиф Михайлович Дерибас. — Николаев: издатель Торубара Е.С., 2011. — 44 с., илл.

Имя старейшего исследователя причерноморского края, писателя, автора нескольких десятков книг исторической прозы, краеведческих сочинений Ю.С. Крючкова не нуждается в представлении. Юрий Семенович продолжительное время возглавлял историческое общество «Золотая ладья», был членом редакционного совета уникального энциклопедического словаря «Николаевцы» (1999). Сегодня он по-прежнему активно участвует в издательских проектах. На этот раз профессор стал автором двух брошюр, которые опубликованы в книжной серии И. Гудым «Легендарные имена». Испанец и русский адмирал Дерибас оставил заметный след в истории Северного Причерноморья, сражался вместе А. Суворовым под Очаковым, штурмовал Измаил. Еще более известной исторической фигурой является граф Мордвинов, первый главный командир Черноморского флота и военный губернатор г. Николаева. Ю. Крючков не только перечисляет военные заслуги адмиралов, но и раскрывает нравственный облик незаурядных исторических личностей, вполне уместно – в назидание современникам – напоминает, что Мордвинов был попечителем литературного общества «Беседа любителей русского слова». Свои произведения ему посвящали А. Пушкин, К. Рылеев, С. Бобров. Он был единственным среди членов Верховного суда, кто не подписал смертный приговор декабристам. Издания адресованы всем, кто интересуется историей края, флота и г. Николаева.

Аркадий Суrows. Колесо Футарка. — Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2011. — 56 с.: илл.

«В лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно – что-то близкое к библейскому», – писал А. Пушкин в письме к В.А. Жуковскому. Эта характеристика невольно пришла на ум при чтении рунических мотивов А. Суrowsа. На берегах Южного Буга он взялся разгадывать тайны жизненного пути, обратившись при этом к космогоническим мифам древних скандинавов. Для рунической поэтики характерны параллелизм стихов, повторы, постоянные эпитеты, анафоры – как раз те приемы, что всегда привлекали нашего автора. На основе мифических образов он пытается пройти по той дороге, по которой уже идет более пятнадцати лет и которая отмечена рядом талантливых поэтических книг. Наверное, стоит согласиться с рецензентом: «Скорее, это наши края – степи и речные берега, закаты и рассветы южной земли... Вся жизненная нить плетется во всех концах света». Гадательное колесо Футарка включает состояния перехода к новому состоянию на духовном пути. Остановки для лирического героя Суrowsа обозначены главами философской поэмы, ключевыми понятиями дорога, дар, град, урожай, жребий, солнце, лошадь, человек, вода, собственность. А еще родина, счастье, радость и слава, бремя власти, справедливость и тайна обладания женщиной. Для любителей поэтического слова, поклонников поэзии А. Суrowsа чтение его новой книги может стать подлинным откровением.

Віталій Олійник. Часчка. — Новий Буг, 2011. — 46 с.

По-разному входят в литературу земляки: одни стремятся напечататься в столицах, в модных журналах, издательствах и презентовать коллегам свое замечательное сочинение. Другие счастливы тем, что вообще удалось опубликовать, предьявить миру исповедальные строки. К последним, пожалуй, принадлежит автор «Часчки», ветеран журналистского цеха и сотрудник «Южной правды». Он с благодарностью выносит на обложку фамилии всех своих спонсоров, в биографии прозаика уже пять книг. Свои новеллистические рассказы он называет «жития», потому что судьбы его персонажей – крестьян-хлеборобов, тружеников украинской земли – переключаются с образами тех, чьи имена чтут как святых или праведников. Почти все его новеллы обнаруживают желание «воршить прошлое», склонность к эпическому осмыслению народных драм эпохи социализма. В предисловии к «Часчке» отмечается правдивость художественных деталей, стилистическое мастерство, изысканность композиции текстов. Критик Л. Резник, анализируя новеллу «Ферапонтовы дети», вспоминает французского классика Ги де Мопассана, его рассказ «Пампушка» и находит, что у Николаевца есть неоспоримые достоинства, ибо он обращается к трагическим страницам украинской истории, которую «нельзя читать без брома», – как выразился Владимир Винниченко. В противостоянии добра и зла страдают в первую очередь порядочные люди, – пишет В. Олійник. Своими новеллами он защищает их от зла.

Евгений Мирощниченко

ЭТОТ ЗАГАДОЧНЫЙ КНИЖНЫЙ ЗНАК

«Мистический знак души», «утончённое произведение искусства» – как только не называют экслибрис художники, библиофилы, коллекционеры. И во всех этих определениях видится одно – любовь и преданность книжному знаку.

Сегодня книжный знак уже не выполняет того назначения, которому прямо служил, скажем, в конце XIX – начале XX веков, охраняя владельца частной библиотеки от посягательств соперничающего собирателя книжных редкостей. Экслибрис сегодня – носитель собственной ценности, он прекрасно выражает индивидуальность не только того, кто создал его, но и того, кому служит. Связь его с книгой становится всё более ассоциативной.

Графическая миниатюра, «экслибрис» и сегодня остаётся загадкой, хотя далеко не каждый знает, что по латыни это всего лишь «из книг». Можно это забыть, но когда удалось полистать пергаментные страницы факсимильного издания «Пересопницкого Евангелия», с его 450-летней историей, сразу вспомнились загадочные знаки. На фолианте оставил свою памятку один из последних владельцев Евангелия – гетман Украины И. Мазепа. В Николаевской областной научной библиотеке можно встретить книги с владельческими вензелями инициалов подвижника украинской культуры начала XX века Николая Аркаса.

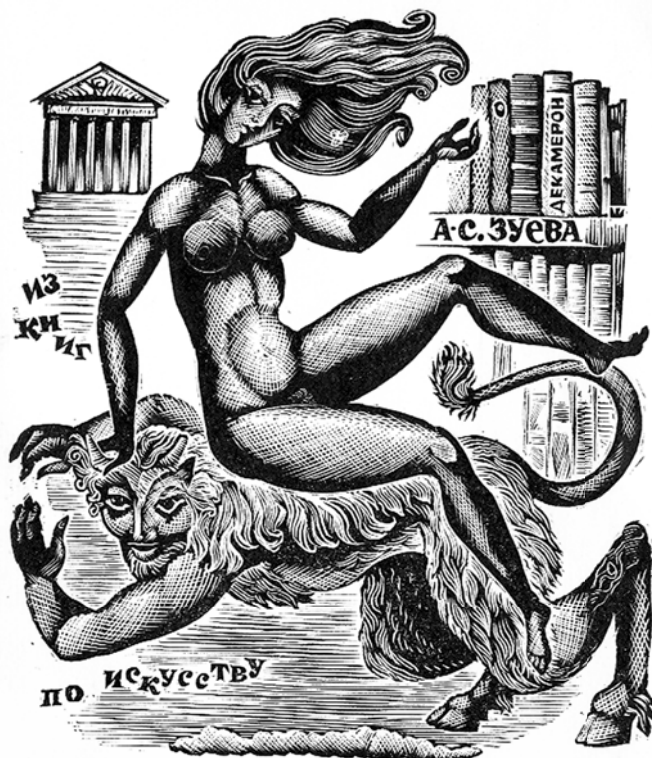
Подлинный расцвет культуры графического символа следует отнести к ушедшим 70-м годам, когда существовало Добровольное общество любителей книги Украины, были клубы собирателей экслибрисов, проходили научные конференции о сохранении книжного знака как памятника культуры. Впрочем, и сегодня действует Международная федерация обществ любителей экслибрисов, следящая за «производством» и приёмами изготовления и печати книжных знаков, начиная от традиционной резцовой гравюры, офорта, линогравюры до компьютерных рисунков и японской техники катазоме. Существует около 30 разновидностей печати книжного знака.

Среди николаевских книголюбов тоже были и есть ценители книжной миниатюры. Старейшим из них можно назвать покойного В.А. Филевского, который обладал богатым собранием редких изданий А. Пушкина и А. Грибоедова, их портреты изображены на его книжном знаке. Яхтсмен В.Д. Ковальчук сделал художественным символом своей домашней библиотеки парус. Г.М. Аболянин украсил книжный знак портретами любимых поэтов. Большинство из представленных здесь миниатюр выполнены петроградским художником-графиком Н. Кофановым.

Коллекцию экслибрисов николаевских любителей книги собрала Центральная городская библиотека им. М. Кропивницкого.

Е.Г.

ИЗ КНИГ ФИЛЕВСКОГО В.А.

ПОЧЕМУ «СОБОРНАЯ УЛИЦА», А НЕ «ФЛОТСКИЙ БУЛЬВАР»?

В самом деле, почему, на наш взгляд, удачное название регионального литературного и художественно-публицистического журнала – «Флотский бульвар», благосклонно принятого писателями, журналистами и с их помощью уже прозвучавшего в местных СМИ, оказалось маргинальным?

Виной всему – медийные обстоятельства. В культурный проект неожиданно вторглась новость: киевский медиа-магнат и шоумен, редактор всеукраинского еженедельника «Бульвар Гордона» со страниц своего издания заявил, что будет преследовать всех, кто покусится на его детище, ибо, как он полагает, предпринимаются попытки использовать его газетный бренд – слово «Бульвар». Свою угрозу преследования, юридического, разумеется, Д. Гордон уже осуществил. В Одессе оштрафован владелец издания с похожим названием – «Бульвар искусств».

Вряд ли здравомыслящий человек возьмёт на себя смелость утверждать, что название любимого горожанами Флотского бульвара над Ингулом может быть чьей-то собственностью. Ведь этот топоним существует на карте г. Николаева уже более 150 лет. Сомневаемся и в том, что кому-либо удастся приватизировать все слова русского лексикона. И, тем не менее, не хотим полагаться на чужой здравый смысл и начинать доброе дело с тяжбы.

В диалоге с читателем мы рассчитываем на ресурсы забытых смыслов, языка и литературного творчества. Нынешняя центральная улица города Николаева – Советская, в прошлом Соборная, – тоже может стать удачной метафорой современной жизни.

Мы приглашаем на праздник возрождения старой улицы.

Редколлегия

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция исходит из того, что авторы публикаций придерживаются действующего законодательства, несут ответственность за достоверность фактов, дат, имён, цитат и пр.

Мнение редакции может не совпадать со взглядами авторов.

Рукописи принимаются вместе с текстами, набранными на цифровых носителях.

Ответственность за содержание рекламы несёт рекламодатель.

Все права защищены.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ ВЫПУСКАХ:

■ СЕРДЦЕ ГОРОДА

К 75-летию Николаевской области

■ ПОЭЗИЯ

**Дмитро КРЕМИНЬ,
Олег ДУХОВНЫЙ**

■ ПРОЗА

Александр СИЗОНЕНКО

«Ватерлиния-2012»
и Первые Ольвийские
поэтические чтения